ВѢНОЧОК

ДЛЯ ПОДКАРПАТСКИХ ДѢТОЧОК.

ВЫДАЄ

ШКОЛЬНЫЙ ОДДѢЛ ЦИВИЛЬНОѢ УПРАВЫ

ПОДКАРПАТСКОѢ РУСИ.

РОЧНИК III.

РОК 1921/22.

УЖГОРОД 1922.

СОДЕРЖАНЯ III. РОЧНИКА ВѢНОЧКА.

КАЗКИ:

НАРОДНИ КАЗКИ:

ПЕРЕКАЗЫ И ОПОВѢДАНЯ:

Выходить 15. кождого мѣсяця окрôм юлія и августа.
Редактор: Др. ИВ. ПАНЬКЕВИЧ. Предплата Кч 12.— на рôк. Поодиноке число Кч 1.20.
Выдае Шкôльный оддѣл цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОК, УЖГОРОД, пл. Корятовича ч. 12.

Рôчник III. Ужгород, 15. сентембря (вересня) 1921. Число 1.

Президент Томаш Г. Масарик в Ужгородѣ.

Давно вже заявив наш пан президент републики, что хотѣв бы навщивити нашу милу краину Пôдкарпатску Русь. Та велики труды, яки положив наш президент для свого краю ще подчас войны, ослабили єго здоровля. Он мусѣв выѣхати аж на остров Капри в Италіѣ на лѣки. Та Бог допомог єму вернути одтам вповнôм здоровлю межи своих, у свою дорогу Прагу.

Вернувши до краю, постановив пан президент сповнити своє давнє желанє и поѣхати вперед на Словенско а потом на нашу Пôдкарпатску Русь.

День 22. септембра быв милым и ясным днем для Ужгорода. Сонце пускало свои тепли лучи на землю, вѣтрець утих, а праця вся устала, гей бы свято яке мало быти. Дѣйсно се было велике торжество. Из всѣх домôв повѣвали синьо-жовти або червено бѣли из синим угольником заставки. Головни улицѣ прикрашени, а особливо од дворця желѣзничого аж до жупанату а дале и улиця Собранецка. У вѣздѣ на улицѣ Собранецкôй и на желѣзнôм мостѣ поставлено прекрасно убрани вѣздни ворота, у горѣ котрых были написани слова „Привѣт Вам“.

Около годины 10. рано начав народ збиратися вздовж улиць, котрыми сподѣвався приѣзда пана президента. Один довгій шнур по обох боках улиць тягнувся почавши од ул. Корятовича серединою города аж по конець Собранецкоѣ. Зобралися там не лиш всѣ жителѣ Ужгорода, Русины, Чехословаки, Жиды, Мадяре але також из близьких и дальших сѣл. Приѣхали витати пана президента також из найдальшого

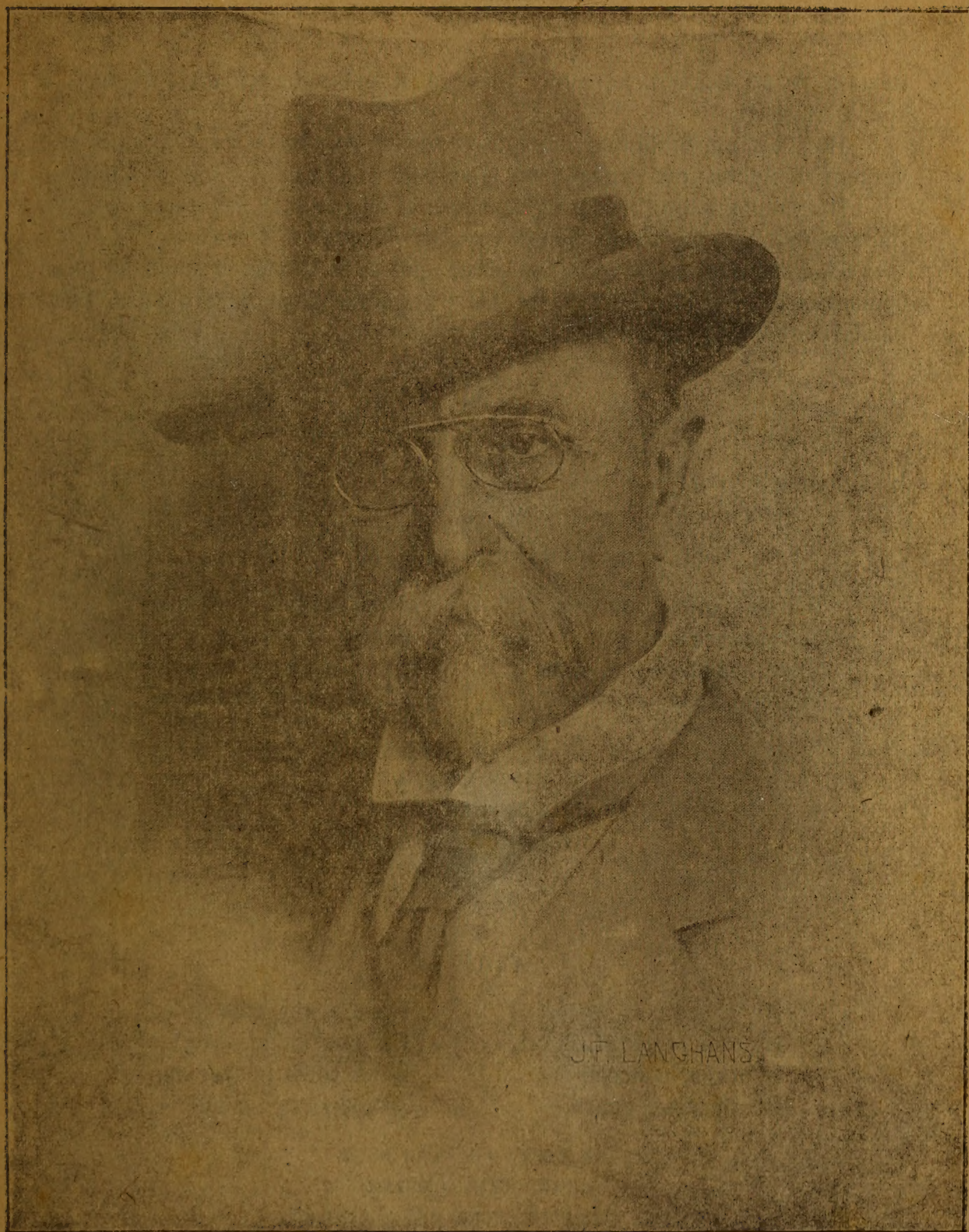
кôнця нашоѣ краины славни наши Гуцулы. Своєю прекрасною одежею звертали они увагу усѣх прохожих. На повитаня выйшла також и вся школьна молодеж из своими учителями и учительками и заняли мѣсце по обох боках улицѣ Собранецкоѣ. Приѣзд пана президента заповѣдженый был на годину пôв дванацятоѣ перед полуднем. А мав он ѣхати прямо из Кошиць, куды вже была поѣхала окрема депутація Пôдкарпатских Русинôв єму на встрѣчу.

Не довго перед годиною дванацятою почали одзыватися стрѣлы из армат и дзвоны дзвонити у цѣлôм городѣ. То быв знак, что дорогій гость зближає ся ид городови. Очи всѣх наповнилися радостею увидѣти першого президента ческословенскоѣ републики и освободителя руського народа. Появився первый автомобиль, за ним другій, третій а дальше четвертый окруженый почетною бандеріею кавалеріѣ. В нѣм сидѣв президент Масарик. Из уст всеѣ молодежи и народа роздався радостный голос: Да живет! Слава! Вôз из паном президентом котиться поволи, коли тымчасом хор учениць руськоѣ грек. кат. семинаріѣ спѣває гимн Пôдкарпатских Русинôв.

Перед самым будинком жупаната вôз остановився. Пана президента витають вицегубернатор Еренфельд и генерал Парис. По короткôм привитаню поступають поволи дальше. Переходять попри почетну гуцульску сторож, почетну сотню, котра из своєю музикою оддає єму войскову честь и входять у ворота жупного дома. Тут повитає пана президента од имени ужгородскоѣ жупы жупан Желтвай, а панѣ подадуть єму прекрасну китицю цвѣтôв.

На привитальну бесѣду жупана отвѣтив пан президент ласкавыми словами. Упевнив Пôдкарпатских Русинôв, что всегда думає за тот руській край, котрый тысячу лѣт стогнав у неволѣ, та возвав руську интелигенцію, абы соєдинеными силами взялася до працѣ и поднесла так просвѣту народа яки єго добробыт. По тôй бесѣдѣ повѣв жупан пана президента на малый одпочинок.

Тымчасом у великôй салѣ жупаната збиралися депутаціѣ урядникôв, вѣроисповѣдных громад, просвѣтных заведень, прѣдставителѣв сѣл и городôв, абы могли еще окремо повитати пана президента и высказати єму желаня цѣлого населеня. Пан президент принимав радо всѣ депутаціѣ, звѣдовав од них про потребы населеня, а на памятку свого побыта в Ужгородѣ вручив городскому головѣ бôльшу суму грошей для худобных мѣста Ужгорода. С вдоволенєм мôг Пан президент чути од всѣх депутацій, что всѣ усилують ся працьовати и поспѣшати до одноѣ

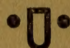
Президент Чехословенскоѣ републики Томаш Г. Масарик.

меты а то до подвигненя свого народа и забезпеченя єму лѣпшоѣ и тревалоѣ долѣ.

На жаль короткій быв час побыта тогото дорого гостя. О годинѣ пôв четвертоѣ мусѣв рушитися пан президент опять в дорогу до Кошиць.

На улицях народ чекав терпеливо, абы еще видѣти єго и при од'ѣздѣ. Знов почувся голос из тысячных грудей: Да живет! Славно!

Поволи котився автомобиль. Пан президент позирав мило на ряды пращаючих го, гейбы тяжко му было розставатися из столицею Пôдкарпатскоѣ Руси Ужгородом и с єѣ народом.

М. ПÔГОРЯНКА:

МИНУЛО ЛѢТО.

Ой вже лѣто минуло,
Холодочком подуло,
Вже я досить пас волы
Теперь пôйду до школы.

Купѣть, мамко, книжочку
И новую табличку,
Щей писальце в склепаря
Чтоб спознали школяря.

А за тоє я, мати,
Научуся писати,
И нянькови зажену
Письмо аж в чужину.

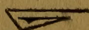

ГРИБЫ.

Не теперь, не теперь
На грибы ходити.
В осени, в осени
Як будуть родити.

Пôшов дѣд на грибы,
Баба на пôдпеньки,
Баба собѣ посущила,
Дѣдови сыреньки.

Як идете на пôдпеньки,
Кличте нашу Сеньку,
Наша Сенька не слѣпенька
Видить де пôдпенька.

КАНТАТА

на честь вычсокодостойного пана президента МАСАРИКА приготовлена з нагоды Эго приѣзду до Ясѣня, дѣтьми дер. гор. школы в Ясѣню.

Andante.

S. I.
S. II.
A.

f *mf* *p* *pp* *p* *pf*

Сла-ва. Сла-ва. Сла-ва. Сла-ва. Сла-ва, Пре-зи-

ден-ту, Ма- са-ри - ко- ви. Сла-ва, за- щит-ни-ку во-лѣ й прав- ды.

Сла-ва, О- сво-бо-ди- те-лю на-шо- му. Сла-ва Йо- му. Сла-ва Йо-

му, Сла-ва Йо- му. Сла-ва Ма- са - ри-ку, Сла- ва Йо-му.

f *ff* *f* *p*

Solo

Сла- ва Йо- му. Сла-ва по- кро-ви-те- лю о свѣ-

p *f*

tutti

ти. Сла-ва Йо- му, Сла-ва Йо- му, Сла-ва Йо- му, Сла-

f

ва, Йо- му, Сла- ва Йо - му.

p *pp* *ppp*

Зладив ИВАН УСТІЯНОВИЧ
учитель дер. гор. школы в Ясѣню.

Е. ДЕ АМІЧІС.

Першій день у школѣ.

Сегодня першій день у школѣ. Минули як бы сон тѣ три мѣсяцѣ лѣтнього одпочинка на селѣ. Сегодня рано мамка одвела мене в городску школу и записала у третю класу. Я все ще думав про село та ишов туды неохотно. Всюды улицями ишли школярѣ, а в двох книгарнях повно было людей, отцѣв и матерей школярôв и куповали зшитки и книжки. Перед школою набралося такого народа, что сторож с полиціянтом насилу вдержовали людей, обы не заступали двери. Пиля дверей я почув, что ктось торкнув мене в плече. То быв мôй учитель из минувшого року, завсѣгды веселый, завсѣгды из побуреным волосєм. Ôн казав менѣ:

Так мы розсталися с тобою, Єнрико, на вѣки? Сесе я и сам знав, а од єго слôв менѣ стало ще сушнѣйше.

С трудом перебилися мы у школу. Панѣ, паны, жоны роботникôв, офицеры, стари бабусѣ, наймички — кождый одною рукою держав за руку свого хлопця, а в другôй руцѣ держав посвѣдченя про тоє, что хлопця записано у высшу класу. Людей повно было и в свѣтлицѣ и на сходах, всюды гомонѣло гей в улію. Менѣ приємно было стояти у сѣй великôй свѣтлицѣ нижнього поверха, — три роки я проходив тут мало не кождого дня. Учительки ходили туды и сюды серед глоты. Моя учителька ще из першоѣ класы кивнула менѣ головою, стоячи на порозѣ у своѣй класѣ и сказала:

— Енрико, сего року ты будеш на другôм поверсѣ. Не увиджу тебе хотьбы тогды, коли будеш проходити — тай подивилася на мене сумно.

Директора обступили жоны, дуже засмучени, что не было вже мѣста их сынам. Менѣ здавалося, что у директора борода стала сивѣйшою, як была минувшого года. А хлопцѣ — товариши повыростали и потовстѣли.

На кождôм поверсѣ вже подѣлили дѣтей, кого куды належало. Там были таки хлопятка з первоѣ класы, что не хотѣли входити в класу и опинялися як ослята; треба было тягнути их силою. Инши, коли видѣли, что их няньо ало мамка идуть домôв, починали плакати. Родичи их мусѣли вертатися, чтобы их потѣшити або забрати из собою домôв; учительки аж за голову бралися, не могучи дати собѣ рады с такими дѣтьми.

У десять годин мы всѣ были вже в класѣ; пятьдесять и чотыри, а з ных тôлько пятнацятеро або шѣстьнацятеро из давнѣйших моих

товаришôв; серед них и Дероси, котрый всегда бере першу нагороду.

Якою тѣсною та сумною здалася менѣ школа, як я згадав про лѣсы та горы, серед котрых прожив я лѣто! Ще згадав я про свого торѣшнього учителя из другоѣ класы: ôн такій добрый быв и все смѣявся с нами, и такій маленькій быв, что здавався нашим товаришем. И менѣ жаль было, что я вже єго не буду видѣти. Наш новый учитель без бороды, с довгим сивым волосєм. На чолѣ у него одна велика зморщка; голос мав товстый. На всѣх нас дивиться пильно, гей у душу зазирає. Ôн нѣколи не смѣєся.

Я подумав: — Се першій день. А ще девять мѣсяцѣв! Скôлько ще треба учитися, працювати, здавати испыты! И так менѣ хотѣлося, чтобы у ворот при выходѣ зо школы чекала на мене моя мамка. . . — Она там по правдѣ и была. Выйшовши, я по правдѣ ю там стрѣтив и кинувся еѣ руку цѣловати. Она сказала менѣ:

— Не бôйся, Енрико! Будеме учитися у двох. И я вернувся домôв веселый. Але нема вже мого учителя и через тоє школа не здаєся менѣ красною як попереду.

Из читанки: Рідна школа.
Читанка третя.

НИКОЛА УСТІЯНОВИЧ:

Осѣнь в горах.

Сумно шумѣли боры. Гей лихим товкася западовець*) по тѣсных дебрах та дикиг изворах. До полонины ухопився грубый туман. И сям и там по верхах залях уже снѣг на стале зимоване. Небо приодѣлося оловом, лѣсы почорнѣли, а також зелена ялиця потемнѣла, затужила. З борôв коптѣли густи, студени дымы, гей бы пôв свѣта горѣло. Окружали клубами изворы, то ставали над темными вертепами, то подносилися пôд небо в густи хмары и шумѣли далѣ свѣтами. Всюды не так, як было лѣтом. Нѣ сопôлка не затужила на веселôм вершку, нѣ трембита не зазвинѣла з высоких полонин нѣ пташина не защебетала в лѣсочку, нѣ дѣвчина не заспѣвала в загородѣ. Всюды глухо и сумно як в сердцю чоловѣка, что до гробу хиляється. Все вѣщовало, что надойшов уже до Верховины поквапный гôсть: довга, студена и безрадостна осѣнь.

*) западовець = западный вѣтер.

БОЖЕНА НЄМЦОВА:

Як бабонька старала ся про звѣрят.

Як лиш рано заскрипѣли двери и бабонька з'явилася на порозѣ. в тôй хвилѣ загеготали гуси, в хлѣвѣ зарохкали свинѣ, корова зарычала, куры затрепотали крылами, котки (мачки) зôдкись прибѣгки и ласкаво пригладжовалися коло єѣ ноги. Пси выскочили из буд а простягнувшися одным скоком были вже у бабоньки. Если бы ся не была охоронила, были бы ю певно подрапали а кошарик из зерном для дробу из рук вырвали.

Всѣ тѣ звѣрятка дуже любили бабоньку а она их. Боже сохрани, абы была дозналася, як кто без ни даремно знущався, хоть бы то быв и червачок. „Что для чоловѣка на шкоду, або на пожиток, а муситься тото забити, то Бог най одпустить-заб'єся, але мучити не свободно“.

Але одного раз розгнѣвалася она дуже на оба псы, Султана и Тырла. А было про что гнѣватися. Ото пôдкопалися до хлѣвця и рознесли за одну нôч десять малых качат, тых малых жовтых. Бабоньцѣ аж задервѣли руки, коли отворила рано хлѣвець а гуска с трьома

оставшими качатами вийшла на двôр, геготаючи хриплым голосом, як бы нарѣкала за забытыми качатами, котри высидѣла замѣсть их непосидючоѣ матери-качки.

Бабонька мала на первôй думцѣ шкодника — куну, але пересвѣдчилася послѣ стопы, что то зробыли псы. Бабонька аж очам не хотѣла дати вѣры, что то могли учинити тѣ вѣрнѣ псы. А єще прийшли и ласкалися як бы нич не зайшло, а то бабоньку дуже розгнѣвило.

„Геть од мене, вы голото! Что вам учинили качатка? Маєте може голод? Нѣт: лиш из свавольности вы так зробили. Проч од мене, анѣ вас видѣти не хочу“. Пси взяли хвосты пôд себе и пôшли до своих буд. Бабонька жаловалася о тôм газдѣ, в той, абы учинити послѣ права и справедливости, взяв бука и пôшов дати за се псам добру памятку. Бабонька ам заткала собѣ уха, коли почула из вонка крик, але подумала собѣ: „Что ся належить, то мусить быти, най собѣ попамятають!“

Минула одна година а потом двѣ а пси не вылазили из буд. Бабонька пôшла подивитися, чи часом за богато им не досталося. Подивилася до буд а пси скавулячи дивилися на ню жалостно и поволи высувалися на животах ид єѣ ногам.

„Теперь вже жалуєте, видите? Так все быває псотникам. Памятайте собѣ то! — Псы тото собѣ пимятали. Коли небудь гусята або качата бѣгали по двору, звертали свои очи радше в другу сторону, або одходили и так знов привыкли до привычок, якѣ любилися бабоньцѣ.

А чому-же тѣ всѣ звѣрята мали бабоньку так радо? Раз длятого, что бабонька не скривдила нѣ одного звѣрятка, всегда на них памятала, Як коли кусочок хлѣба лежав где небудь, або дѣти не доѣли шкорки, то бабонька все ховала. Потôм сыпала то все за оболок потятам, котрѣ там злѣталися и кормылися тым. Як коли ишла понад воду, метала окрушки рыбкам.

В зимѣ сыпала дробинки або зерно на дощинку прибиту до колика а хоронену од хижих птиць малым дахом. Як то злетѣлося сейчас птацтво, як почало мило цвѣркати! — аж бабонька мусѣла хвилину задержатися и послухати.

Тота хвилинка была наймилѣйшою для неѣ из цѣлого дня. Анѣ найгôрши бурѣ нѣ морозы не завернули ю од тоѣ дороги. Говорила собѣ: Та я бы спати не могла, колибы тѣ бѣднята мали терпѣти голод.“ Тых добрых дѣл учила бабонька також и дѣтей.

ЛИСИЦЯ МѢРЯЛЬНИКОМ.

(Из „Лиса Микиты“ Ивана Франка — пѣсня І.

Надойшла весна прекрасна
Многоцвѣтна, тепла, ясна,
Як дѣвчина у вѣнку;
Ожили луги, добровы,
Повно гамору, розмовы
И пѣсень у чагарнику.

Лев, что царь є над звѣрями,
Пише листы с печатками,
Розсылає на свѣт весь:
„Час настав звѣрного збору
Скоро до царского двору
Звѣрина вся най зойдесь“.

Ось идуть они товпами,
Гей на одпуст с заставками —
Олень медвѣдь, рыба и рак;
Лиш один гей и не чує
В своѣм замку там ночує;
Лис Микита, гайдамак.

Ой не даром он ховаєсь!
Знать сумлѣня обзываєсь;
„Кривдив ты звѣрячій люд!“
Тымчасом в своѣй столицѣ
Царь засѣв поруч царицѣ,
Чтоб творити звѣрям суд.

Першій озвавсь Вовк Несытый.
„Царю, — каже, — вже и жити
Лис не дасть нам сей злодѣй
Дѣтей моих бє, кусає,
А вовчицю обмовляє
Сяк, что повѣдать годѣ!“

„Ай мене — хиба-ж то честно?
Як ôн хитро и облестно
Мало в грôб мене не вгнав!
Се было ще того разу,
Як я з царского приказу
Сельским судією став.

„От до мене вбѣг Микита!“
„Вовче, справа знаменита!“
Чотыри бараны є тут.
Им лишилася по батьку
Гарна частка поля в спадку,
И на твôй здаються суд.

„Видиш, почали свариться,
Анѣ руш им подѣлиться —
Мѣрялника в них нема.
Я веду их в свою нетру:
Будь ты за геометру, —
Праця буде не дарма.“

„Втѣшивсь я — нема что казати.
Бачте, Баранôв мирити
Дуже я люблю над все:
Як зроблю им справу в поли.
То вам жаден з них нѣколи
Вже рекурсу не внесе.

„От я скоро збираюся,
С Баранами витаюся —
Хлопцѣ повни, як стручки!
„Но бо, хлопцѣ, поспѣшѣме,
На той спорный грунт ходѣме!
Маєте пальки, дручки?“

„Все тут, — кажуть, — все готове!“
Выйшли в поле Баранове,
Стали мѣрять — нѣт не йде!
Тут за много, там за мало,
Вшир не хочуть, вздовж не стало,
Бо тут лѣпше, там худе.

„Далѣ каже Лис Микита:“
„Тут одна лиш стежка бита
Вас до правды доведе.
Вовче, стань по серединѣ,
А з них кождый в сѣй хвилинѣ
На кут нивы най иде.

„Станьте и стôйте там спокойно,
Кождый увежай подвойно!
Як я крикну: раз, два, три, —
То з вас кождый без уговку
Як найскорше к пану Вовку
Что лиш силы просто дри!

„Кто найскорше дочвалає
Вовка з мѣсця геть зопхає,
Мати — буде бôльшу часть,
Зрозумѣли?“ — „зрозумѣли!“
„Ну, ставайтеж, и я цѣли
Най ваш Бог добѣгти дасть!“

„В серединѣ став я радый,
Не домѣрковався зрады,
А Микита на межи
Аж у собѣ радость тисне —
Як не гаркне, як не свисне:
„Раз—два—три! А враз бѣжи!“

„Ледво крикнув Лис Микита, —
Гей, як рушили з копита
Бараны у той сам час!
А як збилися до купы,
То вам як бы чотыри ступы
В мене гопнули нараз.

„Чотыри Бараны од разу
Мои кости на логазу,
Здається ми потовкли;
Я лиш зѣпнув, закрутився,
Тай на землю покотився,
Очи кровю заплыли.

Довго ще так правовались,
Что хвилины розбѣгались,
Тай рогами в мене бух!
А Микита той собака,
Реготався, аж лазив рака,
Что так з мене перш дух.

„Та прокляти Бараниска
Не вважають, что смерть близька,
Что зомлѣлый я лежу:
Сей рогами з ôдси пхає,
Той в противный бôк штовхає
Чтоб посунути межу.

„И булиб за нюх табаки
Там на вѣчну ганьбу таки
Вовка вбили Бараны,
Та дав Бог, моя Вовчиця
Там надбѣгла подивиться, —
Аж тогды втекли они.“

Хоть як жалобно сю повѣсть,
Гей сумную дуже новость
Вовк цареви голосив,
То цариця хихоталась,
Тай царь, чтоб не знявся галас,
Ледвы в собѣ смѣх дусив.

Крук велика птиця.
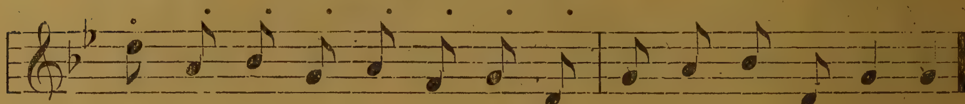
Скоро. *На музыку уложив учитель Стефан ЧАЙКОВСКІЙ.*

Жив, жив, жив, жив со - бѣ ко - лись на свѣ - тѣ

крук, ве - ли - ка пти - ця, звык, звык, звык,

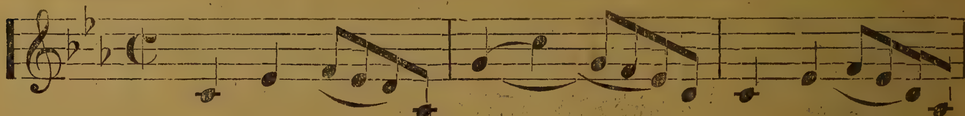

звык со - бѣ он ти - хо жи - ти тым та сим жи - вить-ся.

Слова подани в 2. числѣ „Вѣночка“ за минувшій школьный рôк.

Могила под Бардіовом.

До походу. *Уложив на музыку уч. Стефанъ ЧАЙКОВСКІЙ.*

З над си - ньо - го До - - - - ну ко - зак вы - ѣ-

зжа - є Свой ро - ди - мый край ко - за - цькій

дум - ко - ю пра-ща - е. э.

Слова подани были в 2. числѣ „Вѣночка“ за минувшій рôк.

Переписка „Вѣночка“ из читателями.

Загадки из 5. числа Вѣночка одганули цѣлком добре Бачинска Катерина учениця III. кл. в Чорноголовах. Выйшли они так: 1) яйце. 2) оборôг, 3) слимак, 4) рôк, мѣсяць и тыждень, 5) дым, 6) мак.

Зато одержала она красну книжочку с образками: Котик и пѣвник.

Одгадки надослали многи читателѣ, но звычайно не одганули одноѣ. „Вѣночок“ надѣеся, что помѣщени в сѣм числѣ загадки одгануть всѣ добре.

Читателям из Перечина: Вѣночок дякує красно Яромирови Яцкови и Ганѣ Богдан за их стишки. Вѣночок постараеся, обы они чим скорше были напечатани.

Також дякує „Вѣночок“ Ганѣ Довбей, Марiѣ Керецман и Анастазiѣ Умур за присланѣ красни загадки. Их помѣстить ся в найближшôм числѣ, ци други читателѣ их одгануть.

Вѣсти из житя дѣтей.

Ученики и ученицѣ руськоѣ горожаньскоѣ школы в Ясѣню закончили свôй школьный рôк дуже торжественно. Они одограли прекрасну штуку зо спѣвами „Коза-дереза“. Выступали в тôй грѣ Коза-дереза, Лисичка-сестричка, Зайчик-лапатчик, Вовчик-братчик, Медвѣдь-товстолап и Рак-неборак.

Рѣч дѣялася у лѣсѣ коло лисиччиноѣ ямы.

За тыми ишла друга гра „Сила молитвы“. Дѣти представляли як молитва дѣточок купця, котрого напали опришки, збавила го од смерти. Ватажок опришкôв почув молитву дѣтей купця, что выйшли были за город молитися до образа Преч. Дѣвы Марiи, и серце ему змякло, так, что не рушав купця а пустив его живого зо всѣм маетком.

Доходять вѣсти до „Вѣночка“, что многи школьни дѣти приготовояються до гри „Святый отець Николай на Подкарпатской Руси.

Загáдки:

1) Ни рак, ни рыба; ни звѣрь, ни птиця; голос тонкiй а нôс довгiй; кто его убе, тот свою кров пролле.

2) Мене часто просять и чекають. а як тôльки покажуся, то всѣ од мене утѣкають.

3) Поля склянни, а межи деревлянни

4) Хата, не хата, окон богато; є куда влѣзти, та нѣкуды вылѣзти.

5) Мету, мету, — не вымету; несу, несу, не вынесу; пора прийде, — само выйде.

Кто до 15. децембра пришле всѣ добри одгадки, тот достане нагороду даскôлько зшиткôв до писаня.

Содержаня:

Книгопечатня „Викторія“ Ужгород.

ВѢНОЧОК
ДЛЯ ПОДКАРПАТСКИХ ДѢТОЧОК.

Выходить 15. кождого мѣсяця окрôм юлія и августа.
Редактор: Др. ИВ. ПАНЬКЕВИЧ. Предплата Кч 12.— на рôк. Поодиноке число Кч 1.20.
Выдае Школьный оддѣл цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОК, УЖГОРОД, пл. Корятовича ч. 12.

Рôчник III. Ужгород, 15. октобря (жовтня) 1921. Число 2.

Иванникій Базилович первый дѣеписець Подкарпатскоѣ Руси.

Иванникій Базилович первый дѣеписець Подкарпатскоѣ Руси.

Маленька наша краина Пôдкарпатска Русь маѥ много славных мужôв, котрыми може перед свѣтом хвалитися. Тотѣ славни наши люде здобули собѣ сю славу великою працею над своим просвѣщенем, бо просвѣтивши себе, могли просвѣщати и дальши поколѣня. Таких просвѣщеных людей жило у нас найбôльше в XVIII. столѣтю т. ѥ бôльше як столѣт тому назад. Коли завели тут церковну унію, епископы наши, а то головно Ольшавскій, Брадач и Бачинскій, поклали велику вагу на то, обы священники руськи были высоко просвѣщенни. В тôй цѣли высылали они молодых студентôв на науку до великих городôв а головно до Тирновы, Кошиць, а навѣть до Вѣдня. Вертали из ôдтам вже людьми учеными, яки приносили славу Пôдкарпатским Русинам не лиш в краю, але и по за ѥго границями. Многи стали професорами у высоких школах у Львовѣ а навѣть в Петроградѣ.

До таких славных мужôв належав також и Иванникій Базилович, протоигумен мукачевского монастыря. Уродувся ôн року 1742 в селѣ Хлѣвищах ужгородскоѣ жупы из убогоѣ родины. До школы ходив пильно По сельскôй науцѣ пôшов в Ужгород, а по сконченю школ поѣхав ѥще на дальшу науку до Кошиць. Там одержав высоку освѣту, котра помогла ѥму у дальшôй ѥго працѣ для славы Пôдкарпатских Русинôв. Повернувши из Кошиць, вступив Базилович року 1782 до монастыря в Мукачевѣ и проживав там аж до смерти т. ѥ. до 18. октобра 1821 року.

В монастырѣ переводив Базилович час не лиш на молитвѣ, але посвятив всѣ свои труды науцѣ. Ôн поставив собѣ за задачу списати у книгу історію мукачевского монастыря, а с тым и історію руського народа пôд Карпатами. И дѣйстно достиг Базилович великого успѣха. Ѥму удалося зобрати множество старых грамот и на их основѣ списати велику історію мукачевского монастыря, котрый заложив в р. 1360 руській князь Теодор Корятович. Списав ôн сесе дѣло на латинскôй бесѣдѣ, як то было звычаем у тодѣшнôм часѣ и выдав у шѣстьох великих книгах в Кошицях. Перши три книги выйшли в роцѣ 1799, четверта в р. 1804, а пята и шеста в р. 1805.

Сеся книга остала аж до найновѣйших часôв одинокою учителькою руськоѣ исторіѣ. В нѣй вспоминаѥ Базилович о тых Русинах, котри ѥще до приходу Корятовича жили в Карпатах и колись зайшли сюды из Галичины и Киѥвскоѣ Руси. Коли Татаре опустошили в XIII. вѣцѣ нашу землю,

прийшли сюды Русины у великôм числѣ пôд проводом князя Корятовича из Подоля и осѣли пôд горами около Мукачева аж по Маковицю. Князь Корятович построив сейчас на горѣ пиля Мукачева монастырь, котрый мав служити як огнище просвѣщеня и культуры для Пôдкарпатских Русинôв. Из него и выйшов Иванникій Базилович.

Тогдашній свѣт умѣв оцѣнинити працю Базиловича. Братчики выбрали єго игуменом монастыря, а потôм став ôн протоигуменом чина св. Василія на цѣлу Пôдкарпатску Русь.

Окрем великоѣ исторіѣ мукачевского монастыря писав ôн єще много религійных книг, котри по бôльшôй части остали ненапечатани.

Як высоко держали Базиловича сучасни єму люде, видиме нынѣ из образов, яки представляють єго як чоловѣка ученого окруженого книгами. Також представляють єго и лежачого на смерти серед книг, из котрыми не розлучався по конець свого житя.

В день 18. октобра сего року минуло 100 лѣт од єго смерти. Вспоминаючи на сей день, мы гордимеся на нашу давню славу. Но с тым маєме измагатися, обы мы достыгли нашою працею такоѣ самоѣ славы, як наши предки тому 100 рокôв назад.

В. МАСЛЯК.

НАУКА.

Учися, дитино, бо вчитися треба,
Учися, голубко, най розум не спить
Нам сердце и воля и дух росте в силу,
Для житя, для свѣта треба ся учить.

Учися дитинко, бо свѣт сей не батько,
Широкій, розлогій мов поле в степу.
Знайти в нѣм дорогу—той лише зможе,
Кто много а много учився в житю.

Учися, голубко, Бог буде з тобою,
Ушанують люде, полюбить тя свѣт,
Чого научишся—вода не забере,
Не озме розбойник, огень не спалить.

Про хлопця, что сидѣв сѣм лѣт у колодязи.

У одного чоловѣка были три сыны. Одного разу лягли они собѣ спати, а коли рано встали, яв отець звѣдати найстаршого: Что тобѣ, сыну, снилося?

Каже найстаршій: Менѣ снилося, что пôд нашою хижою выросло дерево и были бы из него гуслѣ.

— Може быти! — каже отець.

Звѣдує тогды другого середущого: А что тобѣ, сыну, снилося?

Каже середущій: Менѣ снилося, что в нашôй загородѣ выросли два дерева, та были бы на яку потребу.

— И се може быти! — одповѣв отець.

Звѣдує на конець наймолодшого: Теперь кажи ты сыну, что тобѣ снилося?

А тот не хоче казати. А єму было сѣм годôв. Имив отець, бє. На тот час над'ѣхав царь красным возом. Царь приказав слузѣ зазвѣдати у чоловѣка, за что бє хлопчища.

Чоловѣк каже: Не хоче сказати, что єму снилося.

Тогды царь возьме хлопчину на вôз и повезе до себе. Дав єму окрему хижу и послав до школы. Хлопець рôс и учився. А у того царя была донька и они дуже полюбилися с тым хлопцем. Коли хлопцеви было сѣмнацять годôв, царь го зазвѣдав: А теперь скажи менѣ, что тогды снилося тобѣ, як єще быв ты у нянька.

Легинь одповѣв: Я вам не скажу.

— Як менѣ не скажеш, то тебе дам загубити — сказав царь.

А леґинь таки не сказав.

Повелѣв тогды царь копати великій колодязь. Як выкопали колодязь, казав єго муровати. Мурники колодязь мурують и царôвна подойшла до них и почала казати: Муруйте менѣ попôд землю из того колодязя до моєѣ хижи, абы царь не знав нѣчого. Дам вам за те, что хочете.

Мурники послухали. Як было вже все готове, прикликав царь хлопця и казав єго спустити у той колодязь. Та дав єму до того свѣчку, столик и столець, пугарь вина тай колач. Хлопець сидѣв там, поки всего не з'ѣв. Потôм пôшов попôд землю до дочки царя, взяв собѣ ѣдѣня и вернув опять у колодязь. Так тяглося тото довгій час.

А в седмиградскôм краю жив тогды Поган-царь, а мав дванацять голôв. Одного разу прислав ôн до сього царя три ровни качѣлки, однаки на обох концях, обы царь угадав, котрый конець грубшій. Як не вгадає, то Поган-царь згубить єго всю землю.

Попозирав царь на качѣлки тай дуже запудився, бо не годен угадати. Прийшла до него донька тай звѣдує, чого такій сумный. Царь оповѣв. Прийшла царôвна до легиня тай оповѣдає, что царь дуже сумный. А легинь каже: Иди повѣж отцеви, най вкине качѣлки у воду, что стоить тихо, а най уважає, котрый конець зачне потапати. Котрый конець буде падати у долину, тото буде товщій конець.

Зробив царь, як донька порадила. Угадав царь и загнав качѣлки Поган-царю.

Посылає тогды Поган-царь три однакови лошаки и каже угадати кôлько котрому лѣт.

Царь знов посумнѣв. Тогды пôшла царска дочка до колодязя и оповѣдає легиневи. А легинь каже: Скажи всыпати до одного жолоба половы, до другого пшеницѣ, до третього овса. Котрый лошак побѣжить до половы, тому буде рôк; котрый до пшеницѣ, тому буде два; котрый до овса, тому буде три роки. Най тогды царь назначить их и одошле до Поган-царя.

Зробив усе царь, як радив легинь. Тогды Поган-царь верг до того царя одну оловяну кулю, что мала ваги трицять сотнарôв и выслав таке письмо: Коли тоту кулю не вержеш менѣ, то тогды тебе загублю.

Напудився дуже царь. Журиться велико. Приходить до него донька и звѣдує: Чого вы няньку такій сумный?

— Як не маю быти сумный? Загнав Поган-царь кулю и завтра до полудня мушу єѣ веречи опять. Иншак мене загубить.

Пôшла од него донька дуже сумна. Зайшла до колодязя и оповѣдає легиневи, что зайшло.

Тогды ôн каже: Иди и скажи свому отцю, что тот, котрый сѣм годôв теперь у колодязи запертый, годен веречи оловяну кулю Поган-цареви. Але най справить цареви сильне ведро и читавый ланц, коли єго хоче вытягти из колодязя, та най отець упряже тотѣ конѣ, что не везли нигда никого, та такій най жене их вôзник, что ще нигда конѣ не гнав.

Пошла царôвна до няня и каже: Няню! Менѣ снилося, что як бы вы вытягли з колодязя того хлопця, котрого вкинули перед сѣмома роками та як бы єго привѣз вôзник, что не повозив єще николи и такими кôньми, что николи не ѣхали, то он бы мôг веречи тоту кулю Поган-цареви.

А царь єѣ каже: Того хлопчища у колодязи не є, бо уже давно тот погнив.

А царь не знав, что хлопець кождого дня ходив попôд землю до хижи єго доньки. Царь послухав свою доньку, бо видѣв, что переже радила єму добрѣ. Думає собѣ: Мои конѣ не возили никого, а поганяти мушу я!

Пôшли мурники одкрывати колодязь. А легинь пôшов попôд землю до хижи царôвны, взяв один колач, пугарь вина, столик, столець та свѣчку тай сѣв собѣ так, як сидѣв сѣм лѣт тому, коли царь вкинув єго туды. Одкрыли колодязь, заглядає царь, легинь сидить. Здивувався царь. Такого дива и чуда ще не видѣв. Спустили ведро, вытягли єго, посадили на вôз а царь яв сам поганяти конѣ. Приѣхали до палаты. Царь у страху, бо вже находить дванацята година, а не знати, ци парубок верже кулю на час.

Насходилося богато людей, зобралося усе войско, будуть приглядатися, як легинь буде метати ту кулю. Схопив легинь кулю и верг нею, а куля лиш загучала и полетѣла.

А Поган-царь засѣв саме тогды за стôл обѣдати. Надлетѣла куля, вдарила в дôм, пробила побôй и упала на стôл.

Побачив Поган-царь, что у сего царя мусить быти якійсь витязь. Написав до него письмо, обы тот витязь прийшов ид нему на войну.

Зобрався легинь, прибрав собѣ ще двох товаришôв и пôшли ид тому поганинови. Своим товаришам наказав: Я прийду ид цареви, та буду подавати єму руку; та обысте и вы подавали, та не буде знати, котрый витязь. Дале буду подавати пугарь вина, обысте и вы брали.

Прийшли до царя, подає ôн руку, подають и они всѣ нараз. Наливає им пугар вина, беруть єго всѣ три нараз. Не може пôзнати, котрый витязь.

Каже мати Поган-царя: Запри их на нôч до пивницѣ; котрый рано прийде без шапки, тот буде витязь. — А мати єго была вѣдьма (босурканя). Она перекинулася в ночи на якусь бѣду, протислася незамѣтно до коморы и взяла витязеви клебаню. Тѣ стають рано — клебанѣ не є. Они пôдпалили папѣр та спалили и тѣ обѣ шапки, что лишилися. Приходить Поган-царь, не годен пôзнати витязя. Розлютився и казав им точити саблѣ, бо будуть битися. Мусять усѣ три згинути, коли не хотять дати себе пôзнати. Каже витязь: От лѣпше попозирай єще на сесь свѣт, бо не знаєм, як буде.

Яв Поган-царь позирати по свѣтѣ, а витязь выйме саблю, махне и оботне дванацяту голову, а за тою усѣ пôодтинав. Коли клав свою саблю попиля себе, утяв собѣ мало перста. Так вернув домôв. Увидѣв се той царь, что выймив єго з колодязя, здоймив свою ширинку з шиѣ и завив єму перст. Стягнув свôй перстень и заложив єму на палець правоѣ руки. Потом яв дяковати, что побѣдив єго ворога та вырятовав єго од бѣды.

Пресвѣтлый царю! — каже витязь. Памятаєте, як мене бив отець за то, что я не хотѣв єму сказати, что менѣ снилося, коли вы мене взяли до себе и вкинули до колодязя за те саме? Менѣ снилося тогды, что вы вложите свôй перстень на мôй палець та что здоймите з шиѣ ширинку и завяжете менѣ перст. Сего не хотѣв я сказати, бо боявся, что мене стратите.

Выслухав царь сих слôв, притис єго до грудей, повѣнчав зо своєю донькою та записав на него все своє царство.

М. ПОДГОРЯНКА.

ЗИМОЮ.

Вѣтер свище в поли
Завѣяна дорога,
А я сиджу у школѣ
Мов за дверми у Бога.
В школѣ чисто, тепленько
Беру книжку у руки,

И падуть у серденько
Слова тепли науки,
И здаеться — весна близше,
Як так сиджу и читаю.
Най собѣ вѣтер свище,
Я прото не дбаю.

Як живе карпатскій бук.

Довго походив старый бук, зяки мôг найти собѣ таке добре мѣсто для себе, як наши бескѣдски Карпаты. А было то дуже давно, в часѣ, коли еще людска нога не заходила в тѣ стороны, а панами тых сторон были лиш дерева, дики звѣрѣ та птицѣ.

Подобалася сеся краинка найбôльше букови. Сонце огорѣвало его листя из всѣх бокôв, высоки верхи Бескѣда хоронили его од пôвнôчных вѣтрôв, а многодайный дождь розпускав поволи тверду землю, обы корѣня могли найти собѣ поживу у нутрѣ землѣ.

С часом так полюбилися букови стоки наших Карпат, что почав дале выганяти из лѣсôв царя дуба тай бѣлу березу, а смерѣчка и не пробовала вести с ним борбу, сама перенеслася на другій бôк Карпат, де и доси живе спокойно.

Запановав бук мяйже по всѣх верхах, збочах и изворах. Розпустив свои голузя широко, даючи тѣнь земли и всѣм хижим звѣрям, яки тут крылися. Найбольшу користь из того мали дики свинѣ, бо достарчав им поживы на цѣлый рôк своим смаковытым насѣнем.

Так минали роки а потôм и вѣки. Бук рôс, старѣвся, а знеможеный и знищеный черваками падав на землю, гнив и своим тѣлом давав поживу молодым букам, котри чекали на свое мѣсто в тѣни розлогого старого бука.

По многих а многих лѣтах зайшов сюды чоловѣк. Запудженый без межнею гущавою кликав собѣ до помочи своих товаришôв, обы помогли перейти цѣле море лѣсôв та достатися в концѣ на долы, де мôг быти спокойнѣйшій од всякого хижого звѣря. Ишов вперед здовж рѣки, а коли сеся завела его межи высоки скалы, брав чоловѣк сокиру и огонь и проломлював собѣ дорогу. Тогды первый раз почув ста-

рый бук ту страшну силу, яку має чоловѣк в руках. Но еще не потребовав его боятися дуже, бо много всѣлякого дерева лежало на земли. Мôг прото чоловѣк ужити его на топленя а на малу потребу коло его земляноѣ хижи.

По якôмсь часѣ, подумав собѣ чоловѣк: Чому маю я жити в землянôй норѣ, коли Бог дав так много лѣса и всякоѣ деревины. Поставлю собѣ хижу из дерева, справлю собѣ хлѣв та инши будинки. Взяв про то сокиру и почав рубати лѣс. Бук за буком почав класти их на землю. В лѣсѣ запановав страх, бо и найсильнѣйши дерева не могли перед острою сокирою оборонитися. На першу чергу ишли тотѣ, котри росли близше долин, де чоловѣк поселився, або де повстали перши села. Од того часу вже не было спокою в лѣсах.

Но вже таки бôльшость буков, котри росли высше, в менше приступных мѣстах або подальше од сѣл, жили собѣ и на дале спокôйно и умирали власною смертею т. е. од старости.

По довгих лѣтах намножилося людей богато. По долах повстали тысячи сѣл а потом городы. Людям не стало на будову тых лѣсôв, что росли близько. Они почали шукати за ним дальше. Купцѣ завели их аж у Карпаты. Око купця увидѣло тут велике богатство для себе. Навели роботникôв и ремесельникôв, та давай стинати одного по другим.

Простѣйши рѣзали на довги колоды, а кривѣ тяли на мали куски и пускали водою до бôльших рѣк. Довги колоды повяжуть вєдно у так звани бокарѣ и женуть их водою долѣ, де ждуть на них пилы. Тут перерѣзують их на дошки або геренды и продають у ремесельни заводы. Там правлять из них всяку мебель, т. е. постѣль, кресла, скринѣ або рѣчи на инши потребы.

Одни из тых рѣчей купив недалекій житель, близкій сусѣд букового лѣса. Другу найшли в комнатах городских жителѣв, а трети повезли знов дальше желѣзницями и чужи краѣ. Декотри опинилися аж в Африцѣ серед великоѣ спеки, од котроѣ его прадѣды утѣкали на карпатски горы.

Од коли почали правити машины, закладати фабрики, од тогды еще больше завзято кинулися купцѣ на букови лѣсы в наших Карпатах. Послали там сотки роботникôв из сокирами, почали чистити цѣли верхи. Мудра голова чоловѣка найшла способы, як бы го достати и в найбôльше неприступнôм мѣсци. Заставили воду, поробили гати а потôм пускали го с водою. Дальше почали вже правити желѣзну дорогу и локомотива могла заѣздити в найглубши угли старых лѣсôв и вывозити из ôдтам кождоденно сотки колод та сотки порѣзаных сягôв,

Поставлени пилы почали єще с бôльшою силою рѣзати грубезни колоды, а купець брав их сейчас та высылав дальше у фабрики. По якѣмось часѣ вернули тотѣ домки опять до краю але в змѣненôм видѣ. Из одных зробили стѣны в желѣзничих возах, други ужили на машины а то молотилки, кросна, коловороты (куделѣ).

А вже в найновѣйших часах доказує чоловѣк из ним прямо чудеса. Не вывозить сотки вагонôв порѣзаного дерева на топленя из краю, але перетворює го у фабриках на хемични продукты. Там у горячих котлах розпадаєся дерево зовсѣм на темну масу, а потом на невидими газы. Из тых газôв чинять всѣляки продукты: а то головно деревянку т. є. деревяный спирт, деревяни олѣѣ, а останки из вугляного дерева перемѣнюють на деревяный уголь. Хемични продукты, а то: деревянку и олѣѣ дають до других фабрик у чужих краях. Там додають их до всѣляких выробôв головно до фарб и пак розвозять их по свѣтѣ. Деревяный уголь везуть до фабрик желѣза, бо там го потрєбно при выробѣ доброѣ и твердоѣ сталѣ.

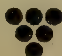

БОРИС ГРИНЧЕНКО.

ЖАБА ТА КОВАЛЬ.

Коваль коня кує
А жаба ногу и собѣ дає:
„Пôдкуй, ковалю и мене!“
Той молотком як замахне, —
Одбив и ногу всю дурнôй
Що годѣ и в болото лѣзти ѣй.
Так и сконала. . . .

А здавна приказка казала,
И правда се и до сього ще дня,
Як ты не пирôг то и не пирожися,
Давать кувати ноги бережися,
Коли немає хисту за коня;
А величатися начнеш
То и лиха наживеш.

ИС МИКИТА

Ивана Франка.

Пѣвень поносуєся на Лисицю перед царем.

Старый пѣвень перед веде,
За ним по два у ряд иде,
Носять мерця на плечах:
Ой там курка бѣдна лежить,
А за ними весь рôд бѣжить
Плач и лемент, ох и ах!

Пѣвень перед троном царским
Крикнув тенором рицарским:
„Милосердя, царю мôй“
Вся надѣя наша вбита,
А убийця — Лис Микита!
Най нас суд розсудить твôй.

Мы в монастырѣ святому
Проживали й зла никому
Не чинили. Та нераз
Видѣв я, что попôд брамы*)
Лис мишкує, все за нами
Своим хижим оком нас.

---

*) ворота.

Аж тут раз стук—стук до брамы:
В волосянцѣ перед нами
Став Микита, як монах.
Повитав нас благодатю
Та из царскою печатю
Лист отвертый мав в руках.

„Ось вам, каже, лист безпеки!
Каже царь, чтоб' од теперки
Мѣж звѣрями був спокôй;
Чтоб' братався вовк с овцями
И чтоб' я на вѣки с вами
Був як друг, як брат, як свôй!

Бач, пустинником я стався,
И од мяса я одцурався,
Ѣм лиш зѣля и дикій мѣд.
Мир вам, дѣди! Жийте с Богом!“
И вклонившись за порогом
Он пôшов собѣ у свѣт.

„Ну, — тут дѣтям я говорю —
Воля, дѣти! Можна з двору
Нам по стернях погулять!“
Радость, втѣха, спѣв мѣж нами,
Всѣ мы рушили за брамы —
Та не всѣм прийшлось вертать.

„Лиш мы выйшли, — гульк з укрытя
Як не скочить Лис Микита,
Тай хахап мою дочку!
Я як крикну: кукуреко!
Але ôн вже був далеко,
Вже сховався у лѣску.

„Я кричу, мов у дзвоны дзвоню . . .
Вѣрни псы за ним в погоню
Кинулись — та, Боже мôй!
Принесли лиш труп бездушный!
Так той злодѣй непослушный
Зневажає наказ твой!“

М, ПÔДГÔРЯНКА:

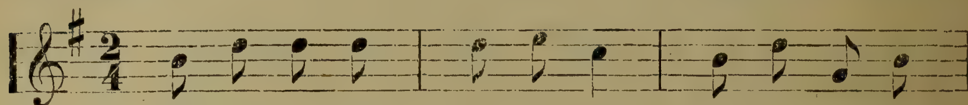
До зимы з тихенька казала земленька
Земля-мати:
Бѣлою ряндою, вкрый зимо грудь мою —
Жадаю спочинку, жадаю спокою,
хочу спати.
Ярь, лѣто и осѣнь было труду досить, невигоды.
Грудь мою плугами, мотиками зрыто;
Родила я щедро пшеницю и жито
И всѣ плоды.
Ярь прийде, птах верне, сонечко засвѣтить,
мене збудить;
Зась будуть плугами груди мои рыти,
Зась буду родити, чтобы прокормити
звѣря и люди.
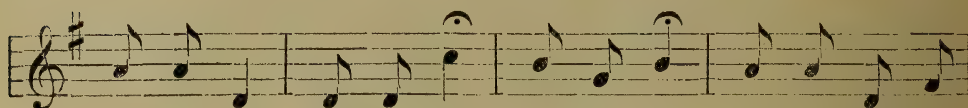
Зарѣчево 9/X 1921.
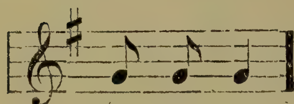

Ой на горѣ дубина.

Allegretto **Народна пѣсня.**

Йти бы єѣ просити
Чей бы дала скосити.
Ея гой! ея гой!
Чей бы дала скосити.

Моя травка шовкова,
Я дѣвочка попова,
Ея гой и. т. д.

Коси куме кôлько хоч
Лем ми травку не столоч
Ея гой и. т. д.

До роботи плачучи
А до танцю скачучи
Ея гой и. т. д.

Приповѣдки про науку.

1. Учитися николи — не пôздно.
2. Кто не учиться — не буде знати.
3. Честуй учителя як родителя.
4. Учися азбуки — прийде хлѣб у руки.
5. Учися за молоду — не зазнаєш на старость голоду.
6. З ученым розуму набрешся.

Забавы на зимовѣ вечерѣ.

Коли вечером засѣли дѣти довкола стола, взяв нянько коробку сѣрникôв*), засвѣтив свѣчку, понадпалював кончики сѣрникôв, а потôм высыпав их всѣ на стôл.

— Ну, тепер почнеме забаву! Зараз побачите, кôлько то рѣжнородных штучок можна выконати отсими дробными патичками. Тôлько уважайте и будьте терпеливи!

Ось в мене у руках 9 патичкôв, а я пôднимаюся зложити з них три и пôв тузина патичкôв. Не вѣрите? Ось тут кладу три —а онде шѣсть, се єсть пôв тузина патичкôв, чи нема разом три и пôв тузина?

— Ах, се не штука! — закричали дѣти.

— Не штука! Но то спробуйте вы меншоѣ из тых девять патичкôв, зложѣть менѣ лиш три цѣли тузины. Ага, не вмѣєте? А сеж така проста історія. Ось гляньте!

И нянько зложив:

XXXVI

Читайте!

— 36!

— А що? нема як раз три тузины?

Дѣти мусѣли се признати.

А теперь дачто з геометріѣ. Ах, яки гарни фигуры можна складати и перекладати з патичкôв — стало бы занятя на цѣлый вечер.— Та вы певно не знаєте, что при помочи патичкôв можеме ще и перемѣнювати бôльши звѣрятка на менши и навпаки. От хоч бы з мыши зробиме рыбу, з рыби миш и. т. д.

— Ах, няньку, як се може быти?

А нянько тымчасом попераломлював патички на половину и зложив на столѣ таке:

РЫБА

— Что се?

— Рыба! — одчитали всѣ дѣти.

— А теперь уважайте!

И знова нянько розобрав патички и зложив их инакше:

МЫШ

— А теперь что зробив я з рыбы?

— Мыш! — прочитали у голос дѣти.

*) сѣрники,—шваблики

— Ось бачите, як малым коштом можна забавити ся цѣлый вечер. А теперь спробуйте сами укладати з патичкôв узоры и слова.

И пôдсунув до ных коробку з патичками. Дѣти порозбирали их мѣж себе и тихенько забавляли ся, поки мама не покликала до вечерѣ.

Переписка „Вѣночка“ из читателями.

„Вѣночок“ пообѣцяв в минувшôм числѣ, что помѣстить мали стишки, яки прислали до него пильни читачи: малый ученик из Перечина — Яромир Яцко надосла нам такій стишок:

Моя родина Перечин,
Я тут ся народив
Тут пограв я перви игры
И у школу тут ходив.

Ганя Богдан и Ганя Добвей ученичѣ из Перечина заслали до Вѣночка, абы други дѣти одганули таки загатки:

1) Бѣгають хвостанѣ коло колобанѣ.
2) На одной лабочцѣ у червеной шапочцѣ.
3) За горами за лѣсами суха лишка бреше.
4) Четыри пугикари до одного корча стрѣляють.
5) Иде до лѣса, обернеся дому—иде дому, обернеся до леса.
6) Под стрѣхами бѣлѣ орѣхи.
7) У нас є такій обно, что сам из пôд себе гнôй мече.
8) Бере йойкать, кладе йойкать.
9) У одной шапцѣ є го и молійон.

А но кто развяже ?

Содержаня:

КНИГОПЕЧАТНЯ „ВИКТОРІЯ“, УЖГОРОД.

Выходить 15. кождого мѣсяця окрôм юлія и августа.
Редактор: Др. ИВ. ПАНЬКЕВИЧ. Предплата Кч 12.— на рôк. Поодиноке число Кч 1.20.
Выдае Школьный оддѣл цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОК, УЖГОРОД, пл. Корятовича ч. 12.

Рôчник III. Ужгород, 15. новембря (листопада) 1921. Число 3.

ИВАН ФРАНКО:

Легенда про св. Николая.

(Чудо з ковром.)

В славнôм мѣстѣ Цариградѣ сталася пригода.
Проявив Бог славне чудо для всего народа.
На далекôм передмѣстю там хатина вбога,
В нѣй роботник жив старенькій и жôнка небога.
Працювали, зарабляли, весь вѣк з горем бились,
Та бѣднѣйших ратували и Богу молились.
Та ще з давна звычай мали: лепта хоч малая
Йшла од них рôк в рôк для бѣдных в праздник Николая.
Та змогла их старость, слабость годѣ заробити,
Ледво-ледво выстарчало з дня на день прожити.
Аж ото надходить праздник Николы святого!
Як почтити день той славный, коли в хатѣ вбого!
Журяться стари обоє! Жѣнка й промовляє:
Слухай мужу, день Николы ось ось наступає.
Як побрались мы з тотобою, в злôй, чи добрôй хвили,
День всятого Николая мы врочисто чтили.
Чи-ж на старость мы покинем сей звычай побожный?
Чи-ж наш дôм на сеє свято так вже й не спроможный?
А дже-ж нам не довго жити, нѣкому й лишати.
Чи-ж не лѣпше все, й остатне Богу в жертву дати?

Ось гляди, ковер старенькій, ще моеѣ мамы!
На, продай, а буде радость в праздник сей мѣж нами.
Муж послухав сеѣ рады, вельми звеселився,
Взяв ковер и йдучи в город Богу помолився.
До базару путь не близкій, ôн и поспѣшае
Аж ось муж якійсь поважный его догоняе.
Привитався. „Куды дѣду?“ — На базар, панотче,
Сей ковер иду продати. — Що за него хоче —
Пан пытае: „Сѣм золотых за новый давали.
А теперь що ласка ваша. Мы-б не продавали,
Та ось праздник наш, Николы, а в хатѣ убого,
А мы все привыкли чтити день сего святого“!
Каже пан: „Се дѣло добре! твôй ковер хорошій,
Хочеш? Ось тобѣ за него шѣсть дукатôв грошей.“
„Се за много, любый пане!“ став старый казати,
Але пан узяв коверець, дав ему дукати.
Дѣд оглянувсь: нема пана! На базар спѣшиться,
Та прохожи, базарови стали з него кпиться.
„Що ты дѣду, одурѣв, чи очи проплакав?
Де ты свôй ковер подѣв? З ким ты тут балакав?
Та-ж при тобѣ не було нѣкого видати!“
Дѣд говорить: Нѣ, був пан, дав менѣ дукати.‘
Поки дѣд там сперечався, куповав що треба,
Его жôнка жде на него, як на Бога з неба.
Аж приходить пан старый, их ковер тримае,
И до неѣ ось яке слово промовляе:
„Муж твôй, мôй старый приятель, любый сердцю мому
Он просив мене занести сей ковер до дому.“
Се сказавши, ковер оставив тай пôшов из хаты
Поки здужала бабуся хоть слово сказати.
Здивовалася бабуся, жаль ѣй став на мужа:
„От яка душа скупая! От душа недужа!
Пожалѣв ковер продати! А по що держати?
Чи сто лѣт ще хоче жити, чи на той свѣт взяти?
Пожалѣв и за для кого? Для старця якого!
Нѣ, для Господа самого и его святого! . . .
Так мѣркуе в серцю своѣм щирая бабуся,
И рѣшае: „Нѣ, од нынѣ я з ним розойдуся!
Нѣ, од нынѣ не друг мôй! По отсѣм коверци

Я пôзнала, що не має ôн любви у серци!“
Аж ось муж прийшов, веселый у хату вступає,
Все принѣс, чим день праздничный святковати має.
Е и свѣчка, є й кадило и вино, олива . . .
В тôм поглянув, а там жôнка плаче нещаслива.
„Що тобѣ моя дружино?“ — щиро он пытає.
Тут бабуся жаль и бôль свôй в словах выливає.
Слухає дѣд, дивується, далѣ мовить: Мила,
Та на Бога, я не знаю, що ты говорила.
Кто тобѣ сказав, що коврик я жалѣв продати?
Глянь, за него се купив я, щей принѣс дукати.“

„Як то? Ты продав коверець? А се-ж по якому,
Що знайомый твôй принѣс нам той ковер до дому?“
„Мôй знайомый?“ — дѣд аж скрикнув. — Жѣнко, я нѣкому
Не давав ковра й не мовив, щоб нѣс нам до дому.“
Тут обоє враз замовкли, у обох та сама
Думка блисла; дѣд докладно розповѣв про пана,
Що купив ковер; бабуся сплеснула руками.
„Се-ж той самый, що ковер наш тут принѣс, той самый!“
„Але, кто се був? — Мѣркують. Поруч як сидѣли,
На икону Николая разом поглядѣли,
И пôзнали те обличе, усмѣх и поставу . . .
Рознесли ту вѣсть по мѣстѣ Господу на славу.

Лисиця на зимѣвлѣ у приятелѣв.

(Народня казка).

Збудовав свбѣ вовк на зиму нову хижу, а у лисицѣ была тôлько стара, розвалена. Прийшла зима, лисиця корчилася, корчилася од студени, а в конци не вмогу ѣй стало переносити мороз. Побѣгла она до вовка и каже: Вовчику братчику, пусти мене до себе перезимовати!

Нѣ, сестро, менѣ самому тѣсно.

Та ты позволь менѣ хоть у свôєму дворѣ жити.

Бог с тобою, у дворѣ жий.

Побыла она у дворѣ день, тремтить од морозу, аж зубами кланцає. Пôдошла до хаты и знов почала просити вовка: Вовчику братчику! Пусти мене в хату, бо я зовсѣм заклякла.

Нѣ, не пущу в хату, ты будеш менѣ заваджати.

Та пусти мене хоть на хвилинку, най обгрѣюся.

Ну, погрѣтися можеш.

Влѣзла лисиця в хижу, розгрѣлася и постановила там жити. Влѣзла на печ и лежить пôдвернувши хвôст.

Настала нôч, вовк заснув, а лисицѣ не береться сон, од голоду черево ѣй пôдтягло. Прислухається она, вовк спить. Злѣзла з печи и почала шарити по всѣх кутках. Обнюхала всю хижу, нигде не найшла собѣ ѣдѣня. Выйшла по тихоньки в сѣни, почала и там шарити. Найшла горнець з маслом и двѣ печени гуски. Лисицю зняла оскома, зараз же з'ѣсти боялася, чтобы вовк не подумав на ню, что то она поѣла. А далѣ положила тѣ ласощи бѣля сѣнных дверей а сама вернулася в хижу, вылѣзла на печ, лягла, храпить, як бы нигде не бывала.

Ранком скоро тôлько почало зоряти, лисиця встала и каже вовкови: На нынѣ просили мене в кумы, тому я задумаю зараз побѣгти, а до обѣду вернуся.

Та то твоє дѣло, я тебе не держу, бѣжи коли тобѣ треба.

Лисиця побѣгла. Выскочивши з хижи, она захопила з собою масло и гуси тай побѣгла в хащу. Сидѣла там до самого обѣду, доки не поѣла масло и гуси. В обѣдню пору лисиця вернулася до вовка. Вовк злагодився обѣдати, глядає по сѣнях стравы, а там и запаху не осталося гусячого. Вовкови стало досадно. Сердився, лаявся, сварився и сам

не знав на кого. Лисиця видить, что вовк лютый, почала говорити: Не думай, братчику, на мене. Ты сам знаєш, что я до самого ранку лежала на печи, а пôтом пôшла в кумы и теперь тôлько вернулася.

Та нѣт, я на тебе не кажу нич. Се може Мишка кудлатый нашкодив. Ох, лиха година. Чтож будеме теперь обѣдати?

Не журися, вовче, сегодня пережиєме якось голодни, а завтра, что Бог дасть. Нам голодувати не першина.

Лисиця вылѣзла на печ, лягла, ноги вытягла, хвôст одкинула и лежала. А вовк голодный корчився и перевертався з боку на бôк, а че-

рево бѣдакови аж до самых плечей пôдтягло. — Переночовали они, а вовк каже: Иди ты, сестро, роздобудь чого небудь на обѣд, бо я зовсѣм охляв, не здужаю обѣдати. В тебе шуба тепла, не так скоро перемерзнеш и ты здатнѣйша до хитрощей.

Лисиця не хотѣла сперечатися, бо не на руку было не послухати вовка. За то мôг ôн выгнати ю з хижи. Пошла она на роздобутки. Выйшла в поле, а мороз быв лютый. Пробѣгла она по пути з пôв милѣ, звернула з дороги, лягля в окопѣ, притаилася и ждала. Може так через пôв годины над'ѣхав мужик до мѣста, вѣз зарѣзаного барана на продаж. Лисиця побачила, что мужик од морозу весь позакутовався, налагодилася єго обрабовати. Подождала поки мужик проѣхав, догнала го, выскочила на сани и почала в них господарювати. Розгорнула верету и нуж выкидати из неѣ куски баранины. Выкинула всю баранину и сама зоскочила. Позбирала всѣ куски до купы, попоѣла добре, остальни куски загорнула в снѣг а обгрызени кôстки понесла до вовка. Вовк погрыз тѣ кôстки, але ними не наѣвся, тôлько губы помазав.

На другій день вовк знов высылав лисицю на роздобычу, але она сказала єму: Та ты, вовче, теперь сам попробуй роздобути обѣд, бо я собак боюся. А деж ты єго береш, что тебе собаки чують.

Та я ходила на село и там у одного чоловѣка видѣла повну комору мяса.

А на что-ж єму мясо?

Та ôн торгує ним.

Побѣг вовк до села. Зайшов з городôв и почав приглядатися, де стоить та комора, что в нѣй повно мяса. По запаху пôшов до одноѣ коморы и справдѣ несподѣвано наткнувся на таку комору, де высѣла рѣзана баранина. Вовк почав ходити кругом коморы, заглядав, де бы найти дѣрку, крôзь яку мож бы влѣзти в комору. Подойшов до дверей, єсть дѣрка. Вовк хоть и догадовався, что не прилѣзе тою дѣркою, а все таки бажав попробовати уткнути свою голову сюды. Пробує, голова не влазить. Запах мяса ще лѣпше роздратовав єго утробу. Просунув в в дѣру передню лапу и почав нею мацати, шукати мяса. А в коморѣ при самôй дѣрцѣ стояла лапка. Газда поставив ю, чтобы до баранины не добралася котка. Лапка як клапнула тай имила вовка за ногу. Вовк вырывався из лапки и нич не мôг учинити. Ранком пôшов мужик до коморы и увидѣв вовка. Он взяв цѣп и убив єго: Осталася тогды лисиця сама газдовати у вовчôй хатѣ.

На другу зиму не подобалася лисицѣ вовча хижа, она пôшла до медведя и каже: Пусти мене, Мишко, до себе перезимовати!

А у тебе нема своеѣ хаты?

Та была старенька, але розвалилася. Новоѣ не поставила, бо впало на мене нещастя: Чоловѣк умер и тогды было менѣ не до того. Теперь настали морозы и не є де менѣ дѣтися. Пожалуй мене сиротину.

Медвѣдь змилосердився и пустив. Медвѣдь лежав и ссав свою лапу, а лисиця ходила на ловы и ськала собѣ поживы. Одного разу лисиця принесла собѣ пару курок, пôдложила их пôд себе, кусала по кускови и ѣла. Медведя взяла зависть, что лисиця чтось жує и зазвѣдав ю Что ты, сестро, ѣш?

Та то я свои кишки вытягаю з черева и ѣм.

А хиба они добри?

О, дуже добри.

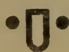
Ану дай менѣ кусок, я покоштую.

Лисиця дала єму кусок курятины. Медвѣдь покоштовав, и дуже выдалася єму смачна.

А чи мои кишки також таки смачни? — зазвѣдав медвѣдь.

Попробуй! — одказала лисиця.

Медвѣдь погрыз собѣ черево и почав вытягати свои кишки та ѣсти. Тягав, аж поки не здох на мѣсци. Осталася лисиця сама господарювати в медвежôй хатѣ. Цѣлу зиму ѣла медвеже мясо, а на єго шкурѣ спала як панѣ.

М. ПÔДГÔРЯНКА:

ДѢД МОРОЗ.

I

У январѣ февралѣ
Ходить мороз по дворѣ,
Гей по долах по горах,
У ледовых бочкорах.
Старый ôн, сивый ôн,
З бородою до колѣн.

У бочкорах ледовых
Тай у шатах снѣговых;
Ходить собѣ вандрує,
Мосты з леду будує.
Старый ôн, сивый ôн
З бородою до колѣн.

Як дѣтвака зустрѣтить
То очками засвѣтить,
То зубами заблисне
Тай за пальчик потисне.
Старый ôн, сивый ôн
З бородою до колѣн.

А дѣточки не дбають
Санки з грунька спускають:
Скоро, скоро, скоренько,
Аж червоне личенько.
Задар ôн, грозить им,
З бироводою до колѣн.

II.

А за дѣдом морозом
Дує вѣтер з погрозом;
Дує вѣтер сердитый
В метелицю сповитый:
Свище собѣ, гуляє,
Пѣснь зимову спѣває.

А як в селѣ ночує,
То всѣ пути задує:
Горы снѣгу натрусить,
Дѣтей в школу не пустуть.
Свище собѣ, гуляє,
Пѣснь зимову спѣває.

А дѣточки не дбають
Снѣг из пути згорають,
На час прийдуть до школы,
Не запознять нѣколи.
Задар вѣтер гуляє,
Пѣснь зимову спѣває.

6/I. 1921. Зарѣчево.

КОРНИЛО УСТІЯНОВИЧ:

Сыны царя Нарзана.

У далекôм царствѣ за сѣмома горами та сѣмома морями жив собѣ царь Нарзан. А той царь быв дуже старый и ослаб на очи. Кличе ôн своих трьох синôв Перстеня, Берла и Меча тай каже:

— Сыны, мои люби, сыны мои дужи, витязѣ славни, занепав я, сыны мои, на очи, а чую, что десь там в свѣтѣ серед темного моря є склянный остров, а на сему островѣ смарагдовый замок з рубиновыми заборолами*) та из сафировым дахом. У сѣм замку є водиця—живиця. Кто з вас єѣ менѣ принесе, сей буде моим наслѣдником. Идѣте, сыны мои люби, а Бог най вас благословить.

Идуть царевичи, йдуть тай в кôнци зупинилися на розпутных дорогах. Путь их роздѣлився в три стежки**) . Одна йшла на схôд сонця, друга на запад, а третя прямо на полудне.

Стали они тай задумалися. В тôм промовляє словами найстаршій брат до молодших своих братôв:

— Братя мои люби. Перед собою маєме три пути. Не всѣм нам ити одным, а потреба нам подѣлитися ними. Я пойду в право, другій в лѣво, а остатный пôйде прямо себе. Кождый з нас най устромить в

*) огородженя, плот.
**) пѣльник.

сторону свеѣ стежки кинжал*) з напоясником. Котрый же з нас верне, вытягне кинджалы и осмотрить их; як узрить чисти, то се знак, что братя в дорозѣ, як не найде их-то братя вернули домôв. Чій же кинджал заплыне кровю, се знак, що ôн знаходиться в небезпецѣ и тому треба йти дорогою єму на помôч.

Розпращалися браты и кождый пôшов своєю дорогою.

Наймолодшій, Меч, пôшов прямо на полудне. Єго дорога йшла все лѣсом. Двѣ недѣлѣ йшов ôн лѣсом, стрѣляв дичину, живився нею, а кождого вечера й рана складав Богови жертву, молячи та просячи Єго о здоровля очам свого батька.

Третього тыждня почув ôн страшный рык. Пôйшов за голосом и побачив медведя, что стояв над приголомшеным пустельником. Лапою здер медвѣдь пустелъникови шкуру з головы и вже хотѣв грызти его зубами.

Прискочив Меч до кровю облитого пустельника, якій лежав без памяти бѣля жерела, з котрого выплывала чиста свѣжа вода. Меч зачав змывати з крови нещасного пустельника, перевязав єго раны и занѣс єго до печеры, де найшов постѣль из сухого листя.

За якійсь час дав пустельник малесенькій знак житя, одчинив очи нѣжно вдивився в царевича, перехрестив єго и сказав:

— Господи Боже, благослови царевича, сына Нарзана, выратовав ты мене од смерти, поможу я тобѣ за се достати водицѣ-живицѣ, по котру пôслав тебе твôй батько.

— Йди теперь на схôд сонця, за малу мильку побачиш себе на полянѣ, серез котроѣ пасеся бѣлый кôнь. Плесни руками, коник прибѣжить и дасть на себе сѣсти, але держися добре, бо одным скоком стане ôн у пôдножа склянноѣ горы, а другим — нѣ разу не ховзнувшися — буде ôн на єѣ верху и стане перед замком. Проти тебе выскочить из страшным бреханєм пес з чотырма головами. Тѣ зернята, что тобѣ даю, кинеш псови в очи; од них пес засне, а ты будеш могти вôйти в замок. В нѣм буде дванайцять комнат. В десятôй знайдеш два збанки з водою, переставиш их з мѣсця, бо знай, что в однôм з них, якій переставиш пôд праву стѣну, находиться водиця живиця, а у другôм водиця-мертвиця. По сѣм вдариш тричи в дзвôн, якій буде стояти у новых дверях. На сей клич явиться змій, той страшный сторож водицѣ-живицѣ и вязнитель зачарованоѣ царѣвны, яку ты знайдеш в дванайцятôй комнатѣ. Як будеш вертати, памятай—не оглядайся.

*) нôж

Царевич вклонився низко пустельникови, уцѣловав його руку, подяковав гарненько тай одойшов.

На полянѣ знайшов царевич коника, приманив до себе, сѣв на него, а той понѣс єго аж на замок. Царевич выповнив раду пустельника, а наконець вдарив тричи в дзвôн. На звук дзвона одчинилися з громом двери и явився страшный змій тай засычав:

— Чого ты хочеш, Нарзанове щеня?

— Водицѣ-живицѣ. — одповѣв смѣло Меч. — Водицѣ для недужого батька.

— Достанеш тогды, — засычав змій — коли мене побореш. Отстань там бѣля тоѣ судины, бѣля правоѣ стѣны, а я стану при лѣвôй— напиймеся з тых збанкôв и борѣмся — сказав змій. На своє лихо, бо не знав, что збанки переставлени.

Умученый дорогою царевич радо вхопив збан тай напився з него. Вода оживила єго. Он вхопив быстро свôй лук и смѣло выпустив стрѣлу в груди змія, — але стрѣла одскочила од грубоѣ луски, якою было покрыте єго тѣло. Змій зареготався тай каже:

— Погоди но, погоди, живицѣ напюся и я. Дораз побачиш, что одною лапою тебе убю и роздавлю.

Сказавши тоє, напився из збана. Але як ôн зачудовався, бо намѣсть того, чтобы покрѣпити свои силы, почув слабость в своих суставах и почав дрожати.

— Перехитрив ты мене, песику Нарзана и замѣсть тебе, я ту здохну изза твоєѣ зрады, але не смѣйся и не веселися дуже, знай, что тебе жде скоро зрада и пôдла смерть.

И простягся змій на помостѣ й здох.

Царевич боявся все таки якоѣсь зрады, встромив єму меч у сердце, одрубав голову, а сам пôшов у дванацятый покôй. Одомкнувши заперти двери, застав там прекрасну дѣвицю.

— Встань — каже — не має вже того, что тебе неволив.

Дѣвчина одкрыла очи и зотхнула глубоко.

— Ходи, звôдси, ходи — промовив царевич. — Змій убитый, а водицю-живицю возьмеш из собою.

Тогды дѣвчина сказала єму:

— Возьми и мертвицѣ, она нам придасться, а з сеѣ скринѣ тых жемчугôв*) и перел, кôлько можеш понести.

*) дорогоцѣнни камѣня.

Царевич так и учинив. А коли выйшли из замку, взялися попôд руки й сѣли на коня.

Але скоро зачали они спускатися в низ, почало за ними гремѣти, лискати, метати камѣнєм, а Меч хотѣв вже обернутися, чтобы подивитися, але дѣвчина закрыла єму рукою очи тай сказала.

— Не важся, бо згинеш!

Кôнь пôднявся в воздух и за другим скоком станув вже на розпутных стежках. Тут каже кôнь:

— Злѣзай, царевичу. Дальше пôд тобою не пôйду, сивôй кôнь пасеться недалеко.

Царевич пустив бѣлого и пригадив собѣ заповѣт даный братом. Выймив ножи встромлени на роздорожу, а оба были залити кровю. Тогды свиснув ôн на свого коня и поѣхав дорогою найстаршого брата.

Ѣде ôн, ѣде, аж затримався перед воротами мѣста, котрого домы были покрыти чорным киром.*)

— Что сė таке? — спытав ôн переходячого чоловѣка.

— Король вмирає — одповѣв сей — а там суть двѣ вѣшальницѣ. Король приняв двох братôв-царевичôв, что сюды прийшли, як своих, а они змовилися Короля строити, а єго царство мѣж себе подѣлити. Зраду одкрыто и их мають вѣшати.

Царевич скочив на лобне мѣсце и побачив там много людей, а пôд двома вѣшальницями своих обох братôв. И жаль стало єму братôв дуже и крикнув ôн на катôв.

— Не вѣшайте, даруйте менѣ от сих двох, а я вам выздоровлю Короля.

Тогды прискочив до него народ и каже:

— Се якійсь спôльник. Тамтѣ най повиснуть, а ôн, як не выздоровить нам Короля, най пôде за ними!

Та тогды встромила дѣвчина руку в збанок з мертвицею и зачала бризкати на людей. Де найменьша капля водицѣ впала, там завмирали од неѣ люде. Заснули й каты, а царевич розкував своих братôв и велѣв им ждати на себе за воротами, а сам удався на королѣвскій замок. Тут дав умираючому Королеви напитися водицѣ-живицѣ.

— Ты кто такій? — спытав єго Король, якій подужав в однôй хвилѣ.

— Я сын Нарзана.

— Так ты брат отсих двох, что мене хотѣли строити?

— Брат. Их выпросив я собѣ за то, что тебе оздоровлю.

*) рôд полотна.

— Бери собѣ их, але й стережися их, бо кто раз за ласку заплатив зрадою, той и в друге се учинить. Вовка, де стрѣнеш, то бий!

Богато обдарованый Королем, стрѣтив ôн своих братôв за воротами и взяв их на повѣз, запряженый у шѣсть коней, яки подаровав єму Король. По дорозѣ оповѣв братам свою пригоду, и они оповѣли свою и присягалися, что тôлько злоба службы короля и судіѣв зробили з них злочинцѣв, а они зовсѣм не настоювали на житє короля; король строився рыбами, яких наѣвся за много.

Меч и повѣрив им и в любôй згодѣ ѣхали далѣ, аж затрималися в темнôм лѣсѣ, де была корчма. Тут станули они на нôч. Дѣвчина приготовила вечерю, а коли наймолодшій брат оглядав конѣ и их наповав, выйшли Перстень и Берло на двôр и почали шепотом радитися, что им зробити? Кажуть: як найменьшій брат привезе батькови водицю-живицю и тую царѣвну, стане наслѣдником батькового престола и зачне над ними пановати.

— Як же-ж нам єго позбутися?

— Не журися — каже Берло до Перстеня. — Ôн має водицю-мертвицю з собою. От мы й даме єму напитися водицѣ-мертвицѣ, то ôн и вмре, а мы вернеме домôв, о маєток и о дѣвчину кинеме кôстки.

— Плохо ты радиш! — сказав молодшій брат, Перстень. Я не хочу убивати брата; ôн нам лиш добро дѣяв, але, як ôн засне, бризнеме на него мертвицею, чтобы ще лѣпше заснув, тогды вынесеме єго в лѣс тай кинеме в глубоку пропасть.

Холод и вогкôсть пробудили царевича Меча и ôн побачив, что ôн є в глубокôй пропасти и зо зломаною рукою. Пригадав собѣ все и гôрко заплакав. Але пригадав ôн собѣ, что дорозѣ до пустельника выратовав ôн лиса, на котрого напав великій гôрскій орел. Лис дав єму на памятку сопôлку, чтобы засвистав нею, коли буде в великôй пригодѣ. Царевич засвистав теперь тричи. По короткôй хвилѣ влѣз якоюсь дѣрою у єго яму лис и каже:

— Здоров быв, царевичу! Хватайся мого хвоста, а я вытягну тебе!

Царевич так зробив. Было то вже недалеко мѣста, де царював єго отець, Нарзан. Нѣким не пôзнаный увôйшов царевич в царській двôр, вступив у овчарню и дав пôзнатися вôвчареви, а той єму каже:

— Мечу, дорогій наш царевичу, велике тобѣ горе. Ото прийшли твои оба браты, привели из собою панну и принесли водицю-живицю и водицю-мертвицю. Кого хотять, того й выправляють на той свѣт. Твому батькови привернули зôр и царство має быти подѣлене межи них обох.

На тѣ слова зняв царевич з правоѣ руки перстень, якій достав на замку склянноѣ горы од принцезны тай каже:

Иди подай сей перстень царовнѣ, что з моими братами сюды приѣхала, але не кажи нѣ слова, а скоро вертай назад.

Овчар пôшов, а царевич ждав его приходу. Аже тут одчинилися двери и показалася Лелія, царôвна з замку склянноѣ горы и кинулася царевичеви на шию.

Царевич оповѣв ѣй свою пригоду, а она побѣгла до старого царя Нарзана и розповѣла про зраду братôв. Царь скликав весь народ и звѣдує обох своих сынôв:

— Сыны мои люби, вы менѣ дали свѣтло очей моих, а за се належиться вам заплата. Межи вас роздѣлю я своє царство, але скажѣть менѣ, что маю я зробити з таким людьми, что свого брата, якій выбавив их од смерти, кинули в пропасть на жир вовкам и медведям?

— Для таких мало вѣшальниць! — каже Берло.

— Таких треба колесовати! — Каже знов молодшій, не знаючи, что ôн сам на себе выдає засуд смерти.

Цар вернув тогды в свои свѣтлицѣ, взяв за руки свого сына Меча, вывѣв перед весь народ тай одозвався до перестрашеных двох старших братôв.

— Не хочу я вас колесовати, не хочу я вас вѣшати, але проч з, моих очей, з границь мого царства. Меч и его жѣнка наслѣдять по менѣ моє царство.

Весь народ одобрив справедливый засуд царя. Меч и его жѣнка засѣли по смерти царя на царскій стôл и стали володѣти. Володѣли володѣли — и ще нынѣ може володѣють.

БОЖЕНА НЕМЦОВА:

Зимови радости.

Тыждень по Задушных днях*), бабочка побудила рано дѣти, и сказала новину, что св. Михаил приѣхав на бѣлôм кони. Дѣти скоро выскочили з постели, побѣгли ид вызорям — а там! всюды бѣло. Анѣ одного зеленего листочка не остало на вербах у рѣки и на ольхах коло потока. Тôлько в лѣсѣ еще зеленѣли смереки, и их ґолузя погнулися

*) 1 і 2 новембра.

сильно долôв, бо тяжкій снѣг их нагибав. На орябинѣ, котра стояла близь буднкôв сидѣла ворона, и обгрызала змерзли ягоды.

Дроб на дворѣ стояв тихо и зачудованый позирав на ту новину. Лиш воробцѣ скакали весело по заспѣ и збирали, что недоѣвши оставили курята. Кôтка, котра вертала из ловôв, отрѣповала при кождôм кроцѣ лапки и скоро побѣгла на печь. Лиш псы, заснѣженѣ по колѣна, гонили весело по снѣгу.

„Снѣг, снѣг, а то добре, будеме ѣздити на санях“ — закричали з радостею дѣти. Они витали зиму з утѣхою, бо много новых радостей она им приносила. Святый Михаил принѣс им добри булочки з маком а послѣ того зачалися пѣрйодеры, а потому прятки. Дѣти лѣпше любили прятки, бо мали при тôм бôльше свободы. Коли зачалися пѣрйоскубы в кухни при великôм столѣ, а на нѣм потôм назбиралася велика копиця пѣря якбы снѣгу, тогды бабонька одгоняла Анночку и хлопцѣв од стола дальше, абы пѣря не погубили. Сталося раз, что до тоѣ громады зайшов Иванко. Якій то быв крик; то мож собѣ вже подумати. Од тоѣ поры бабочка одганяла малых од стола, — ба навѣть не могли собѣ пофигловати порядочно, анѣ пôдскочити, анѣ вертѣтися коло дверей. Коли вже бабонька знесла з горы куделю, дѣти з радости пôдскочили. З куделею прийшли прядухи а дальше красни казки и весели пѣснѣ. — А як мило было в хатѣ, коли смерклося!

Катерина заперла оконницѣ, в печах трѣщали патики. Посеред комнаты стояв высокій деревяный свѣтыч. На єго раменах застромили палаючи смолоскипы а довкола лавиць позасѣдали прядухи. Им бабонька все подавала в малôм кошарику сушеня, абы мало закусили. З якою жадобою чекали дѣти, ци скоро заскрипять двери у сѣнях и укажуться прядухи! Бо бабонька не скорше почала оповѣдати про прятки, аж зойшлися пряхи.

Заки жоны позагрѣвалися и позасѣдали коло кудель, говорилося про всячину. Сталося дачто котрôй в газдовствѣ або учула что нового — говорило ся о тôм. Было яке свято, а с тым святом быв споєный якійсь народный обычай або народне повѣріє, то говорилося и про се. На прим. вечер перед св. Николаєм оповѣдали собѣ дѣти, что кому св. Николай принесе. Про бабу Евдоху говорили собѣ, что ходить тоѣ ночи из розпущеным довгим волосєм и забирає непослушных дѣтей. А коли бабонька зачала оповѣдати казки о королѣвных з золотыми звѣздами на чолѣ, о витязях, принцах, зачарованых в львы або псы або навѣть в камѣня, о орѣшках. в котрых зложени были дороги шатя, то дѣти

сидѣли тихо як мак сѣяв и не рушилися, гейби были прикованi а лиш слухали.

Перед рôздвянными святами переплѣталися вже казки и спѣв оповѣданями, як печи святочни колачи, карачун, а дѣти дуже радовалися на дѣда и коляды.

ИЗИДОР ВОРОБКЕВИЧ:

Край дармоѣдов.

Ци чули вы, добри дѣти,
Десь далеко там край свѣта
За высокими горами,
За глибокими морями
Є край, мило в нему жити,
Бо не треба там робити.
И что лиш сердце забажає,
Тоѣ хвилѣ вже и має.
Там хаты всѣ з колачôв
А плоты всѣ з ковбасôв,
З медяникôв усѣ стрѣхи
Золото там повни мѣхи.
Пива, меду и вина
Там тече цѣла рѣка.
Верба родить там грушки,
Висять на хоптѣ булки.
Там в ставку собѣ плыве
Рыба вже печена, жде,
Чтобы ты засягнув руков,
Котру хоч, спожив здоров.
Як у нас росте трава,
Так ростуть там что дня
Сыти*) з мясом галушки,
Вареницѣ, прироги.
Там не треба до млина
Нести зерно; бо мука
З неба гейбы снѣг паде
И сама в корито йде,
З печи лѣзе як бы мыш
Вже готовый хлѣб и книш.
Там жарени голубцѣ
Просто в рот летять тобѣ,
Серед ночи й серед дня
Приправлене порося
З хрѣном, начинков бѣжить,
Острый нôж в хребтѣ стремить,
Чтоб собѣ ты одрубав
Найсмачнѣйше й з'ѣдав.
В кождôй хатѣ з сволока**)
Мож точити молока.
Як камѣнє там лежить
Бриндзѣ, масла й сыра склад.
Чоботы и постолы,
Пояс, черес, кожухи
Висять, стрѣхов, лиш сягай
И гарненько ся вбирай!
З овець вовну не стрижуть,
Не прядуть тай не тчуть,
Гуня шиєся сама
Чорна, сива, ци ряба.
Дармоѣдам там житє,
Яку Бога за дверми;
Шкода тôлько, что сей рай
Невѣдомый людям край,
Бо хоть свѣт увесь зойшли,
Та его ще не найшли.

*) товсти.

**) сволок—стови.

Народни приповѣдки на осѣнну и зимову пору.

1) В осени и горобець богатый.
2) Прийшла Пречиста — буде по дереву листу чисто.
3) Кто сѣє по Покровѣ, выводить по коровѣ.
4) Покрова всю землю листом вкрыла.
5) В Пилиповку — день до обѣда.
6) На Введенє зима вводиться.
7) Приѣхав Михайло на сивôм кони.
8) Грудень землю грудить, хату студить.
9) Грудневе тепло, як мачошене добро.

Кто из читачôв „Вѣночка“ знає бôльше таких приповѣдок най зашле до Редакціи „Вѣночка“, то они будуть напечатани сейчас. Найлѣпше най дѣточки зазвѣдуються дома у свого нянька, потôм повѣдять пану учителеви в школѣ, а пан учитель зашле вже сам Вѣночкови.

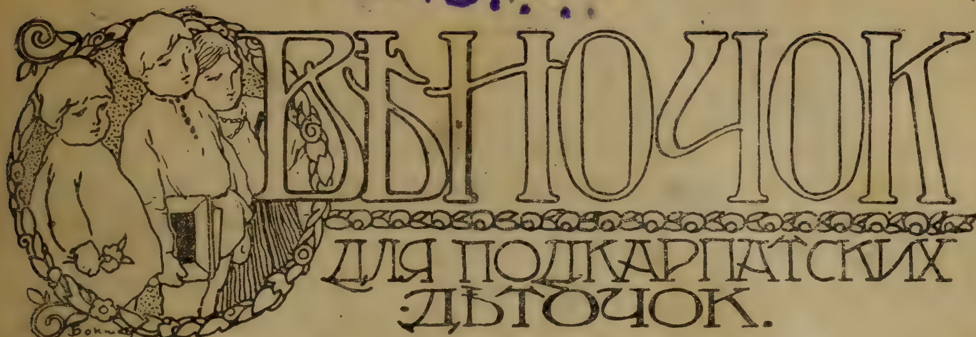
Загадки:

1) Бѣла як снѣг, надута як мѣх, лопатами ходить, а рогом ѣсть. (Гуска.)
2) Нѣ старому, нѣ молодому, не дасть приступити нѣкому. (Пес.)
3) Невеличка церковця а в нѣй миру без кôнця. (Мак.)
4) Висить гôсть, та нôч ѣсть. (Лампа.)
5) Все иде, а ще нѣ кроку не зробив, все бє, а ще нѣкого не вбив. (Годинник.)

Содержаня:

КНИГОПЕЧАТНЯ „ВИКТОРІЯ“, УЖГОРОД.

Выходить 15. кождого мѣсяця окрôм юлія и августа.
Редактор: Др. ИВ. ПАНЬКЕВИЧ. Предплата Кч 12.— на рôк. Поодиноке число Кч 1.20.
Выдае Шкôльный оддѣл цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОК, УЖГОРОД, пл. Корятовича ч. 12.

Рôчник III. **Ужгород, 15. января (сѣчня) 1922.** **Число 5.**

А. ПАВЛОВИЧ:

С НОВЫМ РОКОМ.

Уж старый рôк проминув, а новый настане.
В новôм роцѣ старе сонце на небѣ остане.
В новôм роцѣ ачей старе сонце омолодне,
А огрѣє Русинове серденько холодне.
Ой, Ты Боже, что владѣєш сонцем и звѣздами,
Кажи сонцю, чтоб нас грѣло, свѣтило над нами.
Просвѣти нас бысьме свою спознали родину,
И щасливу в будучности дожили годину.
Допоможи нам Господи, бы в тôм новôм годѣ
Всѣ Русины Подкарпатски жили в любви, згодѣ.
Абы кождый тôлько дѣлав про народ, як може,
О то просять всѣ Русины Тебе, Отче Боже.
С надѣєю, мили братя, в тôм то новôм годѣ
Сѣйме зерно народности у руськôм народѣ.
Уже идуть для Русинôв щастя, славы годы.
Єднайтеся, рôд милуйте, Русины молоди.

Бароньскій сын в Америцѣ.

(народня казка з Земплина).

Дочувся один бароньскій сын из руського краю, что тріє царѣ посылають людей глядати Америку. Они поскладовалися на триста людей, дали им збудовати корабель та купили хлѣба на три роки. Бароньскій сын сам собѣ узяв на три роки хлѣба, бо ôн ѣхав своим коштом и не хотѣв, абы кто иншій выдавав на него гроши. Бо кто ѣде до Америки на царскôм хлѣбѣ, той не буде в Америцѣ пôд своєю властею. Тѣ, что не будуть мати свого хлѣба до Америки, и в Америцѣ не будуть сами собѣ панами.

Что потрѣбне бароньскому сынови? Двацять пять патронôв од картачôв. — Але де их сховати? Треба менѣ одноѣ сокиры, бо без такоѣ рѣчи не идеся в свѣт. Треба менѣ три ножи и один шовковый мотуз. На тот мотуз клюку, чтобы мала три гаки: бо там не буде пана у Америцѣ понад мене. Тых людей высылають царѣ. Коли они найдуть Америку, то щастя их, а коли не найдуть, то погинуть марне на мори. Коли найдуть Америку, то кождому дадуть выбудовати дôм и кождый хлоп буде в Америцѣ паном. Але однаково они будуть мати над собою старшого! А я бароньскій сын, на своѣм хлѣбу, ложу сам на себе и нѣкто не буде менѣ розказовати в Америцѣ.

Як набрали на три роки хлѣба, взяв собѣ кождый пушку на плечи, триста мужа и бароньскій сын, посѣдали с ними три кондукторы, будуть гнати корабель до Америки.

Бароньскій сын розжаловався, каже: я у свого отця, у барона лиш один сын. Промарнив я враз из своими товаришами двѣ частки маєтку, что менѣ лишив мôй отець. Не буду вже бôльше с товаришами в'едно. Розхворѣвся я, полишив жену и матѣрь. Жона моя хвора, а я иду в свѣт. Кôлько утратив я отцевого маєтку, то тôлько мушу заробити в свѣтѣ, коли не умру. А коли я помру у тôй пути, не увидить мя моя жона, анѣ моя мати, анѣ тота дѣтина, что я за нею у пути тужу.

Выпровадили тріє царѣ тристо мужа на корабель: Идѣть и глядайте! Дали им далековиды, чтобы з моря глядали за землею.

Плыли так три мѣсяцѣ водою. У три мѣсяцѣ пôшли позирати, ци много ще хлѣба. Что, Боже, робити? На три роки брали хлѣба, а вже тôлько з'ѣдженого, что все не старчить им бôльше, як на один мѣсяць.

Приказав комендант ити хоть котрому на вышній поверх корабля и дивитися далековидом.

Бароньскій сын мав свôй далековид. Выйшов на третій поверх у

ночи и увидѣв на тысячу миль далеко, что в Америцѣ свѣтилося на земли свѣтло. Он зараз крикнув: обернѣть у той бôк корабель, бо я виджу там на право свѣтло и великій дôм.

Обернули корабель просто до Америки. Ѣли смѣло хлѣб и мясо, пили роскошно вино, бо вже радовалися, что найшли Америку. У мѣсяць прийшли ид краєви, бо им не ишов добрѣ корабель через велики скалы.

Приблизилися ид краєви. Ще на яких сто сяг быв корабель од землѣ. Коло краю моря быв берег магнесовый. В кораблѣ было желѣзо и той берег притяг до себе корабель.

Что, Боже, робити? Чому корабель не йде? Пôшов комендант краєм корабля, пообзирав, что єму хибить и каже: Товариши мои! Мы тут повмираеме, бо берег высокій на десять сяг, а мы не маєме довгого лазива. Як бы мы мали, то положили бы го на корабель, сперли до берега и повыходили в горѣ на землю.

Повѣдає бароньскій сын: У мене єсть довгій мотуз, а на мотузѣ клюка, на клюцѣ три гаки. Котрый мôг бы из вас трьох сот мужа просто в гору метати.

Так не годен нѣкто кинути высоко, хиба один свинарь, бо ôн найлекше працює тай легку руку має. Котрый тяжко робить, той не кине просто и клюка не имиться добре берега.

Кинув свинарь клюку и та имилася за берег. До клюки привязаный довгій мотуз Ну тепер лѣзьме в гору! Котрый мôг ловитися руками в гору по тôм мотузѣ, той выйшов на землю, а котрый не мôг, той остався на корабли. Плыли чотыри мѣсяцѣ водою роскошно, ѣли и пили помного; что на три роки хлѣба мало им достати, то ледва выстало на три мѣсяцѣ. Из тристо мужа и чотырьох не выйшло в гору на землю в Америцѣ тôлько сто. Знайшли там на деревѣ брески (барацки) и почали ѣсти, почали радоватися. Назбирали много, понесли сим до корабля метати, чтобы и тамтѣ з голоду не померли.

Як наѣлися, почали радитися: Ходѣм шукати тутешних, американских людей. Берѣм собѣ свои пушки и саблѣ, абы'сьмеся мали чим оборонити.

Идуть они за путем, увидѣли один дôм и почали межи собою говорити. А чей то церков, бо то дуже дôм высокій и широкій. Прийшли там ид дверям, двери из дерева на три сяжнѣ высоки. Выдять там одного чоловѣка и той також великій на три сяжнѣ высокій. Подойшов до них и подрыляв их до хижи. Дав им ѣсти турецки орѣхи. Они всѣ радо ѣдять орѣхи, тôлько бароньскій сын не ѣсть.

Он дуже боявся, ци не першій ôн згине! Покинув таку велику роскош дома та пôшов шукати собѣ смерти. Вже и готова смерть, бо

ôн тому великанови мало что бôльше сягає понад колѣна. Той великан взяв три рожны, и пôшов до тых людей. Як их накормив турецкими орѣхами, пороздягав их и пообзирав, котрый из них найтовщій.

Показалося, что найтовщій быв свинарь, один кондуктор и ще один хлопець. Роздягнув их и продѣв усѣх трьох рожном, припер о стѣну и наклав огень посеред хижи на земли, а всѣх инших нагнав до такоѣ загороды, котра была обведена плотом, крозь якій они могли дивитися, что великан из тамтыми робить. Коли огонь розгорѣв, ôн узяв до одноѣ руки двох а до другоѣ одного и так упѣк, як три птахи. Потôм взяв велику миску, порвав их на куски и положив на стôл для своєѣ челяды, котра мала надойти з роботи. Ледво великан приготовив усе, як прийшли ще одинацять таких великанôв, жон, хлопôв, позасѣдали за стôл и ôн почав оповѣдати, яки заблукали до него овцѣ — и указав им на тых людей у загородѣ. Тѣ всѣ дрожать, а бароньскій сын молиться Богу и обѣцяє, что радше умре з голоду а не буде ѣсти, бо як бы потучнѣв, то великан и єго надѣв бы на рожен и так спѣк, як тамтых.

По полуденку забрала та челядь у руки мотыки и пôшли коло дерева копати. Они копали коло кождого дерева, бо окопане дерево родило дуже добре овочи, а они тôлько з того жили. Той один, что перше быв дома, лишився и теперь. Он пôшов до загороды и почав обзирати, котрый тучнѣйшій. Выбрав трьох новых, продѣв на рожен и знов упѣк та подробив на куски, абы челядь мала готову вечерю а сам постелив собѣ коло огню на земли и ляг спати. Бароньскій сын почав просити скоро своих товаришôв: Изтягнить скоро з моих нôг чижмы. — Они зтягнули, ôн повыймав из чижм тѣ двацять пять патронôв, что быв сховав и сказав: Теперь выважѣть отсѣ двери, абы мы могли з хижи пôйти до того великана, что спить. — Выважили, бароньскій сын подойшов тихцем до великана и повкладав єму всѣ тѣ патроны до уха. Потому взяв тѣ три рожны, что великан пѣк на них єго товаришôв, пороздавав своим людям, выймив из кармана такій гнôт, якими мож было пôдпалювати патроны и запалив их. Аж нараз выстрѣлили тотѣ патроны тому великанови в ухах! Але бо ôн ще таки схопився и почав у хатѣ обертатися в кружѣлку. Тогды они впхали єму до очей два рожны, звергли го на землю и почали зо свого оружія стрѣляти. Як єго забили, тогды выломилися з хижи та стали утѣкати геть. Як утѣкали, то по дорозѣ промовляли до себе: Ой нещастна Америка наша!

Недалеко они забѣгли, як почало темнѣти, стала нôч. Они боялися стати на земли, бо гадали, что родина великана, узрѣвши трупа,

почне за ними глядати и може их побити. Тому повылазили они на велике дерево. Сидять они на деревѣ и поглядають на землю. Дивляться, повзае величезный гад. Прилѣз до них и одразу трьох пожер. Тамтѣ гойкають: Нещастна наша Америка, коли у нѣй таки люде, что нас у долонях подавили бы, та таки гады, что поѣли бы нас так, як мушок. Утѣкайме як найскорше назад, на море, хоть там доведеться певно нам з голоду померти.

Поприбѣгали над берег и поспускалися знов на корабель по тôм мотузѣ, что перше лѣзли горѣ. Тогды и клюку забрали за собою. На третій день повѣдае до них бароньскій сын: Отвяжѣм отсей малый човен!

А комендант каже: — Одвяжѣть шѣсть.

Одвязали и посѣдали в човны, до кождого човна по пять хлопôв, разом трицять хлопôв и бароньскій сын с ними. Забрали с собою пушки, а бароньскій сын узяв и сокиру. Плыли они так якійсь час по морю и найшли межи водою невелику суху землю. Высѣли там, дивляться, стоить таке велике яйце, что они не знали, ци то дôм, ци хлѣв, ци яка бѣла скала.

Сказав до них бароньскій сын: Возмѣть мою сокиру и рубайте люто. Як то скала, не буде ничо ити из неѣ; а як чтось живе, то буде ити из него або кров, або вода.

Затяли они тôлько раз сокирою, почав выпливати бѣлок: Се братя, яйце. Кладѣм на огень!

Назбирали патикôв, розклали докола яйця огонь и спекли его. Трицять хлопôв наѣлося и ще кождый узяв из собою по такому кускови, кôлько годен быв двигнути. Посѣдали на човны и вернули назад до корабля. Принесли ѣсти своим товаришам. Ледво они рушили высѣдати з човнôв, як появилася на водѣ велика тѣнь.

— Дивѣть но ся братя — каже бароньскій сын — звôдки та хмара суне? —

Они приглядаються, а то не хмара, то летить така велика птиця, та хоче их погубити за те, что они розбили его яйце. Почали они утѣкати на корабель. Из чотырьох човнôв люде утекли на корабель, а з двох не встыгли. Як велика птиця ударила на них, то човны и люде перевернулися у воду разом с тым мясом, что надерли з того яйця, и потопилися.

Что мають теперь чинити? Нѣ ѣсти не е что, нѣ пити.

Мои товариши! — промовив бароньски сын. — Я оставив дома велики маетки, лишив жону, что с нею оженився у одного графа. Я мав по своѣм отцю великій маеток, а також за своею женою и все

те я покинув . . . И вже певно теперь не жив бы, як бы був хоть трохи тучнѣйшій, але я сухій та ничто не хоче мене. Теперь не остає нам инше, только молитися Богови. Як Бог хоче, так нехай нам дасть.

Заграло море, коли почали Богу молитися, пôднеслася вода рôвно с берегами, почали на кораблѣ класти огень и корабель рушився. Утекли с кораблем од берега. Почали плысти морем. Хоть знаєм, хоть не знаєм куды плывем, та слава Богу, что корабель плыве. А чей ще колись добємесь до родноѣ землицѣ.

(Конець буде.)

ИС МИКИТА

ИВАНА ФРАНКА.

КÔТ ЦАРСКИМ ПОСЛОМ У ЛИСИЦѢ.

Из пѣснѣ III.

Кôт мурлика до дороги
Добре взяв за пояс ноги,
В торбу впхав печену мыш,
И лѣсочком, холодками
Так на пôдвечерик самый
Вôн прибув до Лисович.

Стукнув в браму, дожидає . . .
Лис из окна выглядає.
Кôт Мурлика шапку зняв,
Поклонивсь йому низенько,
Привитав його борзенько,
Тай таки слова сказав:

„Не прогнѣвайся, нанашку!
Не принѣс я жадну фрашку,
Але царскій вам наказ:
Другій раз се царь, наш владця,
Через свойого посланця
На свôй суд ось кличе вас.

„Що тут довго говорити!
Дуже царь на вас сердитый,
Тож я раджу вам: ходѣть!
Царь поклявся на корону:
Як не ставитесь до трону,
То пропащій весь ваш рôд.“

„Мурцю! — скрикнув Лис Микита, —
От не ждали! От визита!
Боже милый, як я рад!
Ну, ходи в мои обоймы!
А про те казать не смѣй ми,
Чтоб як стôй ити назад!

„Таж Лисиця, твоя тѣтка,
Так тебе видає зрѣдка,
Що не пустить нас пôд нôч,
А маленьки Лисенята,
Чи ж они пустилиб — брата?
Нѣ, то неможлива рѣч!

„Повечеряєм гарненько,
Проспимо ся, а раненько
Холодком — тай в божу путь!
Я про царскій суд не стою.

А що раз пôйду тобою,
Ты про сеє певный будь!

„Он з Медведем инше дѣло!
Ты розваж: прийшов Бурмило
Як розбойник у мôй двôр,
Тай до мене г криком, фуком,
З величезным в лапах буком —
Я-ж малый, слабенькій звѣрь!“

„Ой нанашку, — рек Мурлика, —
Ласка ваша за велика . . .
Але лѣпше мы не ждѣм!
Нôч чудова, мѣсяць свѣтить . . .
Попрощайте жѣнку й дѣти,
Тай у путь як стой ходѣм!“

„Мурцю, — каже Лис, — май розум!
Нôч не тѣтка, мы не возом
Будем ѣхать, нѣ лѣтать.
Всяка погань лѣсом лазить,
Ну-ж но кто на нас наважить!
Нѣ боротись, нѣ втѣкать!“

Тѣ слова Кота Мурлику
Кинули у дрож велику
„Ваша правда, — вôн скакав —
Мушу на нôч вже лишиться . . .
Та скажѣть, щоб поживиться,
Деб я тутка що достав?“

„Щож, не гнѣвайсь, Мурую дѣльный!
Чоловѣк я богомôльный,
Пост твердый держу день в день.
Та тобѣ вже я придбаю
Найсмачнѣйше, що лиш маю:
Крижку меду з'ѣж лишень!“

„Меду? Тьфу! — одрѣк Мурлика. —
Хай Бурмило мед той лика!
Ним мене ты не вкормиш!

Та у вашому фольфаку
Чей-же є де в закамарку
Хоть одна порядна мыш?“

Лис Микита рек до Мурка:
„Ты жартуєш! Навѣть Турка
Я-б мышми не трактовав!
Що ты выдумав, небоже?
Мыши ѣсти! . . . Милый Боже!
Про таке я й не чував!

Та як мышей ты бажаєш,
Мурку любый, — тут их маєш
Що хоть ними гать гати!
Тут у вôйтовôм*) будинку
Мышей тьменна тьма, мôй сынку,
И близенько нам ити!“

Ах, нанашку мôй наймильшій,
Поведѣть мене на мыши!
Я на мыши дуже звык!“
„Добре! Так ходи-ж за нами!“
И полѣзли бурянами
Аж де войтôв бôв курник.

Там в стѣнѣ дѣра пробита,
Нею часто Лис Микита
Нôчью в курятник гостив;
Вчора ще пустив вôн крови
Вôйтовому когутови,
Аж когут и дух спустив.

Вôйт зо злости счервонѣвши,
З когута лиш пѣря вздрѣвши,
Крикнув: „Нѣ, вже не стерплю!
Мушу злодѣя зловити“ —
Край окна дав присилити
Мотузяную петлю.

*) вôйт — сельскій староста.

Лис Микита се пронюхав,
Тай говорить: »Мурку, слухай,
Як там мышки цвѣркотять,
Як выробчики невинни!
А ось тут и дѣрка в глинѣ —
Тôлько влѣзти и хапать!“

„А безпечно-ж тут, нанашко?
Нынѣ за бѣду не тяжко,
А вôйты, то хитрый люд!“
„Га, — говорить Лис зрадливый, —
Хто занадто боязливый,
Най такій покине труд!“

„В серединѣ там не був я,
И про хитрощи не чув я,
Та коли боишся ты,
То ходѣм раднѣш до дому,
Повечеряєм по свому;
Редьку й медовоѣ сыты.

Кôт Мурлика застыдався.
„Що гадаєш, я злякався?“ —
До Микиты вôн озвавсь. —
„Страх, то не котяче дѣло!“
И у дѣрку скочив смѣло,
И шасть-прасть! В сильце споймавсь.

Ой, повис вôн у воздухах,
Затрепавсь, та по рухах
Шнур ще дужше горло стис.
Кинувсь — вдаривсь до одвѣрка!
А з горы, де клята дѣрка,
Заглядає зрадник Лис.

„Ну, що, Мурцю мôй наймильшій, —
Каже вôн, — смакують мыши?
Правда, що за пишный смак!
Хочеш соли? Я покличу,

Або у вôйта сам позычу, —
Ци волиш вже ѣсти й так? . . .

„Ого вже и ты спѣваєш!
Але славный голос маєш!
Тенор! Ах люблю на смерть!
Жалобно аж ллється в душу! . . .
Ох, бôгме, я плакать мушу
Ну спасибôґ за концерт!“

Раптом двери заскрипѣли,
Вôйт роздягненый, спотѣлый
З палицею сам впада:
А за ним сыны и слуги,
Сей з ременем, з буком другій —
Ось де Муркови бѣда!

„Бийте злодѣя! — вôйт крикнув, —
Вчора когута нам смыкнув!
Бийте, поки спустить дух!“
А луп-цуп летять удары . . .
Мôй Микита з уст нѣ пары,
Мов ослѣп уже й оглух,

„Бийте! — вôйт кричить и кропить.
В тôм Мурлика скôк! Як вхопить
Пана войта за сам нôс!
Хруп, тай хруп, мов мыш велику,
Костями роздер всю пику,*)
Мов бы гречку грабав бѣс.

„Гвалт! Ратуйте:“ — крикнув з болю
Вôйт и впав як сноп до долу.
Всѣ до нього. — Гей, свѣтѣть!
Гей воды! Гей губки, ваты!“
Кинулися кров спиняти, —
Вже й не в головѣ им Кôт.

А в кота тверда натура:
Лиш одсапав тай до шнура,

*) лице

Взявся грызти и кусать.
Далѣ шарпнувся що силы,
Шнур урвався и в тôй хвили
Кôт свободно мôг втѣкать.

Ну, вôн мышей одцурався,
В курнику й не обзирався,
А задравиш хвôст, як мôг
Драпнув в дѣрку, та до лѣса,
А лѣсами, мов до бѣса,
Просто в царскій двôр прибѣг.

Невдячне курча.

(Ческа народна казка.)

Быв собѣ дѣд та баба й не было у них дѣтей. От якось высидѣла им чорна курочка курча. Бабуся й каже:

Ото и добро; будеме мати что доглядати.

А дѣдо одразу увидѣв, что з того курчати не буде нѣчого доброго.

Но баба не дала єму и слова сказати, взяла то курятко, выкохала го як годиться. Усе єму догоджала, чого тôлько єму забаглося.

Дѣдусь каже раз, что то курча дуже богато з'ѣдає пшеницѣ, а баба єму одповѣла, что тобѣ таке снится?

А куря ѣло тôлько пшеницѣ, что старым вже не выстарчало на книши.

Якось одного дня бабуся сумна сидѣла коло куделѣ а дѣдусь по близу на стольци. Не хотѣлося им говорити, бо не мали что ѣсти. А ту прийшло курятко и просить пшеницѣ.

— Ты вже у нас все поѣло — сумно одповѣсть єму бабуся, хиба что єще нас поѣш.

И ледво она то промовила, курятко роззявило клюв и з'ѣло дѣдуся зо стольцем, — дзьобнула другій раз и з'ѣло бабусю с куделею.

Так им ся одвдячило! . . .

Выходить 15. каждого мѣсяця окрôм юлія и августа.
Редактор: Др. ИВ. ПАНЬКЕВИЧ. Предплата Кч 12.— на рôк. Поодиноке число Кч 1.20.
Выдае Шкôльный оддѣл цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОК, УЖГОРОД, пл. Корятовича ч. 12.

Рôчник III. Ужгород, 15. февруар (лютого) 1922. Число 6.

Бароньскій сын в Америцѣ.

(Конець.)

Плыли водою и зустрѣтили по колькох днях другій корабель. Зараз вывѣсили бѣлу заставу и почали трубѣти, аж другій корабель и его командант зрозумѣли, что они в бѣдѣ, мають загибати. Одчепили од другого корабля малый човен, сѣли на него три моряки и поплыли дивитися, что таке дѣеся на сѣм корабли. Прийшли и привѣталися, колиж бо не можуть с ними порозумѣтися, бо то люде не з тоѣ землѣ, одки они, анѣ не з тоѣ Америки, але з краю межи морями. Порозумѣвся с ними аж бороньскій сын. Повѣдае им: — Гинеме! Мы пôшли глядати Америки, тай таке найшли!

Тѣ звѣдують: — Чомуж вы не остали там, коли вы ѐ найшли?

Там не добри люде, велики там гады и птицѣ. Тамошній чоловѣк убивае нас так легко, як мушку, так само гад нас пожирае и птиця подзьобуе. Теперь сами не знаеме, куди плывеме.

Ѣдьте с нами! — кажуть тѣ люде з тоѣ землѣ, что межи морями. — Мы вертаеме домôв. Дочепѣть свôй корабель до нашого та ѣдьте с нами.

Они учинили так. Тамтѣ дали им ѣсти, пити и розвѣдують: — Яку роботу вы знаете?

Бароньскій сын одповѣвся: — Я не знаю ниякоѣ роботы, бо я пан, але мои товариши знають.

Не бойтеся ѣдьте с нами, а наш царь вас не погубить, ôн певно вам якійсь ряд дасть.

Коли приѣхали до того краю, зголосили их моряки у свого царя. — Мы найшли на мори людей, что заблудили, та не знають де их край.

Мы маєме новинки з усѣх краѣв та чей дознаємеся, з ôдки вы.

Читали новинки, читали, не найшли того краю, з ôдки тѣ люде: — Вы люде, мабуть из дуже далека, коли вас тут не можеме однайти. А скажѣть нам: Ци вы хочете ще домôв достатися, ци лишитеся у нас жити?

Мы бѣдни, не знаєме теперь де наш край; хиба вже тут всѣ останемеся.

А я буду для вас царем, бо я тут у сѣм краю кождому за царя. Дам вам землю та будете господарювати. Скажу вам побудовати будинки та дам вам волы и всяку худобу на змаганє.

Повѣдає бароньскій сын: Я волôв не хочу, бо я пан, та я волами не умѣю робити. Я в своѣй земли богатый пан, але я выбрався вандровати по свѣтѣ, та найшов собѣ бѣду. Дома лишив я роскоши, а тут робити не умѣю и жебрати соромлюся.

Не бôйся, як я стаю царем для твоих людей то и для тебе. Я дам им землю, а тебе прийму в своѣм домѣ до якойѣсь службы. Будеш писарем або слугою. Котрый легшій хлѣб для тебе?

Та вже волѣю быти слугою.

Звѣдує єго царь: Ци маєш жону?

В своѣм краю маю, та колиж бо не знаю, де мôй край.

Мôй любый слуго, не знаю и я.

Заглядають до мапы, на котрôм мѣсци стоить єго край, и не можуть найти.

Не так ты роби мôй любый слуго. Ты вже мабуть николи не вернеш до родного краю. Оженися с моєю донькою, будеш по менѣ у моѣм краю за царя. Не будеш служити, але будеш приказовати.

Утѣшився, что так выйшло, бо ôн быв паном дома тай буде паном у свѣтѣ.

Урадовалися тым и єго товариши, бо мали с ним погинути на мори. Ачей мы ще зазнаєме щастя, бо наш товариш буде в сѣм краю царем та ôн не дозволить нам нѣ кривды зробити, нѣ нас погубити.

Оженився ôн. На вѣнчаню мусѣв присягнути, что до смерти буде нерозлучно жити с своєю жоною. А сли кто скорше умре, ци муж, ци жона, то мусить себе дати разом поховати с небощиком.

Поженилися и жили собѣ обоє якійсь час добре. Та взялася раз в краю хворота. Захворѣла царева донька, жона бароньского сына и скоро померла. Приходять до него и повѣдають, что мусять єго с нею поховати.

Чтож я можу в чужôм краю учинити — думає ôн, коли тут така установа, что с умершим живого ховають! Заберу с собою хиба дороги рѣчи и золото, сотнар свѣчок и дорогу заправу, кобы докторы дали.

Приобѣцяли єму все. Роблять деревище єго жонѣ и єму, але єго така велика, что не тôлько ôн сам мôг в нѣй помѣститися, але и сотнар свѣчок и на один рôк хлѣба готового пшеничного.

Дали єму докторы таку заправу, что як приложить собѣ єѣ до носа, то нѣчо єму не воняло.

Як вы будете мене ховати, найяснѣйшій царю? — звѣдує ôн. — Ци у землю, ци у пивницю?

Царь сказав: Тут маєме в однôй горѣ вытесаный льох для цѣлого мѣста. В нѣм розходиться чотыри дороги на чотыри стороны и поприних ховаються люде.

И мене дайте поховати с вашою донькою!

Надойшов час ховати царску доньку, мусѣв и бароньскій сын лягати у своє деревище. Набрав собѣ богато золота и рѣжных дорогих рѣчей, набрав собѣ хлѣба, дали єму докторы всѣляки лѣки и ôн ляг у деревище. Взяв с собою той мотуз, что привѣз из дому, и свою сокиру. — Не лишу нѣгде своєѣ працѣ, каже, бо я брав собѣ єѣ для помочи. Може мене ще Бог вызволить та менѣ не доведеться умирати!

Завезли єго у льох, заѣхали на то мѣсто, де розходяться чотыри дороги и при однôй царскôй єго поховали. Оставили єго там, а сами повыходили.

Скоро все успокоилося, бароньскій сын схопився, запалив свѣчку и почав глядати, де ôн є. По якôмсь часѣ найшов дѣрку з другого боку города, де проломився льох. Подумав собѣ, а чейже туды я вылѣзу. Вернувся по рѣчи, бо не хотѣв оставляти дорогих рѣчей, а особливо мотуза и сокиру. Закинув зараз мотуз и ключка имилася землѣ. По тôм мотузѣ вылѣз на верх и почав утѣкати, абы го кто не видѣв, бо бы зараз розстрѣляти казали. Утѣкав, утѣкав аж прибѣг на край моря, абы сѣсти на корабель.

Прийшов на корабель и звѣдує, до котроѣ краины одходить корабель.

До тоѣ и до тоѣ.

Ѣду и я!

Приѣхав до тоѣ краины, высѣв из корабля, видить на березѣ ходять якись люде. Почав звѣдовати, з ôдки они.

Они повѣдають: Мы не тутешни, мы з руського краю.

З якого города?

Они кажуть: — з такого и такого.

А ôн каже: — И я з того города. Добре, что мы стрѣтилися тут. Покидайте роботу, ходѣть со мною до касы, поѣдеме домôв.

Прийшли до касы, ôн выняв золотѣ гроши, перемѣняв на инши и покупив карты для себе и всѣх людей. Всѣли на корабель и приѣхали до дому.

Прийшов до дому, вклонився своѣй матери и женѣ и заплакав гôрко. Простѣть менѣ, что я опустив вас и оддався на таки муки, что лиш Пан Бôг уратовав мене од загибелѣ. Ôн показав все золото и гроши, яки привѣз из свѣта и хвалився, что вже буде чим жити. Наняв музикантôв и приказав им, абы грали, доки буде жити. Але ôн не дуже слухав тоѣ музики, бо все єму стояло на думцѣ, як то ôн мало не згинув в Америцѣ, что єго великаны хотѣли з'ѣсти, и что єго живого поховали.

Ишов раз бѣдный Иван попри хату бароньского сына. Саме тогды варили обѣд и запах страв доходив аж на дорогу.

Каже Иван: — Боже, яке тут добро чути! Як бы я того покоштовав, богато рокôв довше прожив бы.

Почув се бароньскій сын и послав за Иваном. Кличе го слуга: — Кидайте геть оту сокиру, а ходѣть до мого пана, бо вас кличе.

Казав пан дати Иванови дорогу одежу, абы перед ним не ставав у ряндях. Коли станув Иван перед паном зазвѣдав го: — Яку роботу робиш Иване?

Ношу тягарѣ од одного склепу до другого. — А сильно Иван напудився.

Не бôйся Иване! Лишиш ся у мене, я буду тобѣ платити кождого дня тôлько, кôлько ты заробляв. Кôлько того было?

Были таки дни, что я заробляв и по два золоти, — одповѣв Иван.

Кôлько маєш дѣтей?

Шестеро.

Як называються?

Иван сказав.

Переказав бароньскій сын, абы Иваниха ставилася до нього по обѣд. Прийшла. Бароньскій сын выняв два золоти, дав Иванисѣ и каже: — Твôй чоловѣк буде вже у мене всегда. Кождого дня буде

мати два золоти, а робити не буде ничого, тôлько буде сидѣти. Я буду его держати у себе, бо я знаю бѣду и тому не хочу, абы ю кождый мав. Але до своих дѣтей не смѣе ходити, лиш тут мае сидѣти. А ты в кожде полудне будеш приходити по гроши.

Бароньскій сын давав Иванови красне шатя, добру ѣду и все мусѣв сидѣти и ничого не робити. Иван сидѣв так два тыжднѣ, поки ему не вкучилося.

Мôй любый пане! Я бы хотѣв видѣти свои дѣти — сказав Иван по двох недѣлях.

Коли хочеш дѣти видѣти, то не будеш брати грошей!

Я не дбаю, най тôлько свои дѣти увиджу.

И одойшов домôв.

ИВАН ВАГИЛЕВИЧ:

Мадей.

На высокôй Черногорѣ
Буйни вѣтры вѣють,
На зеленôй полонинѣ
Сѣри вовки выють;
Тысяч коней вороненьких
В изворах ирзае,
Тысяч гарных легѣнекôв
Коникôв сѣдлае.
А ватажко сивый Мадей
Зморщив густи бровы,
Чорни очи заблищали
Та жаждою крови.
Поверх коней яснобарви
Прапоры сіяли,
Изворами и дебрами
Ратища мелькали.

*

Мрачно скучно по майданѣ,
Потьма ся чорнѣе,

Огнѣ горять по шалашох
Легкій вѣтер вѣє.
Мадей велѣв чатовати
Густою дебрею;
Гомон далеко клекоче:
„Вертайме, Мадею!
З верх Бескида глухій дубот
Бором ся шибає,
Тьмою вихром ѣдуть Угры
Дебр ся улягає.“
— „Нѣт вертаться сив Мадею
З соромом до дому,
Глухов пущов темнов ночев
Блудити по лому;
З бесчестными оченьками
Ясне сонце зрѣти,
З безчестными губоньками
Богу ся молити.
Кôньми зорю долиноньку,
Засѣю стрѣлами,
Переломлю вражи тучи,
Пролью кров рѣками!“
Та вже сива бородонько,
Не тобѣ ся бити,
Пôд зеленов муравоньков
В деревищи жити;
Не тобѣ вже сыру землю
Тѣлами стелити,
Не тобѣ вже вражу кровцю
Ратищом точити.

*

Трублять роги жубровіи,
Сумно конѣ рзають
Шумять тучи срѣбных стрѣлок
Та мечи брязчають.
А з извора летить скоро
Остроє ратище,
Заточився пôд Мадейом

Кôнь на колодище . . .
Люто кликне сивый Мадей,
А дебр заклекоче,
Вовком вержесь у вражи тучи,
Зубми заскрегоче.
Куда мелькне ясным мечем
Кров рѣкою точить,
Куда ратищем засвище,
Кôнь ѣздця волочить.
И рев лютый, мрак темнѣйшій
По сырôм майданѣ . . .
Звонять копіи, брязчать мечи,
Тьмять стрѣлы каляни.
А з Мадея девять стрѣлок
Ссуть кровцю теплую,
З бѣлых грудей три ратища
Влекуться землею.
Сивый Мадей утомився
И ноженьки млѣють,
З слѣдôв кровця выступає,
Груди ся чорнѣють.
Вже за шию ужевками
К мажи привязаный,
За рученьки и ноженьки
Вкованый в кайданы.

*

Вылетѣла зазуленька,
Сѣла на тополи,
Заковала жалобненько:
Мадей у неволи!
Ой, зазуле сивенькая,
Не ковай сумненько,
Не задавай серцю туги —
Й так менѣ тяженько!
Ноги зелѣзо зрывае
И в руки ся в'ѣло,
Кровцьов груди обкипѣли,
Тѣло почорнѣло.

Мои други бѣлогруди
В Бескидах дрѣмають,
А вороны чорни крачуть,
Кровцю попивають!
Моих вѣрных легиникôв
Кости ся бѣлѣють,
Сѣри вовки стѣкаються.
Трупы рвуть и выють!
Ой, понесли коваючи
За темненьки зворы,
На зеленôй левадонцѣ
Бѣлѣються дворы.
Не кажи родному сыну,
Що мя уковали,
Лише мене на весѣлє
На силу призвали;
З студеноѣ кирниченьки
Медом упоили,
А пôд зимну колодоньку
Спати положили.

Королевич и ремесло.

(Болгарска народна казка.)

В однôй земли пановав король с королевою. Мали они доньку, а була она красненька й веселенька як та голубка.

Одного разу помандровав король с королевою и донькою морем на великôм корабли. Коли вже од'ѣхали они далеко од берега, почалася страшна буря. Филѣ кидали кораблем як трѣскою сюды и туды. В концu корабель наѣхав на скалу и розбився. Король из своєю сѣмєю ледво уратовав своє житє, а все, что они мали, загинуло в морю. Добралися они до чужоѣ землѣ як найбѣднѣйши жебраки. А чтобы в чужôй та ще и в ворожôй земли их не поубивали, та король навѣть нѣкому не признався, кто ôн є.

Алеж як король мав теперь жити, коли ôн не умѣв працьовати? А без працѣ — звѣстно — хоть лягай и вмирай з голоду! Довго ôн

мѣрковав и сяк и так; довго довелося таки и голодовати усѣй родинѣ, аж вкôнци взяли его в одно село за пастуха. З початку се его болѣло, але часом успокоився и навѣть быв задоволеный, что хоть так уратовав свое житє. А чим далѣ, та королевич полюбив працю.

Минуло кôлько лѣт.

Пастухова донька выросла на правдиву красавицю. Красшоѣ од неѣ не было в цѣлôм королѣвствѣ. Про еѣ красу дойшла чутка аж до королевича тоѣ землѣ. И от коли прийшов час глядати ему молодоѣ, то кôлько всяких гарных дѣвчат не бачив той королевич, а не было красшоѣ од доньки пастуха! И ôн порѣшив, что ожениться тôлько с нею. Сказав про се свому батькови; але король — як король — нѣяк не хоче, абы его сын брав просту пастухову доньку за королѣвну. Однак сын одповѣв твердо, что ôн цѣлком не ожениться, коли ему не позволять еѣ взяти.

Не мав что король робити, згодився и послав до пастуха сватôв. Так и так — кажуть сваты. Але пастух не хоче оддавати своеѣ доньки за королевича.

— А яке ремесло умѣе королѣвскій сын? — звѣдав ôн.

— Ремесло? — звѣдують и собѣ здивовани старосты. — Королѣвскій сын умѣе королювати! Ôн мае всего дость и ему не треба жадного ремесла!

— Все дуже добре, але най ôн навчиться, якого ремесла, може и оно ему придасться в бѣдѣ! От тогды и оддам я за него свою доньку — одповѣв пастух, прощаючися с сватами.

Старосты все те переказали королеви. Король розгнѣвався.

— Той пастух — дурень. Пôйдѣть та скажѣть ему, абы не выгадовав там якихсь дурниць!

Пôшли старосты в друге, але пастух одмовив им знов, кажучи:

— Поки не принесете менѣ что небудь таке, что зробив королевич власными руками и поки я не пересвѣдчуся, что ôн выучився якого ремесла, доти не дам за него своеѣ доньки.

Повернулися старосты и знов розповѣли про все королевичови. Не было як сперечатися. Сказав король сынови, что коли ôн хоче пастухову доньку, то мусить навчитися якогось ремесла, яке вже там ему злюбиться.

Пôшов короленко до кошикаря и навчився плести кошики. Выплѣв першій кошик и пôслав пастухови.

— Кто зробив сей кошик? — звѣдуе пастух.

— Королевич! — одповѣли старосты.

— А кôлько варта отсей кôш?

— Так з пять корон буде!

— А як довго ôн плѣв его?

— Один день.

— Добре. За день пять корон. За другій день знов кошик и знов пять корон, то вже буде десять! Як коли прийде бѣда, то як буде працювати, то вже не буде голодовати.

И оддав пастух свою доньку за королевича.

Зробили гучне королѣвске весѣля, а вже по весѣлю признався пастух, что й ôн так само король. Тогды его зать дав ему корабель та велики богатства и одослав его королювати до его землѣ.

ДЕ ДВА БЮТЬСЯ, ТРЕТІЙ КОРИСТАЄ.

Сварилися воробцѣ
За зернятко сѣмя
Стали чубитись в клювцѣ
В голову та тѣмя.

А завзяти бились все,
Аж пѣря летѣло,
Не зважаючи, яке
Лихо ся коило.

Як синичка вздрѣла се,
Скоренько злетѣла
И без труду зеренце,
Вхопивши поѣла.

Бо ось кôтка з бурянôв
В мить ся пôдхопила
И скоренько воробцѣв
Враз обох зловила.

И згадала кôтка тут:
Правду повѣдають,
Что колися одни бють,
Други користають.

(Из Дзвінка 1913 р.)

Авраам Линкелн.

В Джентрівілю, в державѣ Индіяна, в 1816 роцѣ стояла деревяна хижа, без дверей и склянных окон, с погнилою пôдлогою, с постелею з сухого листя, с столом зробленым из обрѣзкôв и с двома або трема стôльцями. Жили там Томаш Линкелн, чоловѣк доброго серця, а не умѣв нѣ читати, нѣ писати. Ненси Генкс была его женою, блѣда, тихонька, чутливого серця. А дуже зле еѣ было в тôм бѣднôм положеню. Мали

они десятилѣтню дочку Сару и великого, неповоротливого, осьмилѣтного сына Аврама.

Родина ся недавно переселилася з подобноѣ хижи в Гардин Кенты, в Кентуки; тут серед глухоѣ гущавины вырубовали собѣ путь сокирою, а живилися звѣриною, котру могли собѣ на пути убити.

Панѣ Линкелн мала одиноку книгу — библію и з тоѣ учила кождоденно свои дѣти. Авраам быв два три мѣсяцѣ в школѣ, котру одерживало село и научився там читати. Скоро думав, легко запамятовав собѣ и майже усю библію знав на память; у свого доброго учителя видѣв всѣ тѣ добри свойства, про котри говорилося в книзѣ.

Коли мав десять лѣт, вянула єму дорога мати як та квѣтка серед кождоденных клопотôв житя. Умерла скоро на сухоты а похоронено ю в простôм деревищу пôд деревами пиля хаты. Найтяжше переносила горе дочка, котра в 15. роцѣ житя також померла. Хлопець не мôг забыти на мамку. День в день ходив на грôб, сѣдав там и плакав. На єго лици все быв смуток, котрый нѣколи в житю не забывали тѣ, котрѣ єго в тôм видѣли.

По девятьох мѣсяцях написав Авраам письмо духовникови Елкинсови, доброму священникови, котрого знали єще з Кентуки; просив єго, абы приѣхав и држав жалобну бесѣду над єго матерею. Приѣхав майже сто миль*) на кони. Одного рана в суботу, коли зойшлися сусѣды з цѣлоѣ околицѣ, дакотри на возах, инши на конях, промовив над гробом о дорогоцѣннôм христіанскôм житю, котре спало в тôм гробѣ. Рано померла, всеж таки положила основный камѣнь до одного з найбôльших характерôв, яки знає історія.

Хлопець, котрый сам быв дуже товаришскій, дуже любив читати и знати, что єсть за границями фармы, котру засѣвав. Вызычив собѣ опис Бенйена „Поступ подорожнього“, читав го нисколько раз и умѣв з него много повѣдати. Потôм зычив му ктось „Езопови байки“ и „Робинзон Крузов“ и тѣ читав с неописаною радостею. Дознався, что за Кентуки и Индіяною простирався широкій свѣт, котрый ачей мôг бы пôзнати колись.

По якôмось часѣ Томаш Линкелн оженився с вдовою, бывшою приятелького Ненси Генкс, а та привела до хаты єще троє своих дѣтей, а пак принесла письменный стôл, что Авраамови и Сарѣ выдавалося дуже елегантным, — дасколько кресел и постѣль. Авраам до тепер спав на пôдлозѣ хижи на мѣху, наповненôм житною половою; дѣйстна постѣль выдавалася єму як чтось дуже выбагливе.

Дѣти привитали радо нову маму в безпотѣшнôм домѣ; она стала направду доброю и правою матерью для сирот. Свому новому мало

*) миля англійска = пôлдруга километра.

тяжкому чоловѣкови додала трохи охоты до працѣ а хату спорядила чисто и красно. А что было найважнѣйше, то взбуджовала Авраама все ид читаню и то докладно, абы з того колись чтось выйшло.

Достався єму до рук опис Віма: „Житє Вашингтона“. Книжка ся стала для цѣлоѣ хижи правдивым раєм, бо всѣ слухали с великою цѣкавостею, кôлько то всего доконав один великій чоловѣк. Босый хлопець, якій носив штаны ледвы до колѣн, все у себе звѣдовав, ци не мôг бы заняти в свѣтѣ якогось вызначного мѣста. Не дивно отже, что коли єго мати позвѣдала пôдчас забавы с своими товаришами, что з него в свѣтѣ може быти, хлопець спокойно одповѣв: — „думаю, что стану президентом Сполученых Держав“.

Одного разу сталося нещастє з єго улюбленою книжкою „Житя Вашингтона“. Ото одноѣ ночи затѣк дождь до хижи и замочив страшно книжку. Засмученый Авраам однѣс книжку назад властителеви и працьовав три дни за двацять пять центôв денно, абы мôг заплатити шкоду и в той способ одержав книжку опять.

Покончивши через кôлька мѣсяцѣв школу, имився Авраам до працѣ, рубав, сѣяв, колов дерево для газдôв а заплату оддавав родичам. День всегда переводив на працѣ, а вечерами читав: „Плутархови житєписи“*) и житє Венямина Франклина. Дуже го любили сусѣды и жителѣ села, бо ôн умѣв походити коло малых дѣтей, оповѣдати казки, выголошовати стихи а навѣть сам их складати.

Хоть видѣв, что всѣ коло него пьють отравни напоѣ, не доткнувся их, памятаючи при тôм все на науку своєѣ помершоѣ матери. В своѣм серци все чув милосердіе до тых, котри при тôм тяжкôм житю нищили своє здоровля алькоголем. Одноѣ ночи напримѣр найшов ôн с своими товаришами в ровѣ лежачого пяного чоловѣка, майже непритомного а коло него стояв єго терпеливый кôнь. Положили чоловѣка на коня и держали го, аж дойшли до найблизшого дому, де Авраам сидѣв над ним цѣлу нôч, рятовав го и в концѣ привернув до житя.

Коли мав 18 лѣт, найшов собѣ мѣсто в малôй крамници; але не вдоволився лиш тым, что мôг стояти за ладою и продавати; дуже много читав о Вашингтонѣ и Франклинѣ. Коли в пятнацять миль оддаленôм Джентрівілю одбывався час до часу якійсь суд а Авраам мав свободну хвилю, то ишов там, абы прислуховатися, як там судять. Потôм сейчас позичав книжку „Ревидована устава Индіяны“ и с интересом читав, хоть та книжка для сѣльского парубка тяжка.

---

*) Плутарх быв славный историк грецкій, написав славну книжку: „Житєписи освѣченых мужôв грецких и римских.“

Одного дня чоловѣк, котрого судили о убійство, замовив собѣ славного тогды адвоката Джона Брекнрайча, абы го боронив. Авраам прислуховався дуже до его оборонноѣ бесѣды до судіѣв. Адвокатова бесѣда дуже ему подобалася. Коли суд быв одроченый, продерся высокій парубок, — на лици котрого мож было читати великій подив, — до переду, абы адвокатови стиснути руку. Але адвокат мовчки перейшов попри него. Зойшлися они опять аж по 30-ти роках, коли Авраам Линкелн быв уже президентом Уніи, и тогды желав ему за его вымовность.

В апрѣлю 1828 навинулася ему давно ожидана нагода поглянути на свѣт поза Джентрівілем. Один чоловѣк, котрый знав Авраамову честность и охоту до працѣ, просив го, абы ѣхав с ним човном по рѣцѣ Миссіссіпі до Нового Орлеансу. Доставав тыжднево лиш два доллары и страву; а коли човен не мôг ити назад проти воды, мусѣв вертати домôв пѣшки. Великодушный парубок видѣв при тôй нагодѣ рѣчи, яки нѣколи в житю не мôг забыти: на невольничих торгах продавали увязаных чорных людей, як скотôв. То так ему зогидилося, что по лѣтах проголосив знесеня невольництва.

По двох лѣтах, коли вже став повнолѣтным, помагав Авраам перевозити родину отця до Іллиноа; поганяв чотырма парами волôв, котри везли домашни начиня по болотнистôй дорозѣ. Пôтом злучився с своими пасербами, зорав 15 угрôв землѣ, выставив деревяну хату и пôшов в свѣт, абы заробити сам на себе, бо до теперь его заробок належав законно отцеви. Не все доставав гроши за свою працю. Нераз, коли набрав собѣ якоѣ матеріи на одежу, мусѣв довго зато одробляти.

Не мав краму, не мав грошей, а мусѣв робити, что му прийшло пôд руку. Працьовав цѣлый рôк раз для того, другій раз для другого газды а вконци наняв его и его пасерба пан Оффут на будову и абы допроводжовали човны до нового Орлеансу. Властитель быв так доволеный, что коли Авраам вернувся, достав нараз предложеня, абы приняв мѣсто в крамѣ и в млынѣ в Ню Сілм. Тут его знали пôд именем „честный абе“ тому, что так честно все справовався. Раз якось продав однôй жонѣ якійсь товар за два доллары и шѣсть и чверть центôв. Позднѣйше замѣтив, что о тых дасколько центôв взяв дорожше. Сейчас в ночи выбрався в дорогу, ишов двѣ три милѣ и вернув жонѣ надвышку. Раз знов купила якось жена пôв фунта чаю. Позднѣйше пригадав собѣ, что не добру вагу еѣ дав, было за мало. Выбрався в дорогу, найшов жону и додав недоваженый чай. Жадав все пошановку для жон. Раз якось прийшов до крамницѣ один селянин и зачав грубо говорити. Молодый Линкелн наклонився через пулт и зажадав, абы пе-

ред жонами говорив спокойнѣйше. Коли жоны одойшли, зачав селянин воркотѣти. Было видно, что хоче сважатися. Тогды Линкелн зорвався з мѣсця и сказав: „Вы хочете за всяку цѣну быти битым; добре, натовчу вас так добре, як кто иншій — и выплатив му, на что заслужив. Од того дня той чоловѣк быв так добрым горожанином, як и други, а потôм став Линкелновым доживотным приятелем.
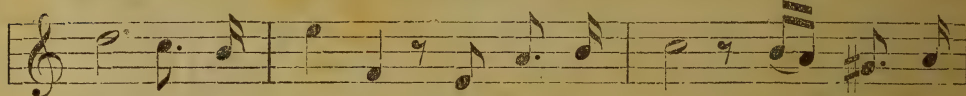

Верховино, свѣтку ты наш.

Andante.

Вер - хо - ви - но свѣт - ку ты наш, гей, як у

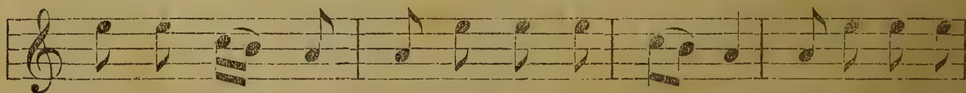

те - бе тут ми - ло! Мов иг - ры вод плы - ве тут

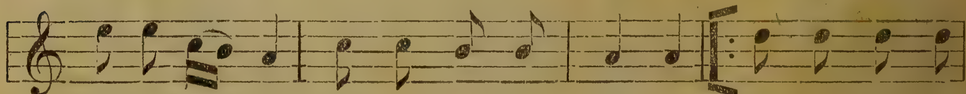
mf **Allegretto**

час сво - бôд - но шум - но ве - се - ло. Ой не-ма то

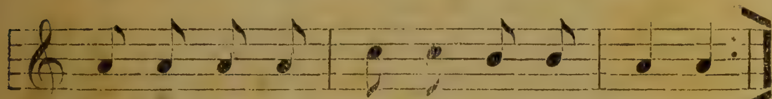

кра - ю кра - ю над ту Вер - хо - ви - ну, Там бы ме-нѣ

по - гу - ля - ти хоч од - ну го - ди - ну. Ой не - ма то

З верха на верх, а з бору в бôр
З легкою в серцю думкою.
В чересѣ крѣс, в руках топôр
Буяє легѣнь тобою:
Черемоше, Черемоше, чиста твоя вода,
Дѣвчинонько з Верховины, якаж твоя врода.

Там то бренить бремббиты звук,
Щебече любо сопôлка,
А як звѣра завыє згук,
В челюсти плюне му цѣвка.
А я тоє дѣвча люблю, що бѣле як гуся
Оно мене поцѣлує, тôльки притулюся.

Дѣточа забава в Зарѣчевѣ.

Гуси и вовк.

Ци на городѣ або хоть де знають дѣти так ся бавити. Одно з дѣтей *вовк*, один тот, шо шкиндать, а всѣ дѣти — гусята. Гусята сѣдають на травѣ рядочком навколо, а вовк хоть де в закутинѣ. Тот, что шкиндать коло гусят — (скаче на єднôй нозѣ довкола них) и ґазда, каже:

„Шкинду, шкинду попôд лаз,
Укусив ня чорный пес.
Треба бо ми масти
З дяковоѣ кости.
Не є дяка дома,

Пôшов до Ключова,
Ключи купувати,
Церков розмикати.
Кукуріку! — ляжу спати,
А вовк прийде гуся брати.“

Лягає спати коло гусят. Приходить вовк и бере єдно гуся, иде с ним дале. Тот что шкиндять (ґазда) встає и знов скаче довкола гусят и говорить: „Шкинду, шкинду по под лаз . . .“ знову вовк бере гуся, аж докля всѣ не вынесе. Тогды тот, что шкиндать, каже: „Не є мои гусята!“ Иде глядати. Кличе: „Гусю, гусю!“ Гуси: „Ґа—ґа—ґа!“ Вовк стає на передѣ, гуси за ним. Приходить ґазда до вовка: „Ци не видѣлисьте моих гусят?“ — „Пôшли зеленов путьов!“ И указує хоть куды. Тот иде глядати, скоро вертаєся назад. „Не є их ту! Ци не видѣлисьте мои гусята?“ — „Пôшли червенов путьов“ — и т. д. Або каже: „Полетѣли понад бѣли (синѣ, чорни) хмары“. Знов кличе: „Гусю, гусю!“ Гуси: „Ґа—ґа—ґа!“ Тогды, тот, что шкиндять бѣжить с гусьми за вовком. А як имить то шкробать.

Подав уч. Б. Заклиньскій из Зарѣчова.

Народни приповѣдки на мѣсяць фебруар (лютый)

1. На Стрѣтеня стрѣтилася зима с лѣтом.
2. Мѣсяць лютый, звѣдує ци вбутый.
3. О, той лютый остро кутый.
4. В лютôм нераз лѣтом пахне.
5. В зимѣ зубате сонце грѣє.

СОДЕРЖАНЯ:

КНИГОПЕЧАТНЯ „ВИКТОРІЯ“, УЖГОРОД.

Выходить 15. кождого мѣсяця окрôм юлія и августа.
Редактор: Др. ИВ. ПАНЬКЕВИЧ. Предплата Кч 12.— на рôк. Поодиноке число Кч 1.20.
Выдае Школьный оддѣл цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОК, УЖГОРОД, пл. Корятовича ч. 12.

Рôчник III. **Ужгород, 15. марта 1922.** **Число 7.**

ТАРАС ШЕВЧЕНКО:

Чума.

Чума з лопатою ходила
Та гробовища рыла, рыла,
Та трупом, трупом начиняла,
И „Со святыми“ не спѣвала;
Чи городом, чи то селом
Мете собѣ, як помелом.

Весна. Садочки зацвили,
Неначе полотном укрыти,
Росою Божою умыти,
Бѣлѣють. Весело землѣ,
Цвѣте, красуеться цвѣтами,
Садами, темными лугами . . .
А люде бѣдніи в селѣ,
Неначе злякани ягнята,
Позамыкалися у хатах
Тай мруть. По улицях волы
Ревуть голодни; на городѣ
Пасуться конѣ, не выходить
Нѣхто загнать, нагодовать,
Неначе люде тіѣ сплять.
Заснули, добре знать заснули,

Святу недѣленьку забули,
Бо дзвона вже давно не чуть.
Сумують комины без дыму
А за городами, за тыном
Могилы чорнiѣ ростуть.
Пôд хатами помѣж садами
Зашити в шкуру и в смолѣ
Гробокопателѣ в селѣ
Волочать трупы ланцюгами
За царину и засыпають
Без домовины.
Днѣ минають,
Минають мѣсяцѣ. Село
На вѣк замовкло, онѣмѣло
И кропивою поросло.
Гробокопателѣ ходили
Тай тѣ пôд хатами лягли;
Нѣхто не выйшов вранцѣ з хаты,
Щоб их сердешных поховати, —
Пôд хатами и погнили.

Мов оаза в чистôм полѣ
Село зеленѣє,
Нѣхто в него не заходить;
Тôлько вѣтер вѣє
Та розносить жовте листя
По жовтому полю.
Довго оно зеленѣло,
Поки люде з поля
Пожарище не пустили
Та не запалили
Села того зеленого.
Згорѣло зотлѣло
Попôл вѣтром розмахало
И слѣду не стало.

Оттаке то людям горе
Чума выробляла!

Б. НЄМЦОВА:

Про Иванка.

Иванко быв малым хлопчиком и жив у одного оленя с золотыми рогами. Олень ходив на пасло, а всягды, коли одходив, приказовав Иванкови, чтобы заперся и нѣкого не пустив.

Иванко всягды запирав, але довго нѣкто до дверей не стукав. Аж одного дня застукав ктось до дверей, а коли Иванко звѣдовав, кто то, озвалися з вонка мили голосы:

„Иванчику, хлопчику,
Отвори нам хаточку,
Лиш два пальцѣ встромиме,
Мало ся загрѣєме
Тай собѣ геть пойдеме.“

Иванко не хотѣв отворити, а голосы з вонка ще милѣйше просили.

Иванко быв бы им радо отворив, але боявся оленя. И не отворив. Коли прийшов олень, розповѣв єму Иванко, что ктось стукав до дверей, что мили голосы просили, чтобы им отворив, но ôн таки не отворив.

„Добре ты зробив, Иванчику, чтось не отворив; то были лѣсовички. Колиб ты быв отворив, были бы тебе вхопили“ — Иванко быв радый.

Другого дня пôшов олень знов на пашу, а Иванко замкнувся. По короткôм часѣ одозвалися пôд дверима ще милѣйши голосы, як попередного дня:

Иваночку, хлопчику,
Отвори нам хаточку
Лиш два пальцѣ встромиме,
Мало ся загрѣеме
Тай собѣ гет пôйдеме!“

Иванко не отворив, хоть радо быв бы отворив, чтобы попозирати лѣсовички. Тут почали лѣсовички трястися од студени и так плакали, аж Иванкови стало и жалко. Отворив им трохи двери, так что могли два пальцѣ встромити. Дяковали ему лѣсовички и зараз же встромили межи двери два бѣленьки пальчики, потôм цѣлу руку тай шусть и вже были в хатцѣ; — вхопили Иванка и утекли с ним.

Иванко почав тогды кликати:

„За долами, горами,
С золотыми рогами
Де мôй олень пасе!
Иваника, хлопчика,
Лѣсовичка несе!“

Олень пас ся недалеко, почув голос Иванка, прибѣг и одняв его у лѣсовичок. Иванко пообѣцяв, что вже нѣколи не отворить, навѣть, як бы лѣсовички ще милѣйше просили.

Даскôлько днѣв нѣкто не приходив, аж знов одного дня озвалися пôд дверима голосы:

„Иванчику, хлопчику,
Отвори нам хаточку,
Лиш два пальцѣ встромиме,
Мало ся загрѣеме,
Тай собѣ гет пôйдеме!“

Иванко творився, что не чуе, аж як стали од студени дуже трястися и просили, чтобы их пустив лиш трохи огрѣтися — сказав, что их не пустить, бо они бы знов вхопили его. „Не бôйся, не вхопиме тебе, а коли бы и вхопили, то не маеш чого боятися; у нас было бы тобѣ лѣпше, як тут; мав бысь всего подостатком, а мы бы с тобою все бавилися.

Иванко дався намовити и отворив; лѣсовички мигом скочили до хатки, вхопили Иванка и утѣкли с ним. Иванко кликав знов:

„За долами, горами,
С золотыми рогами,
Де мôй олень пасе!
Иваницка, хлопчика,
Лѣсовичка несе!“

Але того разу кликав задар; олень пас ся далеко, не чув єго тай лѣсовички однесли єго аж до дому. Иванчикови было там добре, кормили єго самими лакотками, але лиш прото, чтобы потовстѣв, а потôм хотѣли єго забити. Замкнули єго и нѣ одна ним не бавилася. Коли вже довго у них прожив и много лакоток з'ѣв, прийшли до него лѣсовички, чтобы показав им мѣзинчик, коли показав им мѣзинчик, надрѣзали єго трохи, чтобы побачити ци досить товстый.

Видався им досить товстый, прото роздягнули єго, положили до корытка и несли до печи. Иванко быв в грôзнôм положеню; просив, змилуватися над ним, але они нѣт; тогды почав плакати и кликати:

„За долами, горами,
С золотыми рогами,
Де мôй олень пасе!
Иванчика, хлопчика
Лѣсовичка несе!“

В тôм озвалися скори кроки: прибѣг золоторогій олень, вхопив хлопчика Иванка на роги и погнав с ним до дому. Дома плакав Иванко и пообѣцяв, что все буде послушный и нѣколи вже не отворить лѣсовичкам дверей.

Из ческого переклала: МАРІЙКА ПÔДГОРЯНКА.

Пышный цѣсарь.

Быв на свѣтѣ один цѣсарь, котрый из своим богатством страшно ся любив выхвальовати; и не раз казав таке: „Не есть надо мною богатшого на тôм свѣтѣ, не розкаже ми никто, ани сам Пан Бог“!

Раз так выйшов до своєѣ прекрасноѣ загороды полюбоватися красными квѣтками. Страшно тепло было; подумав собѣ, что пойде купатися, так и зробив. Конець єго загороды текла велика вода. Пôшов там

и зоблѣкся. Платя своє лишив на берегу, а сам скочив у воду. Там купався без жадноѣ журбы, весело.

Як ся купле, прийшов ид берегу один жобрак; зняв из себе своє цундря, взяв на себе цѣсарово, а своє там лишив, с тым тихо пôшов. Цѣсарь, як вернувся о довгій час з воды, хоче ся облечи, але что видить? Его дорогоє платя не єсть там, але мѣсто того цуравоє цундря. Что має робити? Не мôг иншак зробити, узяв на себе такоє, якоє было, бо не мôг нагій пойти нигде. Подумав собѣ, что пойде к найблизшому там бываючому гайникови и розповѣсть му вшитко, як ся с ним стало, буде од него просити даякое лѣпшоє платя, бо так цундравый не може пôйти до своєѣ палаты.

Прийшов ид гайниковому двору, але там на нього псы напали и почали го за ноги кусати. На тот великій гук выйшов и сам гайник и ледво мôг одогнати псы. Цѣсарь почав єму розказовати, як ся с ним стало. Гайник лем головою покрутив и каже: „Ты не єсь мôй пан цѣсарь, я тебя не познаю, а кажу ти, чтобысь гнеть отсѣ одойшов, або тя дам заперти!“

Цѣсарь почав єму всяко казати, что ôн єсть правдивый єго пан, что так а так стало ся с ним, але вшитко дарьмо было, гайник тому нич не вѣровав лем го одогнав.

Нещастный цѣсарь, что мав робити? Пойшов, але до свого двора не може вступити, бо анѣ слуга, анѣ єго панѣ не спознають го.

Мав ôн одного сердечного товариша, тот го певно спознасть як му вшитко нещастя повѣсть. Иде там, але уже здалека псы выскочили и почали го витати як то звычайно жебракôв витають. Слуги выбѣгли и псôв одогнали. Цѣсарь попросив их, чтобы были таки добри, най пошлють пана к нему. Пан выйшов, а цѣсарь му каже: „Дорогій мôй товарише! Як види:: стало ся со мною великоє нещастя Пошов єм ся купати, а там якійсь жобрак взяв моє платя, а своє лишив мѣсто того. Не можу так пойти до свого двору, ибо ня нѣкто не спознасть. Будь такій добрій, дай ми даякоє лѣпшоє платя; я ти за твою доброту заплачу.“

„Ты мôй товариш?“ скричав пан грозно; Ты удурѣв! Мôй товариш пан цѣсарь, лиш правѣ перше быв у мене. Иди од мого двору або тя дам заперти, — почекай злодѣю, повѣм я то свому пану цѣсареви ôн тя дасть поймати, як ты смѣєш в єго имню ходити по свѣтѣ!“

Цѣсарь став злостным, и жаль му было, что го тотѣ не хотять спознати, над котрыми ôн пануе. Знов собѣ инше подумав, пойде просто дому, там панѣ єго направду спознасть.

Прийде к своѣй палатѣ, але Боже милый! Стражник го не хоче на ворота пустити. А як то повѣв, что ôн є цѣсарь, слуга грозно закричав: „Не є то правда, бо єго пан цѣсарь правѣ теперь быв на прогульку пôшов из своєю панею, теперь же по поворотѣ у свѣтлици спочивають.“ Цѣсарь, як тоє учув, из злости только что не ударив стражника. Прийшли єму на думку всяки зли мысли; подумав собѣ, что теперь тот жобрак в єго платю в палатѣ сидить, а ôн мусить так ходити бѣдовати а єще к тому и не хоче го жадный спознати.

Страшно быв розлюченый и розжаленый. Не знав вже что має робити, вже и голод го мучив и трудный быв. Як в тых смутных мыслях довго постояв, прийшло му на голову, что в далекôм лѣсѣ жиє один пустынник, котрый в день и в ночи лем ся молить. Пôйде ôн к нему и повѣсть му вшитки свои горкости и болести. Пустив ся в тую дорогу. Ходив по великих горах, долинах, закля не найшов в однôй бѣднôй яскинѣ пустынника. Прийшов в яскиню. На сперед него выйшов старенькій сивый чоловѣк, то быв пустынник. Сей го дораз спознав, прикликав го в дну, посиловав го сѣсти на один камѣнь, ибо иншакого мѣста не было.

Цѣсарь сѣв собѣ одпочнув и зараз хотѣв почати казати своє нещастя, але пустынник єму то не дав, але казав му, чтобы першій раз высповѣдався а у сповѣди му може вшитко сказати. Цѣсарь клякнув на колѣна, помолився Богу и почав сповѣдатися. В сповѣди повѣв, як ôн раз в загородѣ так и так против Бога хуляв. Дуже тепло было, пошовся купати, а так и так ся с ним стало; теперь же дарьмо ходив к познаємным, дарьмо до своєѣ палаты, нигде никто го не хоче спознати.

Сердечна и жалостна была та єго исповѣдь. По сповѣди пустынник єго поблагословив и с тыми словами пустив єго: „Теперь же с Божою помочею вернися знов тою дорогою кудась ходив. Зайди до вшитких тых, у котрых єсь быв а не хотѣли тя спознати; увидишь что теперь тя спознають. Але кажу ти, чтобысь бôльше напротив Бога не хуляв и держи в умѣ всегда то, что Бог всемогущій и над тобою є бôльшим Паном!“

Цѣсарь по тых словах с слезами в очах пôшов. — Прийде к гайниковому двору, псы на него не брехали; гайник выбѣг, гнить го спознав як своєго пана и цѣсаря, але здивовався, что то єсть, что єго цѣсарь в такôм то цундрявом платю. Як учув, что ся стало, гнить побѣг и принѣс что лем мав найкрасшоє платя и подав цѣсареви.

Сей же облѣкся в тоє платя, пôшов дале до своєго товари а. Той як увидѣв цѣсаря в гайницкôм платю, осмѣхнувся и звѣдовався,

прочто взяв на себе гайникове платя? Цѣсарь и єму вшитко розповѣв. Пан закликав єго до своєѣ найкрасшоѣ комнаты, выбрав му найдорожшоє платя и подав єму. Цѣсарь подяковавши, облѣкся и пôшов дале.

Прийде к своѣй палатѣ, стражник го не хотѣв пустити, але побѣг до комнаты и послушно голосив то цѣсаровôй, что є туй один пан и проситься до палаты, каже, что ôн є цѣсарь. Панѣ не дозволила. Але той цѣсарь, котрый був в дну, позволив, чтобы го пустити.

Стражник пустив вонка стоячого. Убогій цѣсарь, як прийшов в дну, прибѣг ид своѣй пани с тыми словами: „Жоно моя, сердце моє, ты мня не спознаєш?“ Але она скочила и закричала люто: „Что ты хочеш од мене? Ты мôй муж? Видиш, что мой муж пан цѣсарь ту є коло мене, ты не мôй муж!“ Кричала грозно, але задивлена позирала то на одного то на другого. Не могла порозумѣти, як то може быти, что тѣ два паны такѣ суть подобнѣ один к другому и не могла жадну розлуку межи ними найти.

Первый встав горѣ, взяв за руки другого и стали перед панею. Тогды первый каже: „Панѣ наша, тепер собѣ выбери, котрый є истинно твôй муж?“

Панѣ лиш того первого выбрала, котрый був с нею в покою, бо хотяй они были один к другому страшно подобни, але той первый був облеченый в цѣсарску одежу, а той другій нѣт. Каже, что ты ся од мене такоє звѣдаєш? Я не маю крем тебе жадного и не хочу другого лем тебе, ты єсь мôй истинный муж“.

Тогды первый каже: „Панѣ наша! Я не твôй муж; сей є твôй истинный муж, правдивый цѣсарь. Он до теперь був за свои грѣхи покараный.

Хуляв на Бога, убогих не спомогав, був гордым и лукавым, забыв то, что єсть над ним єще и бôльшій пан, Бог небесный. Теперь же ôн свои грѣхи обжаловав, за них тяжко покутовав и теперь же єго грѣхи суть отпущени. Милуйтеся, будьте ласкави всегда, будьте милосердни к своим ближним и за Бога никогда не забывайте. Жийте благо и милостливо“. Як сіи слова сказав, зник им перед очима без слѣду.

Переповѣла: *Елена Фотул*,
захоронниця в Ужгородѣ.

ЗОЛОТИ МЫСЛИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА:

Учѣтеся, браты мои,
Думайте, читайте,
И чужому научайтесь
Свого не встыдайтесь;
Бо кто матѣрь забуває
Того Бог карає,
Чужи люде встыдаються,
В хату не пускають; —
Свои дѣти, мов чужіи, —
И не має злому
На всѣй землѣ безконечнôй
Веселого дому . . .

—

В своѣй хатѣ — своя правда
И сила и воля!

—

Страшно впасти у кайданы
Вмирати в неволѣ;
А ще гôрше — спати, спати,
И спати на волѣ,
И заснути на вѣк-вѣки,
И слѣду не кинуть
Нѣякого! — однаково —
Чи жив, чи загинув . . .

—

И то лихо
Попереду знати,
Що нам в свѣтѣ зострѣнеться.

ВѢРА В БОГА

Мы вѣруєм твоѣй силѣ,
И слову живому:
Встане правда, встане воля
И тобѣ одному
Поклоняться всѣ языки
Во вѣки и вѣки.

Дурни люде.

Было, где не было, за сѣмдесятьсемою державою, где маленькое куртохвостое поросятко рыло — было одно село. Но дѣточки, я вже дуже много держав иереходив, но еще такого села не видѣв. Один-два люде были розумни, а други всѣ дурни. Межи сими дурными людьми у одного быв один розумный хлопець. Задарьмо быв ôн розумный, дурну дѣвочку взяв за жону. То правда, что в селѣ не находилася нѣ одна розумна дѣвочка, бо каждый знав, что все село дурное.

Жили они, жили, час ишов за часом. Раз лиш каже стара своѣй донцѣ:

— Иди, дѣвочко, иди в хлѣв, здôй корову.

Выйшла донька, сяде пôд корову, доить, доить, молоко тече в скопець. Раз лиш одна цятка на землю цяпнула.

— Йой! Йой Боже мôй, Боже мôй — плаче донька, что будуть казати в селѣ, если дознаються, что одна цятка молока не в скопець, но на землю впала. А если дознаеся муж! О якій смѣх! О якій великій смѣх!

Падали слезы як дождь, потôм впала на колѣнки коло коровы руки ламлючи а так молить коровку:

— Коровко моя, коровко люба, дорога коровко, никому не кажи, что из молока одна цятка пала на землю, бо великим смѣхом стануся в селѣ!

Корова и не слухае на такое, токмо стоить спокойно на однôм мѣстѣ и глупо дивиться на доньку.

Пôд сим часом не могла порозумѣти старушка, прочто так задовго осталася донька в хлѣвѣ, пôшла и она в хлѣв. А донька все колѣнкуе и просить корову:

— Коровко моя, коровко! солодка коровко, не кажи никому, что ся стало.

— Что ся стало такое душко? — звѣдае старушка.

— О мамко моя, мамко! и не звѣдайте. Одна цятка молока цяпнула на землю. Загубить мя ганьба, як люде дознаються.

Напудилася и старушка. И она приклякнула коло коровы, руки сключила и так просила корову: не выкажи сiю велику ганьбу, что ся стало с донькою.

Пôд сим часом прийшов до дому и старик, глядае жону, глядае доньку, и сына: и одного не найшов в хатѣ. Глядав на дворѣ, и там не найшов. — Може быти, что в хлѣвѣ суть, думав старик и пôшов в хлѣв.

Там колѣнковали двѣ жоны плачучи и просячи корову.

— А с вами что ся стало?

Кажуть что.

— Но сьому и половка не фигля, — каже старик, и ôн упав на колѣнки, руки сключив и просив корову, чтобы не выповѣла тую велику ганьбу дакому, что ся стало с донькою.

Прийшов до дому и молодый господарь. Глядає жону, матерь и отця, не може их найти нигде. Думав собѣ, что дагде отышли.

Коло вечера зайшов в хлѣв подивитися на корову. А там найшов свою жону, матерь и отця. Там колѣнковали всѣ троє, плачучи так, что чудо великоє, что стайня не розпалася.

— За что вы так плачете? — звѣдав молодый господарь.

Кажуть, за что.

— Гей, много дурных єсть в сѣм селѣ — каже молодый господарь, — айбо не вѣрую, чтобы ще таких трьох дурных можно найти в селѣ. Завтра похожу в село, а єсли найду таких трьох дурных навернуся, а єсли нѣт, тогды дойду так, что бôльше не ввидить мя.

Так и сталося, як сказав. Другій день иде улицею, видить сперед однѣ хижи 5 людей напинаючися. Одну довгу геренду хотѣли занести в комнату перекрестно. Правда, что таким способом не могли занести геренду в комнату.

— Перерубайме на двоє, — радив один.

— Но менѣ так довгу треба, як теперь — каже властитель геренды.

— Но, єсли так треба — каже другій — выбийме стѣну с двох сторон коло дверей, так стане.

Сейчас напали на стѣну, били сокирами. Пôд сим часом прибыв до них молодый господарь и дивуєся.

— А вы что робите? — звѣдав их.

— Гей велика бѣда єсть туй брате. Смотри, хочеме занести сесю геренду и не стає на двери.

— Боже! Боже! что вы дурнѣ. Имѣть геренду повдовж зараз стане.

Попозирали на ся дурни и чудовалися, як то може быти.

— Так єсть, правду має.

Имили геренду повдовж и занесли.

— Но — каже молодый господарь сам до себе, вже найшов єм 5 таких дурных, як домашни, но зато иду дале, може найду и бôльше.

Иде, иде, выйде на поле, а там увидѣв одного чоловѣка жати пшеницю. Раз лиш надыйде на пшеницю один вôл, ходив горѣ долу по пшеници, ѣв и толочив.

Гей напудився господарь. Та сей вôл теперь помѣсить єго дорогу

пшеницю. Зачав думати что єму робити. Недалеко от него 15 людей жало. Прикликав их, чтобы были єму на помочи вывести вола из пшеницѣ.

Зойшлися сусѣдове и почали розсуджати, один одно, другій другоє радив, а на послѣд досудили, что из села принесуть один великій мотуз, повяжуть лабы волови и так вытягнуть из пшеницѣ.

Зараз и побѣх один из людей в село, прибѣг с мотузом, перевернули вола и начали вязати.

Молодый господарь дивився из пути, что роблять дурни, потом приблизився к ним и ôн.

— Дурни Вы! Подайте сюда мотуз.

— Что хочеш с ним? — звѣдали.

— То вы не звѣдайте, что хочу, зараз проукажу

С тым имив мотуз, красно завязав волови на роги и красно вывѣв вола из пшеницѣ за собою.

— Но видите — каже один другому — а сесе нам не прийшло в розум.

— Гей, что ты розумный брате, найти Бог подержить розум на довгій час.

Посему не ишов дальше молодый господарь. Найшов доста — каже — дурных людей подобных до домашних не троє, но дватцятеро.

— Сесѣ ще дурнѣйши, каже сам о собѣ. Вже лиш пойду до дому с ними живу, терплю, доколи Бог позволить.

Як сказав так и зробив.

— — — — — — — — — — — — — — — —

Из уст народа подав: **Дмитрій Анталовскій**, уч. в Горондѣ.

ТАРАС ШЕВЧЕНКО:

КАЛИНА.

Не сон трава на могилѣ
В ночи процвѣтає,
То дѣвчина заручена
Калину сажає,
И слезами поливає
И Господа просить,
Щоб послав ôн дощи в ночи
И дробниѣ росы.

Щоб калина принялася
Розпустила вѣти, —
Може пташкою прилине*)
Милый з того свѣта.
„Зовю ему кубелечко**)
И сама полину,
И будемо щебетати
З милым на калинѣ.
Будем Бога выхваляти
Тихо розмовляти
Будем в купочцѣ у ранцѣ
На той свѣт лѣтати.“

И калина принялася
Вѣти розпустила,
И три лѣта на могилу
Дѣвчина ходила.
На четверте не сон — трава
В ночи процвѣтає,
То дѣвчина з калиною
Плаче розмовляє;
Широкая, высокая
Калино моя,
Не водою до схôд сонця
Поливаная!
Широкіѣ сльозы рѣки
Тебе полили
Их славою лукавою
Люде понесли.
Зневажають подруженьки
Подругу свою
Зневажають червоную
Калину мою.
Калиночка червоная
Свѣте мôй ясный
Повий мою головоньку
Росою умый,
И вѣтами широкими

*) прилине — прилетить
**) кубелечко — гнѣздо.

Од сонця закрый!
В ранцѣ найдуть мене люде,
Мене осмѣють,
Широкіѣ твои вѣти
Дѣти оборвуть.

В ранцѣ рано на калинѣ
Пташка щебетала,
Пôд калиною дѣвчина
Спала не вствала.
Натомилась молодая,
На вѣки спочила . . .
Не сон трава перед свѣтом
Одцвѣла, завяла,
То дѣвчина на могилѣ
Плакать перестала,
Перестала сльозы лити
И тяжко любити,
На вѣк-вѣки на могилѣ
Сльозами умыта.

Вѣсти из житя дѣтей.

—

Масарикове свято в горожаньскôй школѣ в Ужгородѣ.

Старанем дирекціѣ руськоѣ горожаньскоѣ дер. школы в Ужгородѣ одбывся дня 7. марта 1922. рока о год. 5. п. п. в салѣ керамичноѣ школы з нагоды 72-гих уродин президента ческословенскоѣ республики Томаша Г. Масарика торжественный концерт из слѣдуючою програмою:

1.) Привѣт: М. Григашій, директор школы.
2.) Верховино свѣтку, ты наш:—мѣшаный хор.
3.) В. Пачовскій: Скарб руськоѣ землѣ.
декл. Розалія Гольдштайн, уч. III. класы.
4.) Л. Штреаббог: Qiseaux de paradis: Солью на клявирѣ: В. Шехтер, ученик I. кл.
5.) Реве та стогне Днѣпр широкій: мѣшаный хор.
6.) Ал. Павлович: Могила под Бардіовом, декл: Михайло Гірц, ученик III. кл.

7.) Г. Бизет: Кармен: Сольо скрипкове, одограв: Александр Блюм, ученик IV. кл.

8.) Изидор Воробкевич: То наши люби высоки Карпаты, декл.: Гани Вайс, ученик IV. кл.

9.) Бетовен: Menuett., Батор: Danse de magicienne: Сольо на клявѣрѣ: Магда Гамош, ученик I. кл.

10.) Пôшли женцѣ жито жати: Сольо в супроводѣ мѣшаного хору: Василь Генцій, уч. IV. кл.

11.) Славянськи гимны: мѣшаный хор.

Всѣ народы Чесословенскоѣ республики величаво и торжественно святкували 72-ги роковины уродин нашого президента Томаша Г. Масарика. Но не менше торжественно в тôм дни обходила то свято гор. дер. школа. Директор Михайло Григашій выголосив промову, в котрôй заявив, что в той празник и ôн зо своим учительством и учениками пересылаѥ нашому дорогому президентови щирый привѣт и кличе щирым руським серцем: Най жиѥ наш президент Масарик на многія и благія лѣта для добра всѣх народôв Чесословенскоѣ Республики и нашоѣ краины Подкарпатскоѣ Руси.

Концерт удався прекрасно, а всѣ участники дали доказ великоѣ пошаны нашого президента.

На концертѣ появилася представники найвысших урядôв Подкарпатскоѣ Руси, а именно: Вицегубернатор Др. Петро Еренфельд, школьный инспектор Подк. Руси Іосиф Пешек., директор гр. кат. сем. учит. Авг. Волошин, инспектор гор. школ Подк. Руси Кароль Дрож, полковник Гатовинській, Др. Мих. Бращайко, Стаційна команда поручник Мудрицкій, директор кер. школы Шпаля и друга руська, чеська и мадярска интелигннція. Саля керамичноѣ школа была заповнена. Всѣ точки концерту выконани были старанно и похвально. Диригентом быв п. Михайло Виняр. Аранжерами на салѣ были: п. Алекс. Бляѥр, Мих. Грицов и Нандор Ремеш, а при касѣ: Михайлина Долинай з Лавецких и Меланія Фотул.

Треба пôднести и признати також и заслуги и працю панѣ Григашійовоѣ, жены директора, котра пристроила и прикрасила на сценѣ портрет п. Президента.

Чистого доходку из концерта было 937 Кч., котру то суму вложено до банку, як помочный фонд школы. *В.*

Дѣточа забава в Жуковѣ.

Дня 19-го януара на Богоявленіе 1922. года была по вечерни в Жуковѣ латоричанского округа Бережанскоѣ жупы, театральна выстава для дѣтей: „Святый отець

Николай в гостинѣ на Подкарпатской Руси.“ Забаву робили каждодневни и повторительни дѣти, а выучив их Іоан Сидор, церковный пѣвцо-учитель. Бавилися дѣти в церковнôй школѣ с великим и прекрасным успѣхом, понеже забава соключена была с школьными и народными спѣванками. Для Николая шилы и другу одежу, также для ангеликôв и чортика приготовляла учителева сопруга Паула Скиба. Чортик робив шеляки смѣшни рѣчи на потѣху дѣтей и народа. Ангелики натурально были облечени и свою науку прекрасно преподавали. Василько и Марька дуже прекрасно сказали свою часть, Марька деклемовала верш „Куп ми мамко книжку“ и спѣвала спѣванку „Руська земля наша мати“. На преставленю явилися сельскѣ обывателѣ в большôм числѣ и священник Андрей Дудинскій с супругою и вшитким своим семейством. Забава починалася гимном „Подкарпатскіи Русины“ кончилася: „Я Русин был“.

Понеже соключени школни и народни спѣвы народу и священнику дуже ся любили, священник Анурей Дудиньскій гратуловав мѣстному учителю за великій успѣх и побуджав, чтобы и на дальше занимався просвѣщенем нашого народа, на что селяне радостно заспѣвали „многая лѣта“.

Преставленя играли таки ученики:

1.) Василько—Василь Панько.
2.) I. Ангел—Анца Гогна.
3.) II. Ангел—Оленна Белла.
4.) Ангел Хоронитель—Гафа Деркач.
5.) Ангел с звоночком—Маря Чорнак.
6.) Ангел с трубкою—Евгеній Сидор
7.) Николай—Андрей Белла.
8.) Марья—Анца Смочко.
9.) Чорт—Митер Якубич.
10.) Стефенко—Иван Бѣлый.

НАРОДНИ ПРИПОВѢДКИ НА МѢСЯЦЬ МАРТ.

1. Ще покаже марець, что замерзне старець.
2. Кто в мартѣ сѣяти не ѕачинає, той про своє добро запоминає.
3. Март не выйшов з пущеня, а березень з паски.
4. У великôм постѣ не ходи в гостѣ.
5. При постѣ добре збути гостѣ.
6. У бѣдного что день пôст.

СОДЕРЖАНЯ:

Книгопечатня „Викторія“ Ужгород.

ВѢНОЧОК ДЛЯ ПОДКАРПАТСКИХ ДѢТОЧОК.

Выходить 15. кождого мѣсяця окрôм юлія и августа.
Редактор: Др. ИВ. ПАНЬКЕВИЧ. Предплата Кч 12.— на рôк. Поодиноке число Кч 1.20.
Выдае Шкôльный оддѣл цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОК, УЖГОРОД, пл. Корятовича ч. 12.

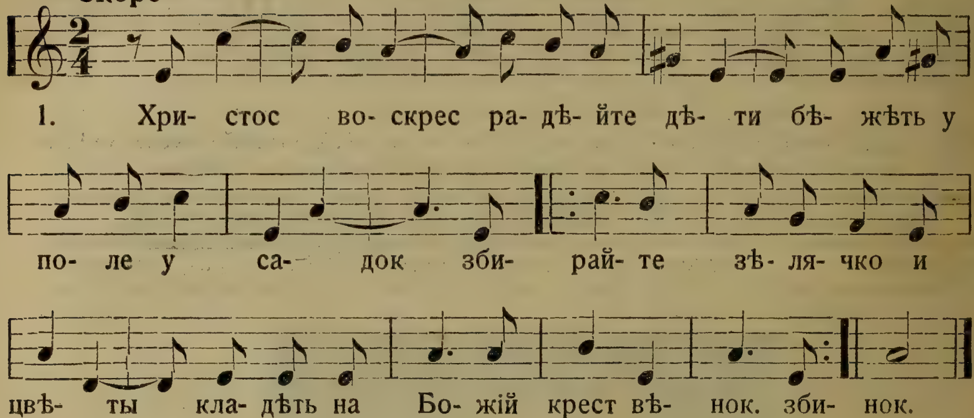
Рôчник III. Ужгород, 15. апрѣля (березня) 1922. Число 8.

Христос воскресе!

Слова Леонида Глѣбова
Муз. Стефана Чайковского.

Христос воскрес!

2. Нехай бренять и пахнуть цвѣты
Нехай почуе Божій рай,
Як на землѣ радѣють дѣти
И звеселяють родный край.

3. На нас погляне Божа Маты
Радѣючи з святых небес . . .
Збирайтесь дѣти но-ж спѣвати
Христос воскрес! Христос воскрес!

Соловій и его кум.

(Народня казка.)

Колись давно соловій мав лиш голову. Раз ишов ôн на храм тай журився, что не буде мочи нѣчо ѣсти, бо не мае тулуба. Але по дорозѣ здыбав свого кума Клѣща тай каже: „Куме Клѣщу! Позыч менѣ ту-

луба. По празднику оддам тобѣ его!“ — А тулуб подобався ему дуже и ôн вернув з храму иншою дорогою, чтобы не здыбатися с Клѣщем. Клѣщ чекав, чекав и не мôг дочекатися. Пôшов отже до соловія тай просить:

„Ей куме соловію! Оддай менѣ тулуб!“

А соловій закричав на него: „Ци я налазив за тулубом до твоеѣ хаты? Сам добровольно дав ты его менѣ. Не оддам, хиба одберeш силою.“

„Силою одобрати не можу, але прийду в ночи и выкраду“, каже Клѣщ.

Не такій я дурный, як ты мудрый! — каже соловій.

Я тулуб припну нôжками до голузя, а як ты прийдеш, то не одорвеш!“

Але в ночи прийшов таки Клѣщ и хотѣв одорвати тулуб. Соловій прокинувся и перепудженый почав кричати:

Кум Клѣщ — Кум Клѣщ,
Бийте, бийте,
Кум Клѣщ — Кум Клѣщ!
Цьвігу, цьвігу, цьвігу.
Ловѣть, ловѣть, ловѣть!
Потоком, потоком, потоком,
Забѣгай, забѣгай, забѣгай,
Одти, одти, одти, одти
Туда, туда, туда, туда,
За ним, за ним, за ним, за ним,
О!

Од того часу соловій не спить вже ночами, а спѣвае, а бѣдный Клѣщ ходить без тулуба.

Скарб царя гороха.

(Из пѣснѣ шестоѣ „ЛИС МИКИТА“ ИВАНА ФРАНКА.)

Царь Лев послав еще раз борсука Бабая за Лисом Микитою, абы той ставився перед суд. Бабай привѣв его. Царь Лев дав его судити перед трибуналом, в котрôм засѣдали стари Цапы и Ослы. Присудили

го повѣсити на галузцѣ. Коли привели Лиса Микиту пôд дерево, просився ôн еще дозволити ему сказати пару слôв, абы мôг всѣм сказати свои грѣхи а с тым и грѣхи своих товаришôв.

Скинувши не одну вину на Медведя и Вовка, сказав, что через них быв бы и згинув, коли бы не скарб царя Гороха, котрый мав стати причиною згубы царя Льва. Царь Лев учивши се, приказав сей час Лисови Микитѣ оповѣсти про сей скарб.

Слухайте-ж, як Лис Микита
Цупко, якбы кôнь з копита,
На брехню пустився й лесть!
Щоб лиш на гилѣ не згинуть,
Не задумавсь камѣнь кинуть
И на батька свого честь.

„Царю и весь честный зборе!
Превелике, люте горе
По заслузѣ бє мене!
За злодѣйство дам я душу,
Та одно злодѣйство мушу
Розказати вам страшне.

Кôльканадцять лѣт вже тому,
Як мôй батько — де, в якому
Мѣсцѣ, кто се зна? — напав
Славный скарб царя Гороха.
Та добра ему нѣ троха
Скарб той клятый не придбав.

Батько мôй був горда штука.
Финансовая наука
Був его любимый фах.
Льстив царю, мѣняв все фарбу,
Щоб лиш стать министом скарбу,
Ôн на се острився страх.

Та ты, царю, хитрость скрыту
Проглядѣв, прогнав Микиту,
А министром став пан Рись.
И пôшов мôй батько в пущу
И понѣс ôн думу злющу —
Одомстить тобѣ колись

В пущи скарб знайшов заклятый,
И почав ôн мѣрковати,
Щоб великiй бунт пôднять,
Щоб паря зопхнути з трону
Славну-ж царскую корону
Щоб Медведеви оддать.

Спôлку ôн зобрав велику.
З листом шле Кота Мурлику
До Бурмила: так и так.
Льва мы хочем скинуть з трону;
А як ты его корону
Хочеш взять, пришли нам знак.

Ну, на вѣсть таку Бурмило,
Якбы що его вжалило,
Схоповся и сам прибѣг.
„Братя, — каже — я все з вами!
Або ляжем головами,
Або Льва завяжем в мѣх!“

Батько мôй и Кôт Мурлика,
Вовк, Бурмило и велика
Их родня, усѣ зойшлись,
И на бунт, на чорну зраду,
Братовбiйчу, люту зраду
Всѣ врочисто сприсяглись.

Из околиць чужоземных
За горохôв скарб наємных
Мали войск навербувать.
Я пôдслухав всю их змову
Про страшну еѣ основу
Став я пильно мѣркувать.

Я Бурмила хитру злобу
Добре знав, єго основу
Непочестну и смѣшну
Став ровнять с тобою, пане,
И кажу: „Сей опуд стане
Нам царем? Ну, батьку, ну!“

Знав ты скарб знайти великiй,
Та бѣда, коли владики
Лѣпшого знайти не вмѣв!
Де Бурмило — пан народа,
Там пропала честь, свобода,
Голос правды занѣмѣв.

И неначе голос з неба
Звав до мене: треба, треба
Завязати зрадѣ рот!
Хоть той зрадник — батько твôй,
При царю ты вѣрно стôй!
Будь, Микито, Патрiот!

„Так розмѣркувавши гладко,
Дожидався, аж мôй батько,
Як була умова знай,
Там у зрадникôв тых темных,
На вербунок войск наємных
Рушить у сусѣдный гай.

Вже давнѣйше, в переднôвку
Выслѣдив я ту крыивку,
Де мôй батько скарб сховав;
Нуж теперь безпроволочно
Выносили денно й ночно!
Все дочиста я забрав.

„Невеликiй час минає,
Аж мôй батько повертає:
Вже готово войско жде!
Лиш вербунок заплатити,
Генералôв назначити
Хоть в огонь оно пôйде!

Не витав родню, домôвку.
Батько мôй, лиш у крыивку
Просто шасть — и обомлѣв!
Препуста — пуста печера,
Что була ще повна вчера!
Скарб увесь мов кто замѣв.

Що ôн бѣга, шкребе, нюха, —
Скарбу нѣ слѣду, нѣ духа!
Тут старый ума лишився!
Заскомлѣв, немов на зубы,
Далѣ шнур знайшовши грубый,
На гиляцѣ задушивсь.

А Несытый и Бурмило
Зрозумѣвши, що постигло
Батька мого, подались:
Страх лояльни поробились,
И служить тобѣ пустились, —
Зрадником остав сам Лис.

„Днесь они пôдпоры трону!
Я ж, що спас царя й корону,
Батька свого погубив, —
Пôд гилякою тут стою
И смерть бачу над собою.
Ну повѣсьте! Я скôнчив:“

Так то Лис в брехнѣ був смѣлый!
Всѣ присутни остовпѣли,
А сам Лев аж затремтѣв.
„От оно що тутка скрыто!
Дякую тобѣ, Микито!
А . . . той скарб . . . ты де подѣв?

„На высокôй Чорногорѣ,
Де Черемош воды скори
По камѣню в низ жене,
У Говерлѣ просто серця
Коло третого реберця
Є леговище скальне.

„Там лежить той скарб неткнутый. . .
Царю, твôй ôн мусить бути,
Я тобѣ єго зберѣг!
Жалко тôлько, что никому
Не сказав я стежки д нюму,
Щоб по моѣй смерти мôг . . .

Лев не дав єму скôнчити.
„Хто тут смѣє говорити
Ще про смерть якуюсь днесь.
Царске право є прощати.
Зараз з нього шнур той зняти!
Мы касуєм весь процес!»

Бôльше маєш ты заслуги
Мѣж звѣрями, нѣж кто другій!
А грѣхи тѣ, що за них
Мав ты высѣть, правду рекши
Всѣ не варти торбы сѣчки
Супроти заслуг цѣнных.

„Только слухай: в добру пору
Ты зо мною в Чорногору
Завтра рушити скоро свѣт;
Лиш я сам до того льоха,
Де є скарб царя Гороха,
Буду знати тайный хôд.“

„Царю, — Лис сказав маркотный, —
З радоѣ души охотный
Я з тобою йти в ту путь.
Та в предсмертну я годину
Шлюбував, коли не згину
За грѣхи покуту збуть.

„Пѣшки до Пелопонезу,
Потом аж до Херсонезу
Шлюбовався я пôйти.
Як поверну, ясный пане,
Скарб од разу весь твôй стане,
Найбогатшим будеш ты!“

„Щож – Лев мовив, — рѣч побожна!
Шлюбовав — ломать не можна, —
Тож иди й здоровый будь!‘

ГНАТ ХОТКЕВИЧ:

Великдень на Гуцулах.

От и Великдень! Великій день.

Минула цвѣтна недѣля. Нахлостовали гуцулки свою ѣмостечку по плечах прутєм, приговорюючи шепеляво, як до дѣтины: „Не а бю, бечка бє, од нынѣ за тыждень Великдень“.

А легинѣ с дѣвками так хльоскалися по-пôд церквою, что кожухи трѣскали. Не одна тай не один пôшли д' хатѣ с доброю смугою через лице.

Минула и живна середа. Кокуцарѣ бѣгали с галасом та реготом селом, ставали в ряд пôд хатами и кричали что-духу:

Грѣйте дѣда — дайте хлѣба!
Грѣйте дѣда — дайте хлѣба!
Грѣйте дѣда — дайте хлѣба!
Абы вам овечки!
Абы вам ячнички!
Абы вам телички!

А газды выносили кокуцы та обдаровали дѣтву.

Село принаряджовалося, приоздоблювалося, газды опоряджовали свои осередки назверхи: вывовили гнôй з подвôря, обкутовали маржину, чистили кошары, назношовали сѣна та нарубльовали дров на цѣли святки, бо як бы рубав дрова пôдчас свят, то бы птаха кукурудзы рубала.

А газдынѣ давали лад в серединѣ хатѣ; мыли столы, лавицѣ, ослоны, мастили припѣчки, опецки, очѣчковали образы зѣлєм, писанками та голубцями. Робили „дѣдôв“, звязуючи кукурузяни шульки у гушму хвостами та ровненько в низу обтинаючи чивки, потôм поплѣвши кôски, завѣшовали на „бегариках“.

Мывся посуд у шафцѣ*) та в намиснику, усѣ тотѣ мыски, глеки, черкасы, боклаги, горщата, пугарѣ, блєховки, колачи, что так выгодно виснуть на руцѣ, абы мож и наливати и выпивати. А газда и собѣ прикрашує стѣну: вычистив топорцѣ, тобôвки старосвѣцки бляховани, порошницѣ, гарапники и яки касши дзьобнѣ; дав порядок отым кресам, пушкам, та пѣстолєтам, бо будуть у роботѣ через цѣли святки, а поки что — мають хату закрасити: повѣсив ряд конячій на клинках, тарницѣ с стременами, абы кожде видѣло, ож не без шкапяти ся жиє.

А газдыня вже вчиняє паску, маже рѣдким тѣстом хресты на стѣнах, сволоках, одвôрках, оконницях. Мѣсить тѣсто с побожными думками, стараючися гнати од себе всяку злость и нечисть. А як пора уже ставити паску у печ, выходить газда з хаты — не пускати нѣкого входити, бо бы врѣк.

Ще хвилька — и чути то там, то там высрѣлы селом: то газда, заглянувши з надворя у окно, видить, что вже суне жôнка паску у печ и бавкає тогды з пѣстоля. А газдыня любо приговорює до паски и просить: „Якась лѣзеш у печ ладна та гладонька, така обысь и вылѣзла“ . . .

*

Наступила трѣвожна хвиля — вытягати паски. З битєм серця

*) малôй скринѣ.

вытягали жônки в сю хвилю паски по цѣлôм христіяньскôм свѣтѣ; ворожили на паску не сами гуцулки — отже Анницѣ вже сам Бог простив.

Перехрестившися моого раз, посягла Анниця у печ и тремтючими руками вытягла першу паску.

Все, что было живого у хатѣ, навѣть и кôтка — сунуло до припечка. А на нѣм красовалася пышна, пухка перша паска. Перша паска!

Ой дяковать же Богонькови святенькому, что ми так погодив! — и хрестила ся и тѣпалося серце од радости.

Є что показати на столѣ, є чим перед людьми похвалитися, є про что говорити цѣлый тыждень. Уже заранѣ уявляла собѣ Анниця вдокійцине лице — як она увôйде у хату и насамперед зиркне на паску.

— Ой у тебе, Анничько, паска нѣвроку. А у мене щось сего лѣта не теє.

А у неѣ так что-гôд. Бо одно не умѣє, а друге нехарна а коло того треба охайности. . .

Повитягали менши паски, повитягала перепѣчки. Трошка потревожилася была, як тягла паскевник: наткано в нѣм глухим концем яєць тôлько, кôлько є душ у хатѣ. Та котре яйце трѣсне — та душа має вмирати сего року.

На щастя, усе было цѣле. Не знала вже Анниця, як того Бога и назвати, что быв такій добрый тай стôлько добра наворожив. И сама была така добра, что сорочку бы попросив — и оддала бы. Навѣть Штефан, завсе суворый и мовчазливый, мов посвѣтлѣйшав и задоволеный сидѣв на лавѣ. Хотѣв курити, але жôнка не звелѣла: каже, что не вольно.

Пôшла вынесла паскевник з коморы. Е-то не простый паскевник быв! Брат Анничин таке вдасть, як схоче! А над сим сидѣв быв чтось мѣсяцѣв чотыри — але бож и выробив! Хоч бы королѣвна сама несла паску до церкви у нѣм, то бы ся не повстыдала! То вже и быв выцвякованый та пацьорками повыбиваный мудро тай ще раз мудро. Давали барана Анницѣ за сесь паскевник, але де!

Теперь почала єго опоряджати. На сам спôд поклала хлѣба, худобенноѣ паски, сыра букату, ковбасу, ракву с маслом, солонину, яйця, а межи ними сире одно — бо то проти згаги добре. Флашу с тою водою, что ся варили — од неѣ помагає; з боку наткала хрѣну с косицями, часнику и всього-всього что треба.

А упорядивши паскевник, поклала єго в одно усе бесаг а в друге — першу паску, перепѣчки, свѣчки, куски солонины, будженцѣ. Штефан важив тото на руцѣ, довго похитуючи, Анниця запытливо дивилася.

Штось сесе переважує, треба чтось докласти.

Анниця докладала, а Штефан знов важив на руцѣ.

Нарештѣ бесаги выважени, завѣшени на кôлку, хата опоряджена, все готове. Лягають спати. Там того спаня буде — от, абы очима клѣпнути. Як у верхах сидять газды, то май о пôвночи встають, бо доки ся умыти, доки ся прибрати, доки газдыня дѣвкам волося опорядить то вже и час до церкви.

А церковця — уже чистенька, уже прибрана прикрашена: паламарь из своєю челядею сами любуються теперь своєю роботою.

Днина обѣцяла быти файною. Добрым свѣтлом розсыпалося сонце по яснôй зеленѣ трав, грало на свѣжных пупонках смерек; де не де вже й дерева были в листочках, тихо стояли горы, мов говорючи: „Выдѣли мы выдѣли . . . выдѣли не раз . . . Щей не те мы выдѣли. Ого“. . .

Вже починала з'ѣздитися гуцулія. По всѣх плаях и плаичках зачервонѣлися сардаки, хустки, мов по величезнôм, зеленôм муряшковиню порозповзалися черлени комашки. И облича у всѣх радостни, весели, кричать усѣ дзвонко та голосно, цѣлуються моцно зо смаком. Аж нема де коням ставати коло церкви — тôлько их напряталося.

Паламарь навив цѣлый оберемок витиць и теперь продає; люде купують, лѣплять на паскевники, обдѣлюються всѣ взаимно дорою*) з приговорками и желанями всего найкрасшого, цѣлуючи одно другого по руках.

А церква вже гуде. З „пініем“ вывалилася вся гуцулія за попом на майдан. Несуть „святость“, а о. Василь вѣшкою кропить паски. И лиш крапля воды свяченоѣ долетить до паски — бухає гуцул з пѣстоля. То знак дає домашним, что вже ади нашу посвятив. А домашни мають пôзнавати гук; то наше пѣстоля, то „дядя“ стрѣляють. . .

А як лиш посвятилася паска, борзенько збирає газда у бесаги все своє добро, сѣдає на коня и — гонить! Гонить на увесь дух кôньскій, кôлько ноги затягають. Ого! Тут вже покаже гуцул, якій єго кôнь.

Так и теперь. . . Ще половины не посвятив о. Василь, а вже всѣ стежки и дôрожки засѣялися летючими гордыми постатями гуцулôв. Кождый летѣв, як мôг. Богачи, мов царѣ, скакали на сытых своих конях что духу, один наперед другого. Той жене, а тот май ще лѣпше! Бѣдный прихилиться до шкапяти и сѣє собѣ дробным маком.

Маруся стояла на узгôрю и у неѣ аж дух захоплювало. Першій раз в житю видѣла она таку картину.

Але найцѣкавѣйше было ще на передѣ: се два богачи добри сусѣды женуть кôньми домôв.

---

*) дора = проскура.

И что року, як сусѣды ставлять они паски рядом, разом их пôп святить, разом завязують у бесаги, разом сѣдають на коней — и от тут вже починаєся.

И хоть усѣ занятi кождый собою, але в ту хвилину, коли тихим кроком выѣздять Харук с Якубяком — все зупиняється и завмирає. Заповняють цминтар, лѣзуть на воринє*), на вербы и то не хлопчища але газды; дерево ломиться, все, що йде-ѣде дорогою, стає осторонь — то значить Харук с Якубяком женуть! Але як! . . Очи рогом у коней лѣзуть, нѣм они сесь кавальчик до бера**) перелетять.

От и теперь. . . Не спѣшучися, по газдовски завязують у хустки богачи свою святость — але моц-но! Бо зараз не буде вже часу дивитися за паскою. А як бы згубив — ого! Смѣху было бы на цѣле село — та де! На цѣли горы!

Завязали. Перекинулися словом — двома — от так, про что будь. Вôдтак приклякнув кождый, повагом, не кваплючися.

Идуть. . . Зводять коней на дорогу, бо церква по високу. Один другого гречно вперед пропускає.

От уже на дорозѣ. . . Подали один одному руки.

В останне поглядають кождый по своим „рядѣ“, ци все в порядку, ци не сповзне тарниця, ци не станеться прички якоѣ. А потôм — мов бы сила неземна пôдкидає их обоє — вскакують на сѣдла один с другим. Рвонули конѣ! Камѣня, болото брызнули из пôд копит. По товпѣ мороз пробѣг. Гейкають, присѣдають, кричать чтось незрозумѣле для самых себе.

А богачи вже далеко. Вросли в сѣдла, пруть не розбираючи, ци є кто на дорозѣ ци нема: не встиг утекти — сам винен. Зубы им затиснути, руки — аж закляли на уздах. Летять — мов чорты од воды свяченоѣ.

А люде пôд церквою задивилися на них, живучи враз с ними.

Е-е-е-е-е голосить якійсь гуцулик, себе не памятаючи. От стоить собѣ у лисôй киптаринѣ, убогу свою пасчину тримає пôд пахов; може з роду и не бачив коня на своѣм подвôрю — а горить, усе забыв, нѣчого не бачить. Настоптав дѣтинѣ ногу, здусили, змняцкали єму паску локтями а ôн лѣзе комусь на шию, вытягаєся увесь.

Ой не дайся, не дайся, не дайся — и разôв з двайцять выкрикує „не дайся.“

— Ой братчику Васи! . . . Ой братчику Васи! . . .

---

*) плоты.

**) бер = малый мосток.

— Агай на тебе! Таббый коня, ббий! И се „ббый“ вымовляється с таким притиском, як бы там сто „б“ стояло.

От уже на закутѣ конѣ . . . От уже може яких пятьдесять до шѣстьдесять кроков до „бера“. А люде забыли про церкву, забыли весь свѣт. То что! Сам пан отець забыв про решту пасок та таки застиг с кропилом в руцѣ.

И шарпнулися, кто мôг высше д горѣ — чтоб виднѣйше. И видять, что лупцює, лупцює коня Якубюк, але де!. . . Скок за скоком, поволи, але твердо, невинно, с залѣзною силою выпирає Харук своим конем дорогу. От уже його терьх коло головы якубюкового коня, от уже фôст . . . От уже ôн коло „бера“, але не може повернути — лиш раптом, пôдскочивши высоко та трѣпнувши обома руками, кричить дико в торжествѣ — дає всѣм, всьому селу, всѣм горам знати, что — ôн випередив у сѣм роцѣ! Не дурно кохав коня, выпасаючи його на лѣпших травах, не даючи важкоѣ роботы. Будуть сусѣды приходити, дивоватися, чудоватися.

Заревла, загомонѣла товпа. Довго ще не могли отямитися гуцулы та кричали, доказуючи чтось один другому.

Вже одспѣвав пôп молитвы, вже дяк поодбирав до коша, что належне и пôшли они до церкви, а гицулія все ще непокоилася, мов с хвильоване море, выгукуючи, розмахуючи руками.

И мов зачарована стояла Маруся и дивилася. Ци то сон ѣй сниться, ци то казку лицарску ктось оповѣдає? Але се быв не сон и не казка — лиш гуцульскій Великдень.

ОСИП МАКОВЕИ:

Сон.

Тихій сон по горах ходить,
За рученьку щастя водить.

И шумлять лѣсы вже тихше,
Сон мали квѣтки колише.

Спѣть мои дзвôночки синѣ
Дики рожи в полонинѣ!

Не шумѣть, лѣсы зелени,
Спати йдѣть, вѣтры студени!

Най свѣтоньки сплять здорови,
Най им сняться сны чудови!

Аж на небѣ зазорѣє,
Сонце их малых зогрѣє;

И зогрѣє, поцѣлує,
И свѣтами повандрує

Тихій сон по горах ходить,
За ручѣньку щастя водить.

Джаворонок царем птиць.

(Народня казка.)

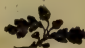
Як только засновався свѣт, зойшлися птицѣ и радилися, як бы выбрати собѣ царя. Та так одни досудили, что тот буде царь, кто єсть межи ними найбôльшій и выбрали орла. Друга частка птиць повѣдає, что лиш тот може быти царем, кто найвысше пôдлетить. А джаворонок як учув, что птахи так досудили, что лиш тот може быти царем, кто найвысше пôдлетить, та сѣв орлови пôд крыло, А там сидѣв поки орел не зослаб. А як орел зослаб а не мôг дале летѣти, а джаворонок тогды выхопився з пôд крыла и зачав летити горѣ. Но и тогды птахи повѣдають, тот буде наш царь, котрый найвысше пôдлетѣв. Так джаворонок став царем птиць.

Як бузюк помирив мыш из жабою.

(Народня казка).

Раз посвадилися мыш из жабою и так ся ненавидѣли, что одна другôй не дала через пѣшник перейти. И раз говорить жаба: Не мож ся обойти, обы одна другôй через пѣшник не перейшла. И говорить жаба до мыши: Будемеся бити, але на смерть! И зачалися бити. Та так ся били, товкли, что аж-ся земля пôд ними тряслася. Увидѣв то бузюк злетѣв на них и вхопив мыш до дзюба а жабу до лабы, пôднѣся на своє гнѣздо и там их поѣв.

Авраам Линкелн.*)

(Продовженя.)

Пан Пфут скоро однак стратив свôй маєток, а Авраам Линкелн став знов без роботы. Тым часом выбухла война меж Блекгуком, начальником Сакôв, а краиною іліноайскою, в котрôй жив Линкелн. Губернатор тоѣ краины зганяв добровольцѣв а до них вступив також и наш „честный Абе“, котрого выбрали капитаном. Єго жовнѣры любили го дуже за то, что думав скорше на них, як на себе. Послѣ тоѣ войны єго кандидовали до державного сойму. Он з початку думав, что єго приятелѣ чинять з него смѣх и не хотѣв того приняти, кажучи, что ôн не є всѣм знакомый и тому можуть го не выбрати.

Но єго приятелѣ на се одповѣли: „То нич не шкодить. Треба пробовати, будуть вас знати, аж зачнете ѣздити с бесѣдами по краю.

Линкелн пôшов агитовати. Мав з початку гôрку годину, але в конци в 23. роцѣ житя став выбраный членом уставодавного сойму. Из 200 голосôв в Ню-Салем одержав 170. Былв то великій доказ любови и довѣря до него.

Всѣ од того часу почали говорити: Линкелн не має нич, тôлько множество приятелѣв.

Краєвый землемѣр потребовав помочника. Звернувся до Линкелна дав єму книжку до науки, абы перед тым обознався в рѣчи. Авраам чинив се с охотою. Перейшов книгу, выучився все, что треба, абы єго пан быв ним доволеный. За шѣсть тыжднѣв ôн став єго добрым помочником. Коли мав яку годинку свободну, учився законôв и права.

Коли го выбрали до уставодавного сойму, зычив собѣ грошей, абы собѣ мôг купити яке платя. До сойму ишов 100 километрôв пѣшки. Не говорив много в соймѣ, але працьовав пильно в комитетах и займався пильно потребами свого краю.

В р. 1837, коли было му двадцать осьм лѣт, став адвокатом и выпровадився из города Салема до бôльшого Шпрінгфілда. З початку не мав много грошей, абы мôг найти собѣ бôльшу квартиру, тому спав у себе у канцелярнѣ на лавцѣ.

В р. 1846, коли вже слава про єго працю и справедливость розойшлася широко, быв выбраный до конгресу великим числом голосôв. Там выступав ôн проти войны с Мексиком, проти рабства и свою думку всюды смѣло голосив.

В роцѣ 1854 старанєм сенатора Штефана Дугласа принято закон, на основѣ котрого, державы мали рѣшити, ци суть за рабством, ци нѣт.

*) Початок „Вѣночок“ ч. 6.

Коли Дуглас вернув до своєѣ краины, котру заступав, и зазвѣдовав людей, что думають про рабство, не хотѣли люде єго слухати. Они говорили: „Треба одповѣсти на єго причины, а то зможе лиш сказати Авраам Линкелн.

В державѣ Фаре в Шпрінгфілд в мѣсяци октобру зойшлися велики зборы. Дуглас говорив на них красно. Другого дня промовляв Линкелн три годины. Єго серце былося в єго словах. Слухали, мовчали як гроб, а коли свою бесѣду покончив, мущины кричали „слава“ а жоны утирали хусточками слезы з очей. Так до серця умѣв Линкелн промовити. Обѣхавши обидва краѣ, дождалися сего, что закон проти рабства приняли всѣ державы.

Коли нова партія, республиканска, мала у Филаделфіи дня 1. юнія 1856. р. другій зѣзд, одержав Авраам Линкелн сто десять голосôв на уряд мѣстопрезидента.

А чтобы была сказала на то єго мати, Нансе Генке Линкелнова, коли бы была жила и видѣла свого хлопця на такôм почестнôм мѣсци, котрого в деревяннôй хатцѣ учила библіи.

В тôм то часѣ зайшла одна пригода, котра єго славу єще бôльше рознесла. При котрôмсь собраню пôд голым небом забито якогось чоловѣка. Через тото зеперли двох молодых людей. Один из них дуже быв бѣдный и мав также бѣдну маму. Она знала была Авраама Линкелна ще за молодых лѣт и тому писала єму о своѣм тяжкôм положеню та просила помочи єѣ вызволити сына, бо знала, что ôн невинный. Прийшов суд. Всѣ кричали, абы Армстронг, сын бѣдноѣ матери, быв повѣшеный. Головный свѣдок свѣдчив, что при свѣтлѣ мѣсяця видѣв, что подсудимый выстрѣлив и убив невинного чоловѣка.

Авраам Линкелн на судѣ доказав, что свѣдок говорив неправду и доказав на основѣ календаря, что тоѣ ночи мѣсяць не свѣтив. Присяжни судіи плакали при єго бесѣдѣ, так умѣв Авраам Линкелн промовити до их сердця. Судіи освободили молодого чоловѣка и направили кривду матери. Мати из радости аж умлѣла на руках свого сына.

„Что собѣ думаєте, Анно“, сказав Линкелн, коли та жона звѣдалася кôлько має єму платити за єго оборону. — „Ани крайцаря не возьму од вас“. — Мати была добре нагороджена за свою любовь до молодого хлопця.

Синиця и ледарѣ.

Синиця як кто довго вылежується, любить єму над головою заводити:

Пустый, пустый, пустый! Не-роб!

А на весну коли ще жадна птиця на спѣває, она вже каже:

Цѣцѣбі, цѣцѣбі, цѣцѣбі!
Кидай сани, бери вôз,
А ты бабо, з печи злѣзь!

А но дѣточки, кто из вас знає, як спѣвають други потята?

Великодни забавы.

Лиш в декотрых селах на Верховинѣ а особливо у гуцулôв задержалися єще стародавни игры и забавы, котрыми звыкли хлопцѣ и дѣвчата розвеселяти себе и старших на Великдень пôд церквою.

Такою забавою есть игра:

„М А К“.

Дѣвки стають у колесо и имуться за руки, а двѣ ломлять собѣ патички та сѣдають межи них. Тѣ, что сидять, звуться „макѣвочки“. Дѣвки стоять доокола тых двох и спѣвають:

Ой по горѣ лен, лен,
По долинѣ мак, мак;
Люби наши макѣвочки
Просили Вас соколички
Орѣть же го так, так!

Тай показують им як мають робити; тѣ так роблять а всѣ дальше спѣвають:

Ой на горѣ лен, лен,
По долинѣ мак, мак;
Люли наши макѣвочки
Просили Вас соколички
Сѣйте же го так, так!

Показуючи як се мають робити, спѣвають дальше ту пѣсню кôлько раз, але при конци мѣтсо сѣйте кажуть: полѣть, сапайте, жнѣть, вяжѣть, складайте, возѣть, молотѣть, вѣйте, продайте. При тôм „макѣвочки“ все показують, як полоти, сапади, жати, вязати, складати, возити, молотити, вѣяти, продавати. Як уже продадуть, тогды так спѣвають:

Горобелю, горобелю,
Десь бував, десь бував?
А в садочку, на листочку.
Щось чував, щось чував?
Что не видѣв, горобелю,
Як мак труть, як мак труть?
Ой я видѣв, ой я бачив,
Що в долонѣ бють, що в долонѣ бють.

Тогды всѣ дѣвки бють у долонѣ тай розбѣгаються.

Приповѣдки на Великдень.

К великодню сорочка хоть лихенька, абы бѣленька, а к Рôздву хоть сырова, абы нова.

Паска — божа ласка; менше вкуситься, скорше проковтнеся.

Содержаня:

Книгопечатня „Викторія“ Ужгород.

Выходить 15. кождого мѣсяця окрôм юлія и августа.
Редактор: Др. ИВ. ПАНЬКЕВИЧ. Предплата Кч 12.— на рôк. Поодиноке число Кч 1.20.
Выдае Шкôльный оддѣл цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОК, УЖГОРОД, пл. Корятовича ч. 12.

Рôчник III. Ужгород, 15. мая 1922. Число 9.

Кривенька уточка*).

(Народня казка.)

Був собѣ дѣд та баба, та не було у них дѣтей. От они собѣ сумують, сумують а дале каже дѣд бабѣ:

— Ходѣм, бабо, в лѣс по грибки!

Пôшли. Бере баба грибки, аж дивиться у корчи гнѣздочко, а в гнѣздочку уточка сидить. Каже баба дѣдови:

— Дивися, дѣду, яка гарна уточка!

А дѣд каже: „Возьмѣм єѣ до дому, най она у нас живе.“

Стали єѣ брати, коли дивляться, аж у неѣ нôжка переломлена. Они взяли єѣ тихенько, принесли до дому, зробили ѣй знѣздочко, обложили єго пѣрям и посадили туди уточку а сами знов пôшли по грибки.

Вертаються, аж дивляться, что у них так прибрано, хлѣба напечено, стравы наварено. Давай они до сусѣд: „Кто то учинив, кто то?“ — Нѣкто нѣчого не знає.

Другого дня знов пôшли дѣд и баба по грибки. Приходять до дому а у них вареники зварени. Они знов до сусѣд: „Ци не видѣли кого?“. Кажуть: „Видѣли якусь дѣвчину од кирницѣ водицю несла. Така, кажуть, гарна, тôлько трошки кривенька“.

Дѣд и баба думали-думали: Кто то був! Нѣяк не вгадають. А дале баба дѣдови каже:

*) утока = качочка.

— Знаєш что, дѣду? Зробѣм так а скажем, что йдеме по грибки, а сами сховаємеся тай будеме выглядати, кто то до нас понесе воду.

Так и зробили.

Стоять они за коморою, дивляться, аж из их хаты выходить дѣвчина з коромеслом, така красна, така гарна, лиш кривенька на ногу. Пôшла она до кирницѣ а дѣд и баба тогды у хату: дивляться, а у гнѣздочку не є уточки, тôлько повно пѣря. Они тогды взяли гнѣздочко и кинули у печ, а там оно и згорѣло.

А ту иде дѣвчина с водою. Увойшла в хату, побачила дѣда и бабу та зараз до гнѣздочка — а гнѣздочка не є. Она тогды у плач. Прибѣгають до неѣ дѣд и баба и кажуть:

— Не плач, галочко! ты будеш у нас за дочку; мы будеме тебе любити и жаловати як родну дѣтину.

А дѣвчина каже: „Я до вѣку жила бы у вас, як бы вы не спалили мого гнѣздочка та не пôдглядали за мною; а теперь, каже, не хочу! Зробѣть менѣ, дѣду, куделечко и веретенце я пôйду од вас.“

Дѣд и баба плачуть, просять єѣ остатися; она не хотѣла. Тогды дѣд зробив ѣй куделечко и веретенце. Она взяла, сѣла на дворѣ и пряде. Аж тут летить громада уток, побачили ю и спѣвають:

Он де наша дѣва,
Он де наша Іва,
На метенôм дворци,
На тесанôм стовпци,
Куделочка шумить,
Веретенце дзвенить,
Скиньме по пѣрячку,
Най летить из нами.

А дѣвчина им одказує:

Не полечу с вами:
Як была я в лужку
Выломила ножку,
А вы полетѣли
Мене покинули!

Они скинули ѣй по пѣрячку, а сами полетѣли дале. Аж летить друга громада и спѣває:

Он де наша дѣва,
Он де наша Іва,
На метенôм дворци,

На тесанôм стовпци
Куделочка шумить
Веретенце дзвенить,
Скиньме по пѣрячку,
Най летить из нами.

А дѣвчина им одказує:

Не полечу с вами:
Як была я в лужку,
Выломалам ножку,
А вы полетѣли
Мене покинули.

Летить третя громада, увидѣли дѣвчину и кличуть:

Он де наша дѣва,
Он де наша Іва,
На метенôм дворци,
На тесанôм стовпци.
Куделочка шумить,
Веретенце дзвенить.
Скиньме по пѣрячку,
Най летить из нами!

А дѣвчина им одказує:

Не полечу с вами:
Як была я в лужку,
Выломила ножку
А вы полетѣли,
Мене покинули!

Скинули ѣй по пѣрячку, дѣвчина убралася в пѣрячко, учинилася уточкою и полетѣла с громадою. А дѣд и баба знов осталися сами.

БОРИС ГРѢНЧЕНКО:

ВЕСНЯНКА.

„Весна прийшла!
Тепло знайшла!“
Кричать дѣвчата и хлопчики,
„Цвірінь, цвірінь!
Журбу покинь!“
Клопочуться горобчики.
Прибѣг дѣдок,
Злѣз на горбок, —
У хатѣ буть*) не хочеться.

Тепляк**) дмухнув
Крылом махнув,
По бородѣ ласкочеться.
Все ожило,
Все розцвило,
И рôй дѣтей привѣтненьких
На той горбок
Несе вѣнок
З фіялочок блакитненьких.***)

Казки Езопа.

Безхвоста лисиця.

Лисиця попала в лапку. Втекла из неѣ, але вже без хвоста. Встыдно было ѣй так жити и она постановила другим лисицям порадити, чтобы пôшли за єѣ примѣром. Тым хотѣла покрыти своє нещастя. Зобрала всѣх своих товаришок и каже им: „Одрубайте собѣ хвосты, — а так мусиме двигати непотрѣбный тягар а помочи з него нѣякоѣ.“ — Як бы се не было тобѣ на руку, сестро, одповѣла ѣй одна лисиця, ты не подала бы нам таку раду!“

Декотри люде дають рады ближним не зо щирого серця, а задля власноѣ вигоды.

Вовк и кôнь.

Вовк ходячи по пасовиску найшов мѣшок ячменю. З'ѣсти єго ôн не мôг и лишивши го на мѣсци пôшов: Небавом здыбав коня. Ходѣм, кличе вовк, я найшов мѣшок ячменю, але не рушив єго, а зберѣг для тебе. Дуже я люблю слухати, як ты скрипиш своими зубами при ѣдѣ.“ — Приятелю — каже єму кôнь, — якбы вовки кормились ячменем, нѣколи бы ты не лишив го для мене!“

Зрадливому не вѣр, хоть бы ôн и прикидався твоим добродѣєм.

Вовк та овця.

Вовка покусали собаки. Заслаб ôн и ляг на постѣль. Видить голодный звѣрь, что иде овця. Он просить єѣ: Недалеко одси тече рѣчка,

*) буть - быти.
**) тепляк=теплый вѣтер.
***) блакитный - синій.

принеси менѣ из неѣ воды. Ты лиш напой мене, а ѣду то я сам найду!“ — „Коли я напою тебе, каже овця, ты закусиш моим мясом.“

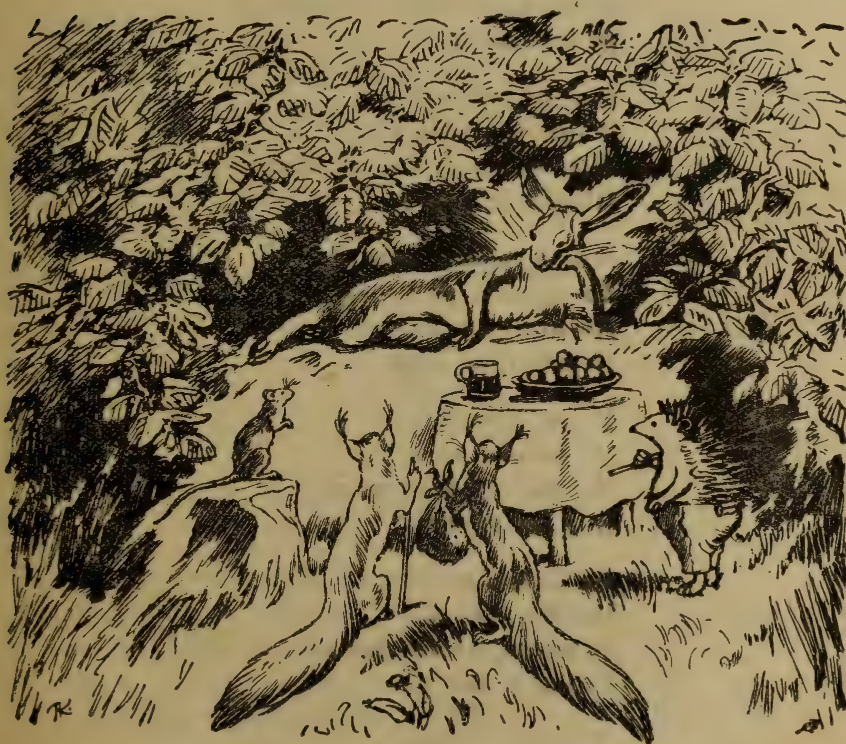
Обманець старaєся брехнею отуманити другого.

ИОСИФ КОЖІШЕК.

Мали гратулянты.

Из чеського переложила Марійка Подгорянка.

Йдуть, вывѣрки*) йдуть,
Ранесенько в путь.
Ярочками, груночками
Скоренько бѣжуть.

*) вывѣрка = бѣлка.

При лѣсочку близь
Зустрѣтили мыш:
„Гей, ты мышко, шкряботушко,
Ци з нами пôйдеш?“

Серед густых трав
Старый ѣж стояв;
Вывѣрочкам поклонився,
Д'мышцѣ ся смѣяв.

„Де, кумоньки, де
Путь ваша иде?
Бочком, бочком, холодочком
Де вас заведе?

И в рядочку став,
В єдно поспѣшав;
Лиш жаловав, что парадни
Шапки не убрав.

А як прийшли лиш
До зайчика хиж,
Повитати, пожелати,
Перша стає мыш.

И так почала:
„Я мышка мала,
Желаю, чтоб тя минала
Кождая стрѣла!“

Як скôнчила, вже
Вывѣрка стає
И желає, чтобы лишка
Спала в ямѣ все.

А друга з ряду
Каже до ладу,
Чтобы песик зайцевого
Не найшов слѣду.

Ѣжак на послѣд
Желає, як слѣд;

„Дай ты Боже быстри ноги
Ще на много лѣт!“

А як пожелав,
З боку собѣ став,
На закуску на столику
Мовчки позирав.

Наш зайчик стояв,
Часочок мовчав,
Аж погладив бородочку,
Тогды отвѣт дав:

„Дякую я вам
Сердечным другам!
Вашу щиру вѣрну дружбу
За свѣт не оддам.“

Де любов для всѣх
Закон є, не смѣх, —
Добре жити там на свѣтѣ
И в хижках малых!

Розумни люди.

Из народнього подав Д. Анталовскій.

Був раз на свѣтѣ один чоловѣк. Раз каже своѣй женѣ:

— Слухай жоно, я теперь пôйду и за три дни не вернуся до дому. А если пôд сим часом прийде купець куповати коровы за менше, як 200 золотых и одным крайцарьом не дай. Порозумѣлась?

— Розумѣю, розумѣю, казала жона, лем ты иди с Божою помочею.

— Добрѣ, добрѣ, айбо тобѣ там, где розум мѣряли, дуже ся мало впало, зато ще тя раз напоминаю, чтобы'сь дешевше не дала, як 200 золотых, ибо Бог—Богом ми не буде, если не поламлю на тобѣ бигарь.

Пôйде чоловѣк, на другій день прийде купець. Смотрячи коровы, пообѣцяє 300 золотых за них.

Жона не пристала на обѣцянку, ибо ѣй муж то казав, что дешевше обы не продала, як за 200 золотых.

Купець дуже радо пристав на 200 золотых, ибо тôлько коштує и по братски. Из тым отвязав коровы, вывѣв на двôр, но и в гадцѣ єму не є платити, а коровы жене.

— Ага, — каже жона — а 200 золотых?

— Так єсть, 200 золотых, каже купець. Шупаться, но грошей нѣт, осталися дома. Чекайте лем жонко, скажу дачто. Пожену 2 коровы, а третя останеся в залог.

Жона с добрым серцем пристала; где бы нѣт, коли одна корова останеся в залог! Як ся буде радовати муж, як прийде до дому.

Третій день прийде муж и звѣдає:

— Продалась коровы жоно?

— Продала'м, душко, за 200 золотых, обѣцяв 300, но я не хотѣла за тôлько дати.

— А где гроши?

— Гроши ще не выплатив, ибо дома забыв, но в залог лишив найменшу корову, доколѣ принесе гроши. Ци так, что розумно зробилам. Мала корова менше ѣсть.

Страшно розсердився чоловѣк! Постав на жену и хотѣв ребра поломати, но зато розмилосердовався над нею и каже:

Заслужила бы'сь, что бым ти на хребтѣ сей бигарь сломав, айбо лишу тя ся; ты глупа жоно, ты! Слухай, выйду на дорогу, там сяду собѣ и буду чекати за три дни, а єсли пôд сим часом найду глупѣйшого над тобою, тогды не дотулю ся до тя, но єсли не найду, так ти ребра поломлю, что до смерти будеш споминати.

С тым пошов на дорогу, там сѣв на один камѣнь и чекав свого чоловѣка. Раз лиш иде одна жона на воловôм возѣ. Ся жона стояла на серединѣ воза, а в возѣ тôлько соломы было, что могла и лежати на нѣй, но она стоячи гнала волы. Думає собѣ чоловѣк:

— Но так видно, что ся буде та особа, котру я глядаю.

Скоро скочив с камѣня, побѣг с перед волôв и так играв там, як дурный.

— Что робите брате? звѣдає жона. От куда'сьте прийшли, в якôм дѣлѣ выбрали'сьте ся в дорогу? Я вас нигда не видѣла?

— Як бы Вы видѣли мя сестро, коли я с неба сойшов на землю — каже чоловѣк, а теперь не знаю, як вернутися назад. Не повезли бы Вы мене сестро?

— Нѣт, душко, ибо я не знаю дороги до неба. Айбо, если вы з неба сойшли, могли бы'сте ми повѣсти, что робить там мôй муж, котрый вже три роки, як умер. Видѣлисте єго?

— Видѣв єм, кождый тыждень сходжуся с ним. Дуже бѣдує там Овцѣ дозирає и цѣлый день бѣгає за ними, через горы, долины, поля, лѣсы. Шуба подерлася на куски, а кравця*) нѣт на небѣ, котрый бы другу зробив, бо треба Вам знати, что Святый Петро не допущає кравця до неба.

— О боже мôй, Боже! — засмутилася старушка, — кто думав бы быв то, что мôй старик тôлько бѣдує на небѣ. Єсли бы'сте так добрѣ были понести одну шубу, подяковала'м бы Вам.

— Понѣс бым я вдячно, — каже чоловѣк, но святый Петро тогды и мене не допустить до неба.

— Тогды бым дала гроши для него, то положите в кешеню и так никто не стямить. Теперь єм продала пшеницю, тѣ гроши послала бым старику.

— Гроши? То понесу, — сказав чоловѣк.

— Но тогды останьтеся туй, пôйду до дому за грошми и зараз вернуся. И не сяду на солому, стою цѣлу дорогу, чтобы волам легше быв вôз.

Жона отойшла, а чоловѣк остався, а душа так му радовалася, что и сам не знав, что робити.

— Но ся жона глупша, як моя. Якоє великоє щастя має моя, что не буде бита.

— Не треба было довго чекати, прийшла старушка с грошми, передали чоловѣкови и дяковала за єго послугу. С тым старушка вернулася до дому. В той час прийшов єѣ сын Иванко из поля. Каже сынови, что стало ся с нею. Дивиться Иванко, ибо такоє чудо и ôн николи не чув от коли жиє. Любив бы и ôн с тым чоловѣком зыйтися и позвѣдати одно и другоє, что стаєся в небѣ. Зараз сѣв на коня, побѣг тою дорогою, котрою ишов небесный чоловѣк. Як иде, видить при дорозѣ одного старушку рахуючи гроши. Иван и понятя не мав о тôм, что сей чоловѣк перебрав от єго матери гроши и что ôн єсть небесным чоловѣком, котрого ôн глядає; и звѣдаєся от него:

— Дѣдику, не видѣли'сьте того чоловѣка, что з неба прийшов на землю?

— Видѣв я, тепер вылѣз на ту гору высоку, что бы му ближе до неба.

*) кравець = той что шиє шатя.

— Боже мôй, Боже мôй! зажурився Иван. Я єго не догоню вже. Цѣлый день робив єм, а теперь ту и кôнь натряс мною — будьте так добри, сядьте на конѣ и єсли догоните єго, нагворьте го вернутися ид мнѣ, чтобы'м бôльше грошей послав моєму отцю на небо.

— Ага! — думає собѣ чоловѣк, так видно, что и сесь глупшій од моєѣ жоны и каже:

— Передай гроши менѣ; єсли не хотѣв бы вернутися, передам єму гроши, чтобы в небѣ передав отцю твоєму.

Иванко передав гроши, чоловѣк сѣв на коня и пошов на гору з невидимым чоловѣком. Иванко сѣв собѣ на камѣнь и чекав до темноѣ ночи, но старик не вернувся.

— Може быти — думає в собѣ, тому чоловѣкови дуже скоро треба появитися на небѣ и зато не вернувся назад, може быти, что и коня передав єму сей добрый чоловѣк, чтобы скорше выйшов на небо.

В сѣм успокоився, вернувся до дому и сказав матери, что ся стало, что передав гроши и коня отцю своєму.

— Добре'сь зробив сынку — каже матерь — ты и так молодый, можеш ходити пѣшо, а отець посему хоть лиш с коня буде дозирати овцѣ.

Пôд сим часом старик пришов до дому, коня привязав в машталню коло худоѣ коровы, потом зайшôв до комнаты и каже жонѣ:

— Но жоно, щастлива ты в Бога, могу сказати, бо глупши люде суть над тобою и зато не дотулюся до тя. На мѣсто двох худых коров достав єм доброго коня и много грошей.

Добрѣ платить глупство.

— Ци так, добрѣ, радовалася жона. Не бôйся мужу, глупою остануся и на дале.

— Останься душко, остань.

ЮРІЙ ФЕДЬКОВИЧ:

БРАТ ТА СЕСТРА.

Не зозуля в лѣсѣ затужила,
Не пташина в лузѣ голосила, —
То сестричка лист писала,
На чужину посылала
Тай до брата слѣзно промовляла:

„Брате милый, брате-соколоньку,
Ты покинув сестру сиротоньку,
А я ходжу — покликаю,
Як зозуля в темнôм гаю:
Ой вернуся з далекого краю!“

— „Сестро моя, сестро моя, руто!
Як я можу до тебе вернути,
Через лѣсы темнесеньки,
Через рѣки быстресеньки,
Через степы ровни — ровнесеньки?“

„Гаєм — маєм, лебедем — Дунаєм,
А степами — швидким горностаєм,*)
А на моє пôдвореньо
Пади швидким соколоньком,
А голубом на моє серденько!“

— Ой летѣв я сѣм день тай годину
Прилетѣв я до сестры в гостину;
Прилетѣв я тай гукаю,
А сестрички не видаю —
Ой, мабуть, я вже сестры не маю!

Сестро-ж моя, лѣлеєнко бѣла!
Скажи менѣ, де ты ся подѣла?
— „В гаю, брате, в гаю, в гаю
Та у ямѣ пробуваю,
Все про тебе розмовоньку маю.“

БОЖЕНА НЕМЦОВА:

Як пас Иванко кобылку.

Былы три браты. Наймолодшого Иванка отець любив дуже, але старши братя ненавидѣли его про то и уважали за простака. Нараз умер им отець. Никто из них не хотѣв дозирати его, лиш Иванко сидѣв при нѣм три дни.

Никто так не жалував за ним як Иванко. Хотѣв ити по смерти отця на службу, але найстаршій сказав му: „Что бы ты простаче в

*) горностай—бѣла ласиця.

свѣтѣ робив, таж ты пропадеш. Вперед я иду на службу, а коли менѣ добре будеся вести, прийду по вас“ — Пôшов.

Коли так иде пустыми долинами и великими лѣсами, стрѣтила го стара баба. „Куды идеш сынку?“ — зазвѣдала го. — „Иду службу глядати — сказав той. — „Зайди до мене, у мене не будеш нич иншого робити, лиш пасти кобылку.“

„Добре, пôйду“ — одповѣв сынок и пошов с бабою, Прийшли ид малôй хижѣ глубоко в лѣсѣ — там дала му баба ѣсти и пити, а потôм привела кобылку, абы повѣв ю пасти. — „Лиш гляди дотрѣ и давай добрый позор, бо як утече, голову тобѣ зотну“ — грозила баба. Сынок взяв кобылку и повѣв ю пасти, привязав ю ид дереву, и сам лѣг и заснув. — Коли пробудився, кобылки не было. — Напудився дуже и пôшов глядати кобылки. Ходить по лѣсѣ, ходить — але дарма, кобылки не найшов. Прийшов ид однôй кирничци, а там недалеко од неѣ сидѣв старушок. „За чим глядаєш, сынку?“ зазвѣдав старый. — „Та глядаю за кобылкою“ — одповѣв сынок сердито.

Та бым ти сказав про ню. Але ци не начеряв бысь менѣ из сеѣ кирнички воды. Я старый, немочный. — Я маю доста своєѣ роботы — одповѣв сынок и пôшов дале. Кобылку не найшов, а баба стяла му голову.

Коли братя не могли дочекатися найстаршого брата, пôшов середущій у свѣт иськати щастя. Иванкови казав остатися дома а як найде дачто доброго, прийде по него.

Янко остав дома а середущій брат пôшов у свѣт пустыми долинами, великими лѣсами, аж стрѣтив ту саму бабу. Зазвѣдала го куда иде, а коли ôн ѣй сказав, что глядає службу, предложила му пасти кобылку. Середущій згодився на то и пас так само як найстаршій. Привязав ю до дерева, ляг спати, а кобылка утѣкла. Пробудившися почав ю глядати и зайшов до кирнички, при котрôй сидѣв старушок. Зазвѣдав го за чим глядає и попросив го подати му воды. Середущій одповѣв так само як найстаршій, что не має часу, бо має своѣ роботы досить. Кобылки не найшов а баба стяла му голову.

Коли и другій брат не вертався домôв, подумав собѣ Иванко: „Е Бог знає, куды пôшли мои братя, они певно забыли на мене. Иду в свѣт сам службы глядати. Пôшов.

Прийшов на пустѣ долины, темнѣ лѣсы, аж стрѣнув ту саму стару бабу. — „Куды идеш, сынку?“ — зазвѣдала го.

— „Иду службу глядати“ — одповѣв Иванко. — „А ци не хотѣв бысь у мене служити? Не будеш нич иншого робити, лиш одну ко-

былку пасти“. — Та буду, лиш кобы служба была. И став на службу.

Баба дала му ѣсти а потом выпровадила го с кобылкою и напоминала, абы добре доглядав, бо коли утѣче, голову му зотне.

Повѣв Иванко кобылку, спутав ю, а сам ляг пôд дерево. Дуже хотѣлося єму спати. Задрѣмав але не довго. Позирає, а кобылки не є. Напудився дуже, и побѣг за нею. Иде так, иде, аж прийшов до кирнички, де сидѣв старушок.

„Чого глядаєш“, — зазвѣдав старушок. — „Глядаю кобылки. Задрѣмав я а она утѣкла ми,“ одповѣв Иванко.

„Ци не начерявбысь менѣ воды из тоѣ кирнички? Я старый и немочный.“

„Вдячно, старый дѣдуню. Таж я мав також такого старого отця, але ми умер,“ одповѣв Иванко жалостным голосом. Зняв з головы шапку, набрав нею воды и подав старушкови. Старушок напився и подяковав Иванкови.

„А цись не видѣв, старый дѣдуню, тоѣ кобылки?“ зазвѣдався Иванко.

„Знаю де она, и про то, чтось менѣ старому послужив, хочу и тобѣ добром одплатитися. Тут маєш сопѣлку, як нею заграєш, кобылка вернеся опять, хоть бы была на край свѣта. А ту маєш лѣскову палицю, як посадин ю в землю на тôм а тôм верху и скажеш: палице загуди — то потôм кобылка буде освободжена“. — По тых словах старушок зник. Иванко тым так зачудовався, что мало не забыв вже про кобылку. Аж таки опамятався и сейчас заграв на сопѣлку. Гоп! Гоп! кобылка стала перед ним. Взяв ю и веде на той вершок, котрый му указав старушок. Коли там вылѣз с кобылкою, встромив скоро палицю в землю и сказав: „Палице, грай!“ Ледво то промовив, загув цѣлый лѣс. В тôм кобылка трѣсла и стала з неѣ красна панна. Хижа староѣ бабы зникла разом из старою.

Красна панна дяковала Иванкови за то, что ю высвободив, а ôн быв тому рад, бо му ся тота панна дуже подобала. А боявся ѣй про то сказати. Але и краснôй паннѣ подобався Иванко. Так они ся побрали, прийшли до дому и жили щасливо, дякуючи в душѣ старушкови.

Авраам Линкелн.

(Конець.)

Коли в року 1860 в Спрінгфилдѣ зобрався великій республиканьскій зѣзд, вызвали Линкелна, абы выголосив бесѣду засѣвши на креслѣ бесѣдникôв. Народу было так много, что достатися там думати не было можно. Тогды Линкелна взяли на руки и перенесли на то мѣсто понад головы. Через 10 днѣв выграв при выборах до народного парламенту в Чикагу запад. Президентом выбрано Авраама Линкелна а то двома миліонами голосôв.

Одходив из Спрінгфилду до Вашингтону сумно. Стара Анна Армстронгова сказала, что вже го николи не увидить. Внутрѣшній голос говорив ѣй, что якійсь ворог убє єго. На то сказав ѣй Линкелн смѣючися: Анно, єсли мя убє, то вже иншою смертею не умру.

— Одходив без боязни и чув велику одповѣдальность свого становища. Касу найшов порожню, а край горѣв серед борьбы. Говорив мало, рисы єго лиця поглубилися, а очи посмутнѣли.

Тяжка была єго праця и жура про добро краю. Окрем того и сын єго Вілім умер в молдôм вѣцѣ. Дуже тяжко переносив ôн на душѣ то велике родинне нещастя. Для того и всегда мав велике серце для других людей, особливо, коли ишло и их живот.

Одного разу молодый вояк, котрый держав сторожу, заснув. За то засудили го на смерть. Але президент Линкелн одпустив му провину кажучи: Не мôг бым спокойно умерти, коли бы мою одежу сплямила кров молодого чоловѣка. Не дивно, что той молодець выхованый на селѣ, звыкши ити спати з западом сонця, уснув на сторожѣ. Я не могу згодитися, абы ôн быв розстрѣляный.“ — Того то молодця найшли потôм межи погибшими в бою пôд Фридриксбургом. На серцю мав фотографію свого заступителя из словами: „Боже поможи президенту Линкелнови.“

Коли прийшов до Вашингтона офицер, абы достати вырок смерти для двадцять чотырьох дезиртерôв и просив о затвердженя того выроку президентом Линкелном, одповѣв єму Линкелн так:

„Пане офицер! Вже за много є плачучих вдов у Соєдиненых державах. Ради Бога, не жадайте, абы я єще убольшив их число. Думаю, что тѣ молодцѣ лѣпше нам могуть служити на земли, як пôд землею.

Одного разу знов зайшла до него жона в старôм обношенôм шатю и просила го оставити єѣ одного сына из чотырьох, котрых покликано на войну, бо не ма кому старатися о ню. Линкелн учинив сейчас то, о

что просила, но стара мати не могла тѣшитися одпущеным сыном, бо зайшовши за ним у больницю, найшла єго мертвым. Тогды вернулася зо смутком до Линкелна. Коли прийшла, перебив ѣй Линкелн тыми словами: Знаю чого прийшлисьте; зроблю се и без вашоѣ просьбы: одпущаю Вам другого сына.

Со слезами дяковала стара мати Линкелнови и желала му много лѣт.

За цѣлый час борбы, яка горѣла у всѣх частях краю пôдчас правлѣня Линкелна, стало очевидно, что вже раз мусить прийти конець рабству. Линкелн ждав на слушный час, хоть єго дорадники противилися тому говорячи, что освободженя од рабства погубить армію. Але Линкелн не дався вже звести з правоѣ дороги. В октобрѣ 1862 р. выдав ôн незабутню оголоску про зверженя рабства и сяким способом чотыри миліоны людей одержало свободу. Быв то найбôльшій учинок єго правлѣня и велике дѣло, яких XIX. вѣк мало знав.

По уплывѣ 4 лѣт выбрано Линкелна на ново президентом на дальшу добу. В тôм то часѣ и покончилася довга война межи бѣлою и чорною расою а народ збирався по храмах и дяковав Богу за покинченя великого лихолѣтя. Из уст всѣх чути было имя Линкелна. А найбôльше дяковали єму бывши рабы а теперь освободжени Негры.

Одного разу прийшла до Бѣлого дому*) стара Негришка и стрѣтивши там президента зазвѣдала, де могла бы видѣти Авраама Второго.

А кто быв Авраам первый? зазвѣдав президент.

О первôм читаєме в библіѣ а вторый єсть наш президент, одповѣла Негришка.

То ôн тут стоить перед Вами — продовжав президент и одвернувся, абы не видѣла єго слез.

Пять днѣв послѣ здачи генерала Ліа, котрый довго боринився проти державным войскам, пôйшов Линкелн до театру, абы мало одпочати.

Пôдчас гры приступив до него артист театра Джон Найлкс Бус и выпалив му до головы кульку. Потôм скочив опять на сцену театра и кричав: Так все быває с тиранами.

Линкелна вынесли сейчас до сусѣдного дому, де и скончив своє житя дня 15. апрѣля 1865. Буса постигла заслужена кара, бо за 20 днѣв быв розстрѣляный.

Народ весь упав у великій смуток. Смерть проуказала всѣм, якій чистый характер мав той, кто правив краєм пôдчас войны. Тѣло Лин-

*) дôм де жиє президент державы.

келна перевезено было до его родного мѣста Спрингфилду. Коли тѣло спускали у гроб спѣвав численный хор послѣдню пѣсню а епископ Симплон говорив прощальну бесѣду наводячи слова Линкелна: Перед небом, перед лицем свѣта присягаю вѣчну вѣрность справедливôй справѣ так як я ю розумѣю, землѣ свого житя, своѣ свободы и своѣ любови.

Житє Линкелна то рѣдкій случай в исторіи. Єго житє то велика книга, из котроѣ мож черпати науку и заохоту на добрѣ дѣла. Из неѣ читаємо божôм провѣдѣню и о поступѣ людского поколѣня.

Театральна забава в Жуковѣ, латор. округа.

Дня 23. апрѣля т. р. на Фомину неделю была выставлена в народнôй школѣ, в Жуковѣ театральна выстава: „Добродѣтель превышает богатство.“ Забава дуже дячилася народови, понеже склюЧена была из народными спѣванками и из музикою.

НАРОДНИ ПРИПОВѢДКИ НА МѢСЯЦЬ МАЙ:

1. Коли прийде май, то за себе дбай
2. Почекай маю, ще тобѣ уха обшмигаю
3. Три в маю дощи добрых, дадуть хлѣба на три роки довгих.
4. Май холодный, рôк хлѣбородный.
5. На Юрія сѣна кинь тай вола закинь.

СОДЕРЖАНЯ:

Книгопечатня „Викторія“ Ужгород.

Выходить 15. кождого мѣсяця окрôм юлія и августа.
Редактор: Др. ИВ. ПАНЬКЕВИЧ. Предплата Кч 12.— на рôк. Поодиноке число Кч 1.20.
Выдае Шкôльный оддѣл цивильноѣ управы Пôдкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОК, УЖГОРОД, пл. Корятовича ч. 12.

Рôчник III. **Ужгород, 15. юня (червня) 1922.** **Число 10.**

МАРІЙКА ПÔДГОРЯНКА:

ДѢТИ И ЛАСТОВКА.

Ластôвочка чорно-бѣла
Пôд стрѣхою гнѣздо вила
И на дѣтей позирала,
Над головками лѣтала.
Звѣдувала ся сердечно, —
Ци бувати тут безпечно?

Люба, мила ластôвочко
Нич не бôйся, вий гнѣздочко.
Мы и мачку накажеме
И песика привяжеме,
Одженеме воробчика
Й розпустного збиточника.

Лѣпи гнѣздо скоро-духом,
Вистеляй мяленьким пухом.
Наша низка, родна стрѣха
Схоронить тебе од лиха.

Дѣдо и смерть.

Народня легенда.

Колись — нѣколись в давных вѣках, межи красными Карпатами — межи великими горами, на малôй рôвнôй долинѣ, было одно богате село а в тôм селѣ межи прочими жив один дуже худобный а ще май старый дѣдо. Єго хижонька не находилася в селѣ в'єдно з другими, но внѣ села — не дуже далеко, але цѣлком самотна, — маленька, бѣдненька, так что кто лише попозирав по нѣй, увидѣв и вганув, что там жиє ктось дуже бѣдненькій. При хижѣ быв и малый садок — были там грушки, яблоньки, сливки черешнѣ, орѣхи а старый дѣдо дозирав то там, як очи на головѣ, но все таки не годен быв нѣколи вдозирати. Ибо дома дѣдови не было з чого жити, принужденный быв ходити по жебраню и жив з того, что єму милосерднѣ люде надавали.

А мали и бôльши дѣти, школярѣ и нешколярѣ все вычекали, коли дѣдо пôшов з дому на жебраня — а тогды зайшли в садок и спокойно, як бы из свого нарвали собѣ всяких овочей, наѣлися, забавилися в садѣ аж до вечера а лише тогды порозходилися до дому с повными кешенями.

И теперь, так, — дозирав дѣдо — загороду, дозирав, доки не зголоднѣв, но як зголоднѣв, запер двери, взяв бигарь и кобѣлку и пôшов до села.

За годину вже садок повный быв из дѣтьми. Велика радость, забава, ибо не є дѣда дома! Нарвали — зо сяких овочей — наѣлися и порозходилися!

Сонце смеркає, приходить трудовый дѣдо до дому, але чтось з недобрым предчувствіем, та йде прямо в садок. Найшов там на подекотрых деревах лише порожне листя, а ту не ту и то хибило! Засмутився дѣдо а од гнѣву твердо и горько розплакався. Вже темный вечер а дѣдо ще все сидить смутно перед хижонькою и жалує прекрасный до третины оборваный садовый плод!

Раз лише приходить один ще старшій дѣдо:

Добрый вечер, дѣду!

Добрый вечер!

Дорогій дѣдику, — говорить старик, походив я по цѣлôм селѣ — просив всюды нôчлег на переспаня а нѣгде не дали, темна нôч — в селѣ незнатый, старость не радость — ноги трясуться пôдо мною од далекоѣ пѣшоѣ пути — псы не дають мирно прийти путьом, ци не мôг бы я у тебе переспати?

Худобный я дуже — отвѣчає дѣдо, комнатка моя маленька, постѣль одна а пôдстелена лише листєм. Но єсли то Вам буде способноє, пойте попозирати. Я собѣ розстелю на земли — а вы выспочивайтеся в постели. Так и вчинили! Переночовали спокôйно, а коли заранѣло, повставали и гôсть старик почав прощатися од дѣда:

Благодарю тя любый дѣду за твою вдячность, я пращаю ся, але переже скажи менѣ, что я маю тобѣ за твою добродушность заплатити!

Недовжни Вы менѣ нѣчого — отвѣчає дѣдо, мы еднако бѣдни, чтобы я мôг от Вас прияти, або жадати? Переспалисьте спокôйно, не беру жадноѣ оплаты.

Знаю я, каже старик, что не приймеш од мене грошей, бо я их ани не маю, но я за доброє хочу добрым заплатити. Вѣдь я вчера вечер проходив не одного газду, просив ся до многих на переспаня, але всѣ як видѣли, что я ряндавый, цундравый, бѣдный а навѣрное что не маю грошей, не прияли мене, хотя было мѣста. А ты твôи скрôмный бѣдненькій пôглег подѣлив зо мною. Скажи что желаєш — исповненно буде!

Роздумує дѣдо — роздумує, чтобы такоє просити и каже:

Як Вы, любимый гостю, так всемогучій, не желаю нѣчого великого лише то, что кто зайде в мôй садок а вылѣзе на дерево, чтобы не мôг злѣзти, доки я то не дозволю.

Добре дѣду, так буде, як ты зажелав! — сказав старик тай с тым пропав.

Чудовався дѣдо чудовав, но и радовався, что по сьому вже спокôйный буде єго живот.

Прийшов другій, третій день и дѣдо все дома, дѣти дарьмо чекають одход дѣда — дѣдо не рушаєся з дому. Раз на шестый день забрався дѣдо з дому, лишив хижку и садок и пустився до села. Ледва чекали то дѣти! Дакотрѣ ани до школы не пôшли, ибо переже хотѣли забѣгнути в дѣдôв садок! На коротко зобралося около десять дѣтей тай идуть до дѣдового садка овочи збирати.

Повлѣзали по деревах, наѣлися, нарвали и для других товаришôв. Хотять злѣзти *та не мож.* Пробують раз, другій раз, третій раз — *не мож.* — Зачали по деревах плакати — кричать про помôч, но нѣкого.

Вже полудня, дѣти ще все по деревах а други тогды выйшли из школы тай видять дѣда в селѣ. Даскôлько безрядных зговорилося, тай бѣгом в дѣдôв садок! Прибѣгнуть там и лѣзуть на дерева. А з дерева кричать: *не лѣзьте, бо не злѣзете!* Котрый мало вылѣз, пробує злѣзти, не може. Застрашилися други — повтѣкали из садка тай бѣгом до села сказати чудо, яке творить в дѣдовôм садку.

За єдну годину цѣлоє село там было а помочи нѣкто не може! Страх великій, родичѣ плачуть тай бѣжуть глядати дѣда!

Приходить дѣдо тай видить цѣлоє село в садку — подивить ся по деревах и збачить там нечестни, непослушни дѣти, котрых пан учитель задарьмо, что учив в школѣ, ож *чужоє не рушай.* Поганьбив дѣдо дѣти и дозволив им злѣзти. Позлѣзали дѣти тай так утѣкали, что в зад на дѣдôв садок не смѣли пообзиратися.

Сидить другій день дѣдо перед хижкою, раз приходить смерть и каже: „Но, час вже дѣду вмирати!“

Напудився дѣдо и зачав упрошовати смерть, говорючи: „Знаю смертенько, ож ты справедлива. Тобѣ одно и царь и Иван, и молодый и старый, но зато много раз и лукава ты, бо посиротиш многих дѣтей. Я бы тебе просив, лиши ты мене жити — лише доки плоды обберу з моєѣ прекрасноѣ садовины! Ану пой зо мною звидиш, як прекрасный садок маю! Зайшли в садок а дѣдо говорить дальше! Позирай, яки красненьки грушочки — а ще якого то превосходного смаку. Ну лише вылѣзи на дерево — та покоштуй! Вылѣзе смерть на грушку, ба *злѣзти вже не може.* А дѣдо ся засмѣяв, лишив смерть на деревѣ а сам пôшов.

Мине один, два, три, пять рокôв а смерть ще все на деревѣ, а дѣдо ходить по селах и смѣєся з смерти. Но бѣда, не вмирає нѣкто! Стари люде проклинають смерть, зачто не бере их, лѣкарѣ по городах голодують, не є з чого жити, не хворѣє нѣкто — бо смерть на деревѣ сидить, не потрѣбни нигде. Раз иде один лѣкарь через село, доходить ид дѣдовôй хижцѣ смутно и холодно тай увидить смерть на деревѣ!

Знаю я зачто ты там смутный, говорить смерть до лѣкаря, не є доходку, бо не хворѣє никто. Освободи ты мене з дерева и станешся богатым! Бѣжить лѣкарь в село кличе людей з балтами рубати грушку. Втинають люде сокиры до грушки, но выняти не могуть.

Сокиры всѣ позоставали в деревѣ.

Видить смерть, что не може спастися, прикличе дѣда и просить го: „Дѣдоньку солодкій пусти мене долу, можеш жити доки хочеш“!

Тай спустив дѣдо смерть з дерева, — не боиться вже за свôй садок, бо дѣти вже не идуть про овочи до єго садку але ани до другого ибо навчилися, что *учителя всегда треба послухати а чужоє не рушати.*

Из уст народа подав: **Юлій Ривай.**

И. П. ВАСКОВ:

МАЛЫЙ КОЗАК.

Чим пак будеш, як выростеш
Сыноньку мôй любый?
Козак буду мамко моя
Козак смѣлый, храбрый.

Та что будеш дорогiй мôй
Козаче чинити?
Пред Русином кланятися
Свѣт сей буду вчити!

МАМИН СИБИРЯК:

На малинах.

Малины вже дозрѣли. Дѣдо Остап ступав осторожно по стоцѣ горы повнôм корчами, обсыпаными черлеными ягодами и збирав их до кошарика из деревяноѣ коры. Добра то рѣч тотѣ малины, а особливо коли их насушиться на зиму. Також помагають од хворот. Навариш сушеных малин, напєшся горячого вару и сейчас загрѣє тебе на цѣлôм тѣлѣ.

Дѣдо Остап приступив до великого корча и рвав. Нагло чує, аж по другой сторонѣ корча також ктось ходить и збирає малины. Думав, что то якась баба ходить збираючи ягоды. Розгорнув малиновый корч и аж лячно: На другôй сторонѣ стояв на задних лабах великiй медвѣдь и передними лабами згортав малины. Як узрѣв чоловѣка, хвилю на него позирав прямо в очи.

„Но, чого стоиш и дивишся?“ крикнув наконець напудженый Остап. Медвѣдь змѣрковав, спустився на переднѣ лабы и неохотно спускався по стоцѣ. Два разы оглянувся и забурмотѣв.

„Я ти дам“ погрозив му старець пястуком. „Таку роботу собѣ найшов єсь?“

Медвѣдь станув, поглянув на дѣда єще раз и поволи зник в густôй лѣснôй травѣ. Остап быв дуже налякався. Ледво дойшов до своєѣ лѣсноѣ хижи. Дивився смерти в очи. Коли бы медвѣдь лиш раз єго мацнув лабою, была бы з него зараз душа выйшла. Анѣ бы не гойкнув.

Тарас Семенич, котрый жив пару кроков дальше, смѣявся из свого товариша и поясняв єму: „Если бы медвѣдь видѣв, ож ты маєш пушку в руцѣ, быв бы тобѣ конець. Звѣря єсть розумне, видять, ож чоловѣк не умысленно блудить по лѣсѣ и не доткнеся тебе. Колись мене за пôв годины супроваджав. Я пѣшником, а ôн з боку за мною.“

И. КОЖІШЕК:

ВЕЧЕР В ЛѢТѢ.

Сонце за горы ся клонить,
Вѣтрик хмарки спати гонить,
Пташка постѣль дѣтям править,
Роса падає на травы,
Жайворон з небес вертає,
Лѣпшій день в смерку згасає.

Звѣзда цѣкава, дробненька,
Звѣдуєся мѣсяченька:
„Чуєш, няньку, красно прошу,
Ци вже выйти из тьми можу?“
Мѣсяць каже: час вже, час,
Звôн вечерный кличе нас!

Из чеського перевела: **Марійка Пôдгорянка.**

Прочто сердиться пес на котку, котка на мыш?

(Л Е Г Е Н Д А)

Давно-давно, коли лиш Адам и Єва и их дѣти жили на свѣтѣ, як согрѣшили и выйшли из рая, переходили через прекрасни поля. Все прекрасно зеленѣло и цвѣло.

Видѣвши сю красоту, узвалася к мужу своєму Єва и то сказала:

— Позирай Адаме, якоє прекрасноє поле. Не журися, что выгнав нас ангел из рая и так буде хлѣба доста, понеже колося на стеблѣ дуже великоє. Позирай! Колося од землѣ аж до верха!

Но тогды явився на полю коло них ангел, попозирав по полю и сказав Адамови и Евѣ:

— Айно, и я вижу, что сѣятя прекрасноє, а колося од землѣ аж до верха выросло. Но понеже вы непослушни и неблагодарни были к Сотворителю своєму, Богу небесному, од котрого вы сесь великій дар одержали, зато менѣ даною властію кару напущу на вас и на потомки ваши и уничтожу колос зерна, чтобы хлѣб не родився лиш солома.

Так и робив, як казав. Про грѣх прародителѣв имив колося у руки и хотѣв изорвати. И єсли тогды ангел хоть лиш один колос зорвав бы быв из стебла, то на цѣлôм свѣтѣ было бы ся не родило бôльше зерно.

Но Бог всемилостивый, пошкодовав прародителѣв наших и так и нас всѣх людей, и так ангел не изорвав колося из стебла, лиш погладив колос од землѣ до верха и на верху стебла лишив маленькій колосок, чтобы ся родив хлѣб для выживленя вѣрного пса и котки та для Адама и Єви. И то говорять люде, что од тогды родиться малый колос на стеблѣ, из котрого не лиш пес и котка, но и мы маєме кождоденный хлѣб.

О сѣм положеню дочулися пес и котка. Прийшли таже ид Адаму и просили єго, обы дав им контракт, ож тото маленькоє зерно на концѣ стебла лишено для них за их вѣрность.

Адам дав им письмо. Тото письмо пес передав котцѣ и дуже ѣй наказав, обы мерьковала на контракт, бо коли письмо пропаде, то она буде виновата, єсли люде не на их но на своє выживленя будуть хосновати зерно.

Котка перебрала письмо и приобѣцяла псови, что так буде мерьковати на письмо як на свои очи. Пôшла котка с письмом домôв и де бы го спрятати, та запхала письмо у стрѣху. Дочулася о тôм мыш, пôшла у стрѣху и погрызла письмо на паздѣря.

Не у довгій час пес прийшов ид котцѣ и запросив од неѣ письмо. Котка пôшла поглядати письмо, но письма нѣт. Письмо мыш погрызла. Котка вже боялася прийти ид псови и вылѣзла на верх хижи и одтам возвѣстила псови, ож их контракт мыш поѣла.

Од того то часу сердиться пес на котку, а котка сердиться на мыш. Но котка на тôлько сердиться и днесь на мыш, что де ю лиш попаде, там ю схватить и поѣсть.

Но, та ци не правду має котка? Правду. Бо начто рушала мыш то, что не єѣ было!

А люде и днесь, понеже мыш письмо поѣла, та они уродившоєся зерно не лиш на выживленя пса и котки, но для себе и свого хосна ужувають.

Ож ци сесе истинно так ся стало, ци нѣт, то бы мôг сказати пес и котка, кобы знали говорити.

Подав: **Михаил Вадас**
управитель школы в Гедьфарку.

В. СОКОЛОВА:

ПРЯДѢЛЬНИК.

А що ты паучку дѣлаєш?
На що тонку нитку мотаєш?

Мотаю я нитку на сѣти,
Комара и мушку имити.

Смѣялася мушка: бзу-бзу-бзу,
Не скоро я в сѣтку полѣзу.

А комарь за нею иш-ш, иш-ш, иш-ш,
Не скоро мя в сѣтцѣ увидиш.

Паук засмѣявся на послѣд,
З'ѣв комара й мушку на обѣд.

Из чеського перевела: **Марійка Пôдгорянка.**

БОЖЕНА НЄМЦОВА:

Буря на Старôм Валилѣ.

Рано было парно. Стари и молоди працьовали на поли, абы хоть то звести у пелевнѣ, что вже сжате. Сонце пекло аж земля трѣскала. Духота велика, цвѣты вяли, птицѣ лѣтали при самôй землѣ, а скотина глядала тѣни. Вже од рана выступали на краю неба хмары. З початку лиш мали слѣды бѣляви ту и там розбити. Чим дальше день, тым бôльше их прибывало. Нагромаджовалися, пôдходили высоко, збивалися

в єдно, краска их ставала темнѣйша — а коло полудня цѣла западна сторона покрыта была чорною, тяжкою мракою. Зо страхом позирали женцѣ на хмару. И кто хоть трохи мав духу, бѣг до працѣ, абы дачто вхопити.

Бабуня сидѣла на порозѣ. Недовѣрчило позирала на хмары, котри вже висѣли над хижою. Хлопцѣ и Анночка бавилися за хижою. Так горячо им было, что ради были бы из себе все зметати и скочити до потока, єсли бы бабонька лиш была позволила. Анночка зѣвала, не мала охоты бавитися, а на конци и очи почали запиратися. Також и у бабоньки очи были тяжки. Ластôвки лѣтали низко, а навѣть ховалися до гнѣзд. Паук, на котрого бабонька рано позирала, як ôн ловить и дусить мухи, залѣз у паутину. Дрôб глядав на дворѣ холоду. Псы лежали у ногах бабоньки, оддыхали скоро вывалили языки. Дерева стояли тихо, а листки анѣ не порушилися.

Пан Прошек з панею прийшли з замку. Панѣ вже з далека звѣдовала: „Людоньки, жене страшна буря, ци все вже в дома?

Настала мертва тишина. Сонце зайшло за хмару, на дворѣ почорнѣло. Пан Прошек стояв на дорозѣ и розглядався доокола себе.

Почали падати велики каплѣ. Блискавицѣ перекрещовалися по чорнôм небѣ, громы гуркотѣли один по другôм. Дождь ляв, як з коновки. Небо все отвиралося, блиск за блиском, грôм за громом, гейбы у воздусѣ лѣтали якись скажени силы. На хвилю затихне — та знов блисне свѣтло, нараз гейбы вуж перерѣзав небо на двоє, гуркнуло, аж хижа задрыжала. Грôм вдарив прямо за будинком. Бабонька хотѣла вымовити: „Бог с нами!“ — але слова застрягли в устах.

Панѣ Прошкова имилася стола, пан Прошек зблѣд, дѣти почали плакати. Из тым громом почала буря утихати. Гуркôт громôв все ставав слабшій и слабшій. Хмары розходилися, мѣнили краску, и з межи сѣрых хмар почало вызирати синє небо. Перестало блискати, дождь переставав а буря утихала.

Пан Прошек выйшов вон, обойшов будинок доокола — дивиться а стара грушка лежить розколота. Сто лѣт прикрывала своими галузями стрѣху, а тепер ю грôм повалив на землю. Половина лежала на стрѣсѣ, а половина похилилася ид землѣ. Вже од дасколько лѣт она не родила, але зато ю любили, ож зеленила двôр од яри до зимы.

ПОДКАРПАТСКА РУСЬ В ПѢСНЯХ.

Верховина.

Летѣв ворон з тамтых сторон
Крылоньками шай, шай,
Як я пойду з Верховины
Буде комусь жаль, жаль.

Верховина веселая
Верховина красна
Про єдну лиш, Верховина,
Горѣвку нещасна.

Чорногора.

Ба чому вы легиники, бо й не спѣваєте?
Де вы свои спѣваночки позадѣваєте?
Ой знаю я товаришу, де я их задѣю:
Занесу их в Чорногоры, та там их посѣю;
Та будете спѣваночки по горах спѣвати,
А я легинь молоденькій по свѣтѣ блукати.

Ой щобы ты мôй миленькій
Такій веселенькій
Як у лѣтѣ в Чорногорѣ
Вѣтрець холодненькій.

Мараморош.

Якій ярець зелененькій
На тôй земли зôйшов,
Якій хлопець молоденькій
В Мараморош пôшов.

Полонина.

Пойду же я в полонинку по зелене сѣно
В полонинѣ при долинѣ там соненько сѣло:
Ще менѣ ся, посестрице, таке не здавало,
Абы менѣ в полонинѣ сонце спочивало.

Гуцулы.

Як Гуцула не любити? У Гуцула вôвцѣ,
А в Гуцула поза пояс сами сорокôвцѣ.

Бойки.

Ой пôйду я межи горы,
Там де жиють Бойки,
Де музика дробно грає,
Скачуть по легойки.

Ой Гуцулы, Гуцуленьки, десьте Войка дѣли?
Ци вы єго испеклисьте, ци сырого з'ѣли?
Нѣ мы єго испеклисьме, нѣ сырого з'ѣли,
Лише ишов через гору, та го вовки з'ѣли.

Ясѣня.

Иду я геть на Ясѣня,
Стежарь городити,
А чей прийде моя рыбка
Личко холодити.

Рахово.

Куды идеш, пане брате,
Ци не до Рахова?
Кажи моѣй бѣлявици
Най буде здорова.

Верецки.

Ой закукай, зозулечко,
Закукай небого!
Бо вже мого пробываня
В Верецких не много.

Воловое.

Воловоє здоровоє
Воловоє мѣсто,
А в Воловôм дѣвчатина
Як пшеничне тѣсто.

Студеное.

Гей бѣлявко, бѣлявочко,
Бѣлявко небого,
У Студенôм добрѣ люде
Лиш брехачôв много.

МАРІИКА ПȎДГОРЯНКА:

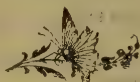
СТАТОЧНЫЙ ШКОЛЯРИК.

Бѣгав, скакав хлопчик в садочку
Тай сполошив пташку в гнѣздочку.
Спудилася пташка маленька, —
Заболѣло коло серденька. . .

Стрепала ид горѣ крыльцями,
Сховалася межи гильцями.

Ой не втѣкай пташко з садочка,
Не рушу я твого гнѣздочка.
Дѣтям твоим кривды не вдѣю;
Пташки санувати я вмѣю!

Бо то я школярик статочный,
А не пустый хлопець збиточный.

БОЖЕНА НЄМЦОВА:

При потоцѣ.

В лѣтѣ коли было дуже горячо, розоблекла бабонька дѣтей до сорочки и вела их до потока купатися; але у потоцѣ не мало быти бȏльше воды, як по колѣнка, абы ся дѣти не утопили. Або сѣла с ними на лавку и дозволяла дѣтям помочити собѣ ноги и побавитися рыбками, котри лѣтали по водѣ як стрѣли. Над водою клонилися темнолистни ȏльхи. Дѣти радо ломали прутя, метали их у воду и дивилися, як вода их несе из собою.

„Мусите кинути патичок все дальше од берега на струю; бо коли зостанеся при березѣ, задержить го кожда травиця, кождый корѣнець и довго, довго бы то тревало, аж бы прийшов до цѣли“, поучовала бабонька.

Але по тȏм, бабонько, як приплыне ид гати, ци буде мочи плысти дальше? озвався Гриць. — „Може“ — сказав Иванко. „Не знаєш, як я кинув раз патик до воды перед самою гатєю? Плыв, плыв, аж дістався у корыто, потȏм на колесо млыньске я вȏдтак впав у рѣку.“

„А де потȏм плыне“ звѣдовала Анночка бабоньку.

Од млына плыне до старого моста, од моста попôд обоче на крутѣль, од крутѣля через спад долѣ коло грунька ид пилѣ. Пôд скалою переховзнеся через груби камѣня пôд школу, де на другiй рôк будете ходити. Од школы плыне через спав до великого моста на луги а дальша на Яромирь до Лабы.“

„А де потôм плыне?“ звѣдовала дѣвчина.

„Дальше плыне по Лабѣ, аж прийде ид морю.“

— „Ах, до моря! А де то є море и яке оно?“ — „Море єсть широке, далеке, сторяз дальше ид ньому, як ид городови“ одповѣла бабонька.

„А что там стане ся с тым прутиком?“ сумно звѣдала ся дѣвчинка

„Буде колысатися по филях, а тѣ го вымечуть не берег, на березѣ проходжуєся много людей и дѣточок, а котрыйсь из хлопцѣв пôдойме прутик и подумає собѣ: „Одки ты, прутику, приплыв? Кто тебе пустив но воду. Певно там десь сидѣла дѣвчинка над водою, а она тя выломала и пустила на воду“.

А хопчик занесе собѣ той прутик до дому, засадить в землю; з прутика выросте красне дерево, пташки будуть на нѣм спѣвати и всѣ будуть радоватися.

ВАСИЛIЙ ПЕТРЕЦКIЙ:

Сôль.

Кождому чоловѣкови звѣстно, что сôль в газдовствѣ єсть дуже важным предметом. Анѣ один чоловѣк не поѣсть страву без соли. В добрôм господарствѣ газда змагаєся також на то, абы и єго скот тоѣ соли мало достав.

Сôль в натурѣ находиме в двоякôм видѣ, а то як камѣнь в земли або розпущену в морских водах. Из землѣ люде в копальнях выкопують сôль, а из морскоѣ воды выварюють. Також часом выварюють сôль на копальнѣ, коли она не чиста.

У нас на Подкарпатскôй Руси находиться в земли много соли. Од того называєся село Сôль в ужгородскôй жупѣ, а город и рѣка Солява — котру днесь вже переименовали на Свалява, в бережскôй жупѣ. Но

найбôльше соли находиться в мараморошскôй Солотвинѣ. Тут находиться и копальня соли, звôдки вывозять єѣ по цѣлôй нашôй республицѣ.

Чудно, одки набралася в землы сôль?

Давно землю по бôльшôй части покрывало море. Воды морски были наповнени великою силою розпущеноѣ соли, котра поволи, коли море почало высыхати, укладалася на днѣ. Потôм як море высушилося, остала сôль скаменѣла. На ню знов дождѣ нанесли з гôр всяку землю, глину, камѣня и закрыли ю зовсѣм.

Никто не мôг бы довѣдатися, что пôд землею находиться такій дорогій скарб. На то довела людей аж вода, котра вытѣкаючи из студникôв, была всегда солона. То быв знак, что туй пôд землею укрываєся сôль.

У Мароморошскôй Солотвинѣ сôль находиться пôд землею уже 25—30 метрôв глубины. Коли почнеме за нєю копати, то на самôм верху покажеся нам чорна земля а за нею глина на 20—30 метрôв глубоко. Пôд глиною найдеме твердый камѣнь на 2—3 метры у спôд званый кремень, а лиш за ним прийде сôль. Той твердый камѣнь хоронить сôль од воды, котру ôн затримує и не перепустить до воды.

Чтобы дознатися, ци пôд землєю єсть направду сôль и ци єѣ єсть богато, роблять люде верчѣня. Пускають у землю свердло и вертять доти, доки не покажеся яких 30 метрôв пôд землєю сôль. Як вже дѣйсно в тôй глубинѣ покажеся, вертять ще дальше, абы дознатися, як груба єсть верства соли, ци выплатиться єѣ копати и ци та сôль єсть.

Коли верчѣня здасться, там коплять шахту (глубоку яму), приправляють машину из двома скринями и спускають у нѣй роботникôв. Робôтники починають копати яму, чтораз ширше, роблять коридоры (ходники), стовпы при помочи котрых пôдкрѣпляють шахту од завалу.

Робота починаєся так: робôтник мосяжным чеканом вырубує одну чотыриугольну таблу, котру при помочи желѣзных клинôв одобють. Ту велику таблу роздроблюють на менши куски, кладуть их на возики, котри на шинах пôдвозять ю аж до пôдносноѣ машины. Та машина, як сказано, має двѣ скринѣ (кошары), из котрых одна иде в гору, а друга одночасно в низ. Нею то вывозять сôль на верх.

Так выкопана и вынесена на верх сôль находиться в такôм видѣ як камѣнь. Для того называють ю камѣнна сôль. Сю уживають для скота и на газдовски потребы. Для ужитку людей мелять камѣнну сôль в окремых млынах.

ОЛЕКСАНДЕР КОНИСЬКІЙ:

МИКОЛА.

Жила вдова мала сына
Миколою звався;
Что за гарный парубочок
Он на диво вдався!
Стан высокій, вус чорнявый,
Очицѣ як зорѣ.
А кучерѣ!... вились, вились,
Як хвилѣ на морѣ.
На все село величалась
Миколою мати!

Тай былож то єѣ сыном
Як повеличатись!
Не одною ôн красою
У селѣ пышався, —
Он роботник, ôн господарь,
Он до всюго вдався!
И не диво, что всѣ єго
Щиро поважали,
Что на все село про него
Добра слава стала!

В лѣсѣ.

Иванко и Василько проходилися лѣсною пасѣкою. Горячій воздух прямо дусив, так что тяжко было ити. Иванко стяг чоботы, взяв на палицю, завѣсив на плечи тай ишов босо по травѣ.

„Гад, гад!“ — закричав нараз Василько. Його быстри очи умѣли пôдглянути и найменшу звѣрину, повзаючу пôд листєм. Великій змій выгрѣвався до сонця на пѣшнику, а теперь звываючися бѣг у черничник.

„Наѣвся“ — говорив Василько „ледво лѣзе, инакше скоро бы уже утѣк“. — Змій кôлько раз ставав, пôдносив голову, хотячи кусати. Але видкочувся за слабый и дале знов почав утѣкати.

„Добрѣ запамятай го собѣ, говорив Василько, абысь пôзнав як звиваєся и якій має сѣрканистый и цикцаковатый хребет. Удариш раз довгим патиком по головѣ и вже по нѣм.“

И дѣйсно так зробив Василько, и вже было по нѣм. Завертѣв собою, пôдскочив в гору и конець.

Але чому ôн такій надутый? Хлопцѣ перевернули го. Певно має чтось у собѣ — думали. Василько розорвав го, а з черева вылѣзла обслинена але ще цѣла синиця.

Бѣдна, говорили, певно и не думаса нынѣ рано, як збирала потятам гусельницѣ, что буде колись на закуску.

По тôй пригодѣ провадив Василько смѣло в лѣс, а тѣнисти дерева закрывали их од жары сонця.

НАРОДНО ПРОСВѢТНЕ ТОРЖЕСТВО В ДЕРЖ. ШКОЛѢ В ОСОѢ.

подав: А. Староста.

Дня 7. V. в недѣлю о г. 3 п. п. (15) одбылося в державнôй народной школѣ в Осой первое народное просвѣтное торжество для честованя нашого п. президента при отвореню ново основаноѣ читальнѣ. Осойски школьни дѣти прекрасно исповняли свои точки. Зараз на вступѣ задзвенѣла милым голосочком 8 рôчна дѣвочка Олена Юричи выголосила стих Т. Шевченка: „Учѣтесь брате мои, думайте, читайте“. Хор дѣточій пôд управою учителя Ульваньского добрѣ одспѣвав „Верховина“, „Де згода в семействѣ“. По серед спѣвов упр. школы А. Староста перечитовав отчит про жите п. президента, из котрого могли люди много научитися.

Учитель Турянич из Илницѣ сам и разом з девять рочным М. Хорватом грою на гуслях проуказовали красу нашоѣ пѣснѣ.

На законченя промовив предсѣдатель читальнѣ О. Ст. Пайкоши, и указуючи як примѣр п. президента провозгласив ему многолѣтвіе, а послѣ одсѣпваня сего желав присутным, абы сесе свято возбудило их до дальшоѣ просвѣтноѣ працѣ.

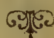
ПРИПОВѢДКИ НА МѢСЯЦЬ ЧЕРВЕНЬ (ІЮНЬ).

1, На Кирила лѣто починаеться, на Ілію кôнчаеться.

2. Яку житѣ стоколося — буде хлѣба до паса, як зьонець — хлѣбови конець.

3. Як лѣтом пролежиш — в зимѣ з торбою побѣжиш.

4. Червень тому зелениться, хто працьовати не лѣниться.

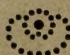
СОДЕРЖАНЯ.

Книгопечатня „Викторія“ Ужгород.

СТАТѢ НАУЧНИ:

СТИХИ И ПѢСНѢ:

ПѢСНѢ З НОТАМИ:

Statní tiskárna v Užhorodě. 1923-161.